

love_fantasy
popadanec

Елена
Сергеевна
Счастливая
1bf9704d-bde5-484e-b921-d23167dcdea9

Жена в наследство. Книга 1

Последнее, на что я рассчитывала, собираясь в салон примерять свадебное платье, так это оказаться в другом мире. Здесь меня тоже ждет свадьба, да только жених не слишком мне рад. Потому что неведомо как я заняла тело ненавистной ему и его сыну девицы. Теперь мне нужно разобраться с чужим прошлым и вернуть свою жизнь, оставшуюся за гранью миров. Да только как это сделать, если здесь только каменные стены мрачного замка и чужая ненависть, в которой я не виновата?

магические способности, авантюрные приключения, превращения любви, иные миры, магия и колдовство
2019

ru

Александр
Умняков
shum29
au.shum@gmail.com

FictionBook Editor Release 2.6.7
09 July 2019
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43072267
Издательский текст
8b782342-a0a7-11e9-9468-0cc47a5f137d
1.0

v 1.0 – создание файла

Литагент
1 редакция (12)
b7a1736a-1afb-11e9-b9d6-0cc47a520474

Жена в наследство. Книга первая
Эксмо
М.
2019

Елена Сергеевна Счастливая
Жена в наследство. Книга первая

© Счастливая Е. С., 2019
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Глава 1

– Будь же ты жив-здоров! – Я едва удержалась от того, чтобы не выругаться покрепче. Гораздо крепче. – Подожди, Ань.

Опустила трубку сотового и склонилась, едва не пролив кофе из полупустого стаканчика «Старбакс». Провела пальцем по свежей широкой царапине на бампере моей новой жемчужной «Мазды». Чёрт побери, ведь только неделю назад забрала из салона! Сквозь ободранную краску проступала грунтовка. Вот и начался день. Мало мне было ссоры с Антоном утром, так ещё и это.

Я снова приложила телефон к уху. Аня вздохнула сочувствующе.

– Что случилось? – голос у неё был встревоженный.

– Да какая-то скотина поцарапала мне бампер и смылась! Теперь доказывай в страховой, что я не верблюд.

Я махнула рукой.

– Расслабься. Выдохни... – Аня снова заговорила умиротворённо, будто собиралась меня усыпить.

Ох уж мне эти её книжки по психологии и аутотренинги. Сейчас мне они точно не помогут.

– Я знаю, что мне нужно. Чёртов шопинг. Сейчас же еду к тебе!

– Ты же завтра собиралась.

– Приеду через полчаса. Жди.

– Жду, – проникновенно согласилась подруга.

Гневно глядя в ту сторону, где, возможно, пропал тот, кто испоганил мне машину и утро, я допила свой кофе со льдом, обмахиваясь папкой в другой руке. Проклятая жара. Казалось, сейчас на мне даже туфли расплавятся. В такую погоду сидеть бы дома с ведёрком фисташкового мороженого в обнимку, а не мотаться по раскалённому городу.

Я метко бросила пустой стаканчик в ближайшую урну и едва не вздрогнула, как в тот же миг снова затрезвонил телефон – посмотрела на экран и закатила глаза.

Эта клиентка, похоже, с меня живой не слезет. А сегодня, в весьма скверном расположении духа, мне вообще ни с кем говорить не хотелось – да куда денешься. Эта заказчица платила за организацию своей свадьбы приличные деньги: такие контракты попадают далеко не всегда. И потому приходилось терпеть её прихоти, а иногда мягко настаивать на своём, если она принималась нести откровенную чушь.

Медленно вздохнув, я нажала кнопку только что надетой гарнитуры, принимая вызов.

– Доброе утро, Марина! – всеми интонациями попыталась передать наивнейшую улыбку. – Я как раз собираюсь ехать смотреть ткани для вашего оформления... Нашла именно тот цвет, о котором мы говорили... Конечно... Да...

Я села в машину, слушая взволнованный клёкот заказчицы, и завела мотор. Автомобиль резво заурчал, а после лихо взвыл, когда я нажала на педаль газа, слишком порывисто выезжая со своего места. Антон порой ругал меня за это. Мол, так я и сама могу вляпаться кому-то в бампер. Будто и представить не мог, что в этом случае у меня всё под контролем. Конечно, как такое можно вообразить, если за рулём женщина. И ничего, что у этой женщины водительский стаж будет побольше его.

Быстрым нажатием кнопки я выключила «хэндсфри» и раздражённо сбросила его с уха на сиденье рядом. Всё! До обеда никаких звонков, пусть хоть поджарятся от нетерпения. Всегда можно позвонить моей ассистентке Лидочке, милой девочке, которая каждой клиентке готова пятки массировать. Или Ольге – наоборот, строгой и сдержанной, умеющей остудить любой пыл и привести комиссарскую аргументацию по поводу того, что на столе должны стоять не красные розы, а именно дымчато-розовые пионы. Но нет, нужно всегда донимать в первую очередь меня, как будто каждый раз, как кому-то приходит в голову новая идея, тут же начинают рушиться все небоскрёбы Москва-Сити.

А пока Лидочка или Ольга разбираются с остервенелыми в предсвадебной горячке невестами, мне и самой не помешает уделить время своему грядущему торжеству. Да-да, организаторы свадеб тоже порой выходят замуж. И, к сожалению, им катастрофически не хватает времени на свой праздник, потому как на части их дерут клиентки и иногда собственные ассистентки. А вовсе изредка – будущий муж, которому тоже, оказывается, надо внимание в этот суматошный период.

Но, к счастью, Антон ещё не звонил, разозлённый нашей сегодняшней стычкой по поводу необходимости приезда его безалаберного, хамоватого братца на свадьбу. Видно, дулся ещё. А может, застрял на важном совещании. Оно и к лучшему. Успею остыть оба, прежде чем вернуться к конструктивному разговору. А я успею заняться приятным делом и заодно залечить душевную рану от порчи нового авто.

Давно знакомой дорогой я добралась до салона известного свадебного модельера – Анны Романковой. На сей раз даже не по поводу платья для очередной заказчицы. Сегодня я приехала на примерку своего собственного, выстраданного в долгих обсуждениях выбора тканей и фасона. Парковочное место для меня ожидаемо было свободно. Я вышла, аккуратно хлопнув дверь, и прищурилась, глядя на сияющую в свете солнца вывеску ателье. Аня сменила её недавно, отметив пятилетие своего детища, которое приобрело немалую популярность во многом благодаря мне. Ну и безупречному вкусу хозяйки, естественно.

Асфальт прямо плавился под ногами, проминался – и я слегка застревала в нём каблучками. Жакет пришлось скинуть и остаться в одной блузке без рукавов – так хоть немного легче, хотя жара всё равно раскаляла голову.

Каким же счастьем было вновь зайти в прохладное от дыхания кондиционера помещение. Эти несколько метров от машины до двери показались адским адом.

– Доброе утро!

Я улыбнулась администратору Алине, которая встретила меня за невысокой полукруглой стойкой ресепшена.

– Доброе утро, Полина Сергеевна! – Девушка даже встала, заставляя ощутить себя жутко важной персоной.

Она быстро набрала номер и доложила хозяйке, что приехала Полина Жукова, чтобы та вышла ко мне лично, а потом вновь уставилась на меня, храня на губах почти что подобострастную улыбку.

С модельером Анечкой мы дружили со школы. После жизнь немного развела нас в разные стороны, мы даже не виделись несколько лет, зная друг о друге то небольшое, что мимоходом рассказывали общие знакомые. Созванивались порой, но редко. Казалось, теперь у нас разные судьбы. Она училась на дизайнера, а я вообще на инженера.

Но витиеватые повороты судьбы вывели меня к стезе организатора свадеб. А там мы столкнулись с Аней очень неожиданно и теперь всегда поддерживали тесное общение.

– Полиночка, наконец-то! – Звонкий голос Ани раздался откуда-то из офисных недр салона ещё тогда, как я её не видела. – Я думала, ты так и не приедешь на примерку. Всё откладывала, откладывала. Надо было позаранее тебе машину раньше.

Я улыбнулась, когда передо мной возникла наконец чуть полноватая брюнетка ростом мне чуть выше плеча. Как всегда, одетая безупречно – так, что лёгкая дородность вовсе не бросалась в глаза. Да что говорить, ухажёров у неё всегда было хоть отбавляй. Наверное, поэтому она до сих пор ещё не могла определиться. Хоть и получала уже несколько предложений о замужестве.

– Я, конечно, рискую забыть дату собственной свадьбы. Но о примерке платья – никогда. Тем более после такого...

Мы обнялись коротко. Я стёрла с щеки лёгкий след от её помады.

– Пойдём, оно тебя ждёт, – с придыханием возвестила Аня.

Мы вошли в ВИП-примерочную, огороженную занавесями цвета поздней сирени – и я так и встала, едва не выронив клатч из-под мышки. Оно было настолько великолепно, что хотелось зажмуриться.

– Надевай скорей, – шепнула подруга, привстав на цыпочки, чтобы дотянуться до моего уха. – Ей-богу, я слышала сегодня, как оно тебя тихо звало. Я не чокнулась. Не думай.

Она многозначительно покивала, когда я посмотрела на неё с долей скепсиса на лице. Нет, с платьями, которые выходили из-под руки, а точнее, карандаша Ани, у неё были особые отношения. Но чтобы разговаривать с ними... Такого я ещё о ней не знала.

Я быстро скинула костюм и позволила подоспевшим на помощь ассистенткам Анны надеть на меня моё самое желанное на свете платье. Оно пронеслось по телу волной тяжёлого прохладного шёлка, облепило грудь мягким кружевом, село по фигуре так идеально, что от кожи не отличишь. Но чудным образом вовсе не стесняло движений. Откровенное декольте, обрамлённое волнами кружева, смягчалось строгим воротником, который, переходя с плеч, обхватывал шею подобием бархатки. Струющийся шёлковый подол с недлинным шлейфом ложился позади мягкой волной. Талию обнимал тонкий золотистый ремешок.

Я приподняла волосы, открывая шею и скулы, повертела головой, прикидывая, как буду смотреться с причёской, которая подходила бы этому платью лучше всего. Перфекто. Лучше и быть не может. Скрупулёзно снятые мерки, крой, дорогие ткани – и хоть сейчас под венец.

Потому что расставаться с ним ни на миг не хочется.

Аня стояла за моей спиной, сложив руки у груди – и казалось, что сейчас расплечется.

– Ты такая красивая, Поля. Даже самой замуж захотелось.

– Так иди. – Я усмехнулась, глядя на неё через зеркало. – Кто там тебя сейчас зовёт? Роман?

– Андрей, – обиженно поправила меня подруга. – С Ромой мы расстались ещё два месяца назад.

Я и хотела бы присвистнуть, да не умела. Не успела я ещё привыкнуть к Ромочке, который обхаживал подругу... Семь месяцев? Девять? Как теперь на меня свалилась новость, что у неё какой-то Андрей. Который уже – дамы и господа! – зовёт её замуж.

– Ты страшный человек, Аня. – Я покачала головой, проводя ладонью по приятно неровному кружеву под грудью. – Как ты до сих пор не увела у меня Антона?

Та махнула рукой.

– Ну, во-первых, уводить мужчин у подруг – это низко и вообще табу. А во-вторых, он же влюблён в тебя без оглядки. Правда, не знаю почему.

Она показала мне язык в ответ на возмущённый взгляд. Я снова посмотрела на своё отражение. Повела плечами, маясь от первого раздражающего ощущения. Как будто что-то кололо под лопаткой.

– Ты точно вынула все булавки?

Попыталась пошарить по ткани, но не удалось дотянуться.

– Шутишь? – фыркнула Аня, подходя ближе. – Это же моя репутация...

Она провела ладонью по кружеву, ощупывая. А я пристально уставилась в своё отражение: уж больно странным оно показалось. Как будто смотрела на меня с той стороны зеркала совсем другая девушка, а сама его поверхность плыла, покрывалась рябью, открывая картину вовсе не Аниного салона, а какой-то полутёмной комнаты с каменными стенами и узким окном. Это видение длилось всего миг, а после меня словно скрутило стальным кольцом там, где был пояс. Сдавило все внутренности – и показалось, что сейчас раздробит позвоночник. Не помню, кричала я или нет. Скорее всего, просто вздохнуть не могла. Аня захлопотала вокруг меня испуганно, мелькая светлым пятном блузки перед глазами – вперемешку с другими пятнами, которые застилали всё впереди. Я не могла дышать и говорить. Только чувствовала, как кренюсь вбок. Меня пытаются подхватить чьи-то руки, но сил их хватает только на то, чтобы хоть как-нибудь мягко уложить на гладкий мраморный пол.

– Снимите, – прохрипела я то ли тихо, то ли и вовсе беззвучно. – Платье.

Последним увидела лицо подруги, склонившееся близко-близко. Она говорила что-то. Я не расслышала. А после просто провалилась в обморок.

Я никогда не падала в обмороки раньше, а потому не знала, как должна чувствовать себя в этот миг. Но даже так могла понять, что вовсе не типичные ощущения обуревают меня.

Казалось, что я бегу. Дышу часто и рвано, захлёбываюсь густым, влажным, будто перед грозой, воздухом. В ногах плещется подол длинного платья. Тяжёлый: то ли бархатный, то ли атласный – некогда смотреть. Потому что за мной гонятся. Я слышу его хрип – сочный, жадный – и нет

сомнения в том, что это не человек. А значит, меня хотят сожрать. Или просто разорвать на куски ради удовольствия и в угоду кровожадности. И я боюсь оглянуться, потому что знаю: если увижу преследователя, просто остолбенею от ужаса. Потому надо бежать.

Трещат под ногами ветки. Иногда хлопает грязь – и обувь уже промокла давно, но это всё равно – лишь бы скрыться. Накрывает с головой ощущение жуткой ошибки и беспомощности, будто я сама загнала себя в эту западню, только либо не знала, либо не помнила, как такое случилось. Что-то явно пошло не так в этот день.

До меня волной докатывается страшный смрад, который даже не с чем сравнить. Гниющего мяса вперемешку с конским потом и стоялой, давно протухшей водой. Что-то острое цапнуло подол. Задержало. Я споткнулась, но сумела устоять и ринулась дальше, почувствовав ещё один взмах огромной лапицы за спиной. Вскрикнула, не удержав вспышки невыносимого ужаса. Вытянула перед собой руки, чтобы отвести от лица ветки густого подлеска. Они ударили мокрыми плетями по ладоням, осыпали каплями недавно прошедшего дождя. На миг брызгами охладилась голова, гудящая от напряжения и бестолковых, разорванных на клочки ужасом мыслей. Прокатилась ознобом по влажной спине прохлада сырой низины.

Чьи-то голоса слышались вдали.

– Паулине!

Я повернула к ним – за спасением. Или нет? А преследователь не отставал, гнал меня будто в капкан, который расставили на меня где-то там, впереди. Того и гляди сомкнётся на щиколотке – тогда уж не сбежать. Голоса стали громче, разнеслись мечущимся между деревьями эхом, путая: куда дальше? Где они?

Что-то просвистело, как будто бесшумная пуля. Тот, кто бежал за мной, рыкнул тихо, с подвыванием, но не остановился, кажется. Только шаги его стали тяжелее и медленней. Ещё одна тёмная полоса мелькнула сбоку, заставив дёрнуться в сторону: не зацепило бы.

Судорожный низкий всхлип за спиной. Треск валежника под тяжёлым телом. Я снова повернула, укрылась за широким тёмным стволом. Выглянула из-за него: тихо и пусто. Будто все, кто мгновение назад был вокруг, провалились сквозь землю.

Я прислонилась спиной к шершавому, дерущему спину через ткань дереву и закрыла глаза. Самое время. Другого шанса не будет, иначе меня всё же поймут не одни охотники, так другие. Чёткое осознание этого наполнило голову ясностью и решимостью. Я достала из потайного кармана платья кинжал, взвесила в мокрой от испарины и росы ладони. Обхватила его крепко и, задержав дыхание, ударила себя в бок.

* * *

Виски ломило так, будто сейчас их сжимали огромными тисками. К тому же невыносимо резало в боку, под самыми рёбрами. А уж после вбились в уши гвоздями совсем не тот шум, который можно было ожидать в салоне платьев. Топот кругом, словно мимо меня сейчас пронёсся табун лошадей, выкрики. Показалось сначала, на незнакомом языке, но с каждым мигом они становились понятнее. Будто из памяти появлялись новые слова.

Как же тяжело дышать... И во рту пересохло страшно. Тело ещё не желало слушаться, лишь позволяя принимать хоть какие-то сигналы отовсюду. Пахло сырой землёй и смятой травой. И чем-то солёным... Как будто кровью? Уж точно не морем.

Я слабо помотала головой, пытаюсь стряхнуть это липкое наваждение, но оно не отступало.

Крики стихали, уступая место какому-то неестественному безмолвию.

Я открыла глаза, пытаюсь пошевелить хоть чем-то. Хоть мизинцем – и с удивлением поняла, что в ладони моей лежит холодная рукоять то ли ножа, то ли ещё какого оружия. Плавнo изогнутая, с непонятными узорами, которые обвивали её по всей длине. Я так и лежала, ощупывая совершенно непривычный для меня предмет и глядя в небо над головой. Странное осознание наваливалось постепенно: это не то небо, к которому я привыкла. Нет, оно было обычным – казалось бы – хмурое, словно осенью, затянутое тяжёлыми, перетекающими при движении тучами. И неуловимо другим.

Я вновь закрыла глаза, надеясь, что это просто дурацкий сон. Или последствия обморока, в который я свалилась в примерочной. Топот приблизился, взметнувшись резко справа от меня. Я вскинулась, вдруг обретя силы – и едва не прямо перед глазами оказалась мускулистая грудь вороного коня. Чуть выше – морда, трепещущие вокруг удил губы и круглые ноздри, жадно втягивающие воздух.

– Вы в порядке, мейси? – Холодный, будто камень, голос свалился на голову.

А потом над шеей коня показалось лицо мужчины. Молодого, но уже далеко не юного, с точёными, выпуклыми чертами. Широкий, чуть тяжеловесный подбородок, резкие скулы, длинный аристократичный нос. И глаза – такого же цвета, как небо над ними. Сумрачные, стылые. Влажные то ли от пота, то ли от мороси волосы его падали небрежными волнами вокруг головы, только что, видно, взъерошенные рукой.

Я снова упала на землю. Грянувшись спиной о какой-то камень, на котором до этого лежала вполне спокойно, даже его не чувствуя. Что за бред? Что за кони и мужчины, словно со страниц женских романов? Кто-нибудь дайте мне наштабля, чтобы я скорее пришла в себя!

– Она ранена, – серьёзно констатировал другой голос. – Кровь теряет.

Тот незнакомец с облачными глазами спешился и быстрым шагом приблизился. Я бездумно провела взглядом по его высоким сапогам, чуть выпачканным в грязи. Он присел, опуская одно колено прямо в мешанину травы и земли. Вынул нож – или что там было – из моей ладони, едва коснувшись прохладными пальцами. Оглядел сначала его, тихо хмыкнув – отчего его красивые губы неприятно исказились, – а затем меня.

– Она ранила себя сама, – почти фыркнул, словно совсем этому не удивился. – Неужто замужество хуже смерти? Отнесите её в карету и перевяжите. Слангера грузите в телегу. Будет хорошая шкура на куртку.

– Что с телами? – спросил кто-то из его сопровождающих.

– Отправьте обратно в Шадоурик. Там займутся их погребением.

Он встал и вновь запрыгнул в седло – так ловко, что любоваться бы, но... Какие тела? Какая карета?! Я приподняла голову, вглядываясь сквозь переплетение тонких ветвей. Там и правда стоял экипаж, подобный тому, какие я видела однажды в Эрмитаже на выставке. Откуда бы ему тут взяться? Да и откуда вообще взяться мне посреди леса, на дороге, которая больше напоминала сельскую тропу, в окружении мужчин в странных, подходящих разве что для съёмок исторического фильма нарядах?

– Что произошло? – всё же решилась выяснить я, хоть от меня вопросов и распоряжений явно никто не ждал.

Обвела незнакомцев взглядом. Они все смотрели на меня со смесью усталости и любопытства – человек пять. Все высокие и атлетичные – хоть на эротик-календарь снимай. Только сейчас это меня вовсе не будоражило.

– Мы выехали вам навстречу, а застали бойню, – ответил один, самый молодой и, видно, жалостливый. – Слангеры напали. Вы одна выжили, мейси.

Осознания неправильности, но в то же время невероятной реальности происходящего сыпались на меня одно за другим. А ещё одним стало, что говорят все эти незнакомцы на совершенно чужом языке. Но, странное дело, я их прекрасно понимаю. Будто знания эти кто-то вложил мне в голову извне.

Нет, я точно ударились черепом о дорогуший пол в Анином салоне. Может быть, у меня даже сотрясение головного мозга! Может, я вообще теперь буду лежать всю оставшуюся жалкую жизнь в коме и видеть перед собой вот это всё. Ведь такого просто не может быть!

– Хватит болтать! Унесите уже её! – напомнил предводитель.

Один из его сопровождающих шагнул ближе, присел. Я и хотела бы вскочить, оттолкнуть огромные мужские руки, что потянулись ко мне, да только слабо дёрнулась. И тут же дыхание застряло в груди от боли.

– Тише, мейси. Осторожнее... – успокаивающе заговорил склонившийся ко мне темноволосый мужчина, улыбаясь слегка растерянно и мягко хватая меня за плечи. – Вы ранены, вам нужна помощь. Тише...

– Мне не нужна помощь, – просипела я и сама же удивилась. – Мне нужно домой!

Оказывается, и говорила я на другом языке так, будто он был мне родным. Да только слушать и хвалить меня за невероятные знания никто не стал. Мужик сгрёб меня на руки, отчего в бокую словно раскалённый гвоздь шевельнулся, и понёс прочь. Я вывернула голову, отыскивая взглядом того незнакомца на вороном коне, но увидела только его спину, что возвышалась над крупом лошади, отдаваясь от меня. Почему-то казалось, что ответы надо узнавать у него. Кто он такой? Кто вы все такие?!

И тут засыпать бы их вопросами, но какой-то неведомый инстинкт подсказал, что сейчас нужно помолчать. Начни я утверждать, что меня вовсе не должно здесь быть, требовать вернуть домой – и в лучшем случае меня сочтут сумасшедшей. В худшем... а вот наихудшие перспективы я

себе и представить боялась. Да и теплилась в душе ещё надежда, что всё это только нечто вроде сна, хоть ощущения были весьма натуральные. Стреляющая боль в боку, запах сырой шерсти, что исходил от плаща того мужчины, который нёс меня в ту самую мрачноватую тёмно-коричневую карету со сложными вензелями на дверцах. Видно, это какие-то родовые знаки. В экипаже оказалось промозгло. Погода, похоже, не радовала уже давно – и в пути всё здесь отсырело. Даже обивка дивана, куда меня и уложили аккуратно. А вот сама карета выглядела довольно богато, если я вообще что-то понимала в убранстве таких повозок.

– Дайте посмотрю. – Всё тот же незнакомец присел на корточках рядом и осторожно приподнял мою руку, открывая горящий огнём бок. – Позвольте.

Я попыталась вырваться, ещё не веря в происходящее. Карета дёрнулась, трогаясь с места – и мужчина покачнулся, навалился слегка. Меня даже передёрнуло. Ох, не люблю, когда всякие не слишком хорошо вымытые джентльмены, сильно смахивающие на только вышедших из леса егерей, нарушают моё личное пространство. Пусть и не нарочно.

Он извинился тихо и всё же осмотрел рану, слегка разодрав длинное бордовое платье весьма странного для меня кроя, и без того раньше вспоротое ножом. Цокнул языком досадливо, и внутри всё закрутилось узлом – я умираю? Вдруг резко захотелось жить. Хотя бы в этом пока непонятном мне мире.

– Что там? – спросила, остро желая узнать подробности.

И тут же поняла, что сглупила. Ведь тот надменный аристократ – а он явно был непростых кровей, это даже я, жительница мегаполиса, где аристократов не каждый день встретишь в булочной, понимала, сказал, что ранила я себя сама. И результат моего неосторожного вопроса проявился тут же: мужчина глянул подозрительно и удивлённо.

– Там глубокая рана, мейси. Вы что же, не помните, как сами себя ударили ножом? Или прикидываетесь дурочкой?

Так. Похоже, ко мне здесь если не все, то многие относились с непонятной неприязнью. И что самое паршивое – я ведь и правда ничего не знала из того, что случилось перед тем, как меня нашли. На минуточку, с ножевым ранением.

– Я... Я не знаю. Я помню всё очень плохо...

Иногда прикинуться дурочкой – не самый плохой вариант. Тогда мужчины начинают относиться снисходительней: мол, что с неё, блондинки, взять. Порой выгодно. Похоже, эта хитрость сыграла и здесь. Незнакомец вздохнул, закатив глаза, а потом вновь вперился в мой бок, осторожно его ощупывая.

– Кровь надо остановить и перевязать вас, иначе может обернуться плохо, – без особых эмоций сообщил он. – Кинжал вошёл неглубоко и, кажется, ничего важного не задел. В Стражи вас не взяли бы – с такой-то меткостью.

Кто такие эти загадочные Стражи, я, понятное дело, и понятия не имела – а потому благоразумно промолчала на его слова, которые, видно, должна была воспринять как колкость. Мужчина снял со своего пояса нечто наподобие фляжки, открутил крышку и щедро плеснул мне на рану. Наверное, я взвыла, как буйвол в любовной горячке. По крайней мере, никогда раньше таких звуков в моём горле не рождалось. Даже в ту пору, как мама неосторожно отдала меня в хоровое отделение музыкальной школы, непонятно с чего решив, что у меня есть слух. Из глаз тут же вышибло слёзы, а дыхание заколотилось в груди, словно сотни маленьких раскалённых камешков. Как больно-то!

– С ума сошли? – прохрипела я, выгибаясь на жёстком, трясущемся вместе с каретой диване.

И тут все мои и без того скудные силы разом схлынули. Я распласталась, не способная пошевелить ничем больше. Только чувствовала жгучую боль, которая охватывала, кажется, уже не только бок, а всё тело, въедалась даже во внутренности.

– Что у вас там творится? – раздался возмущённый оклик снаружи. – Стоять!

Карета резко остановилась, и я едва не скатилась с дивана. Распахнулась дверца, и внутрь заглянул тот самый мрачный аристократ. Он перевёл гневный взгляд с меня на моего невольного мучителя, а тот только развёл руками.

– Делаю, что могу, мениэр ван Берг. Вы же приказали. Её бы лекарю показать. Да и женщина тут справилась бы лучше – жаль, погибла. А так... Как бы не загноилось.

Божечки, похоже, об антисептиках здесь слыхом не слыхивали, кроме того, что выплеснули мне на бок только что.

– Покажем. Геролфу покажем, как доберёмся до поместья, – уже спокойнее проговорил тот. – Но вы всё ж поосторожнее. Отец не будет рад подпорченной невесте. Хотя... Целость её шкуры не имеет особого значения. Но всё ж неприятно – столько расходов.

«Ах ты ж какой гад!» – подумалось с вялой злостью. Просто мозг был сейчас настолько ослеплён болью, что даже ругательств никаких толковых в нём не могло возникнуть. Но то, с каким пренебрежением он отозвался о, между прочим, моей шкуре, всё ж укололо где-то в подвздошье. А уж потом до меня дошёл смысл остальных его слов. Невеста отца... Какого, простите, чёрта?! Мало того что очнулась не пойми где, так ещё и в статусе невесты какого-то очередного незнакомого мужика. И как ни мало мне нравилась вся эта мутная ситуация с самого начала, а чем дальше, тем нравилась всё меньше.

Но тот, кого называли мениэром ван Бергом, только равнодушно скользнул по мне взглядом, словно по дождевому червю, который переползал дорогу перед ним. Так и представилось, как он заносит ногу и давит меня без единого проблеска сожаления. И было так дико видеть на чьём-либо лице столько омерзения, что я даже затихла от потрясения, перестав судорожно всхлипывать. Да в чём же успела перед ним провиниться?

Не в силах более выносить его ненасытный взгляд, я отвернулась, а он захлопнул дверцу кареты. Повозка качнулась и поехала дальше, сопровождаемая всадниками по обе стороны. Но на миг это перестало иметь хоть какое-то значение. Потому что меня настигло ещё одно понимание. Я была не я.

Вернее, я, но в какой-то другой оболочке. Мои разметавшиеся по сиденью волосы оказались чёрными, совсем как шкура вороного коня ван Берга. Куда подевался мой пепельный блонд?! Мало того что я вдруг стала брюнеткой, так ещё и моё вылизанное – волосок к волоску – каре до плеч превратилось в копну густых выющихся локонов. Они теперь стелились под моей головой и спиной, местами слипшиеся от грязи, но всё равно невероятно красивые. Даже завораживающие. У меня никогда в жизни не было таких длинных волос.

Превозмогая боль, я подняла руки и оглядела их – точно не мои. Длинные пальцы, даже чуть костлявые, но в целом красивой формы. Естественно, никакого маникюра. И попросить бы у кого зеркало, но это будет выглядеть очень уж подозрительно. Да и вряд ли у того коновала, что неуклюже взялся за моё лечение, окажется вдруг зеркальце за пазухой.

Пока он возился в перекинутой через плечо увесистой сумке, я ощупала своё лицо, конечно, ничего толком не понимая, но смутно догадываясь, что и оно принадлежит не мне. Нет, это точно пахло черепно-мозговой травмой. Примерила платье, называется.

Одно хорошо: тот мужчина, на чьё попечение меня оставили, всё ж нашёл, чем перевязать рану. После прижигания тем лютым пойлом, вонью с которым не мог потягаться даже дешёвый виски, боль немного успокоилась, но чувство назойливого жжения никак не уходило. К тому же от крепкой перевязи было тяжело дышать. Но не мне в моём положении жаловаться. Ещё недавно я и предположить не могла, что могу умереть от удара в бок ножом, а сегодня эта возможность замаячила передо мной пугающе отчётливо.

К тому же чем дольше я ехала в этом сыром экипаже по соседству с незнакомцем, которого успела уже неплохо разглядеть, тем больше убеждалась, что это не сон и не наваждение. И даже не бред. Я и правда каким-то неведомым образом попала то ли в прошлое, то ли и вовсе в какой-то другой мир. Не зря померещилась мне та девица в зеркале. Ох, не зря. Это было вовсе не порождение жары, которая маяла с самого утра.

– Как вас зовут, мениэр? – после затянувшегося молчания всё же решила спросить моего спутника, который сел в противоположном углу кареты и вперился в маленькое оконце. После наблюдения за всем, что он делал, за тем, как смотрел на меня и как разговаривал, я сделала вывод, что раньше мы не были знакомы. Он повернул ко мне слегка взлохмаченную голову, хмуря чёрные, будто углем нарисованные брови. Но, кажется, ничуть не удивился вопросу: а значит, я не ошиблась.

– Алдрик.

– А как меня зовут, вы знаете? – Мужчина нахмурился ещё сильнее, потому пришлось пояснить: – Просто не знаю, представляться вам или нет.

Он слегка успокоился и повёл плечом.

– Знаю. Паулине дер Энтин. Можете не представляться. Вас сейчас в окружении йонкера Хилберта ван Берга мало кто не знает. А уж его отца – тем более.

Он хмыкнул то ли презрительно, то ли насмешливо. А мне немного полегчало. Хотя бы удалось выведать имя предводителя всей этой шайки. Уже в этом не попаду впросак, если придётся к нему обращаться. Осталось только выяснить имя того мужчины, которому я неведомо каким сомнительным счастьем приходилась теперь невестой.

Вот же подстава! Собиралась замуж за Антона, которого знала уже вдоль и поперёк, а тут просватана за того, кого не знаю, как и зовут. Лютое средневековье, что тут скажешь.

Паника накрывала меня рваными волнами. Но я старалась успокоиться: что-то да выведаю о неожиданном женишке. А там мало-помалу, может, удастся разузнать, кто я вообще теперь такая – тоже вопрос не из последних. Может, пойму даже то, как вернуться назад – в свой мир и своё тело. Вот своего тела было особенно жаль. В остальном же я вообще мало представляла себе, как буду выкручиваться, когда дело коснётся того, что я должна знать, а не знаю. Ведь этот мир совершенно мне не знаком: какие тут порядки, какие устои? Может, мужчины здесь жрут жён после свадьбы – кто их знает?

Но пока что меня везли не на казнь, а, похоже, на собственную свадьбу. И, судя по всему, торжество предполагалось нерадостное.

Глава 2

Погода снаружи, похоже, совсем испортилась. Застучал по крыше дождь, не сильный, но изматывающий: от такого обычно становится пустой голова. Вот и моя опустела, кажется, просто переполнившись, словно оперативная память компьютера. Я уже не способна стала ни о чём-то переживать, ни бояться будущего. Только лежала на сиденье кареты, монотонно покачиваясь, и морщилась, когда колесо налетало на камень или попадало в ямку на дороге – тогда в боку отдавалось острой болью.

Всадникам, похоже, тоже не особо нравилось ехать под дождём, а потому они то и дело поругивались и ворчали. Я слышала множество голосов, что отрывистыми фразами вспыхивали то в одной стороне, то в другой. И поначалу ни разу – голоса Хилберта ван Берга. Похоже, ему одному было всё равно. Но из обрывочных разговоров мужчин мне удалось всё же понять, что едем мы в некий городок или деревню под названием Моссхил. Там собирались и заночевать: потому в словах каждого то и дело проскальзывало предвкушение тепла и отдыха.

Они обсуждали тех, кто, видно, напал на меня. Напал и перебил всё моё сопровождение – вернее, сопровождение Паулине. Хорошо, что трупы я не видела – это оказалось бы выше моих сил. Мужчины безуспешно пытались разговорить своего предводителя, да тот либо молчал, либо отвечал так коротко и тихо, что невозможно было разобрать слов. Будто нарочно так делал, чтобы я ничего не поняла. А ведь любая информация сейчас была для меня полезной. Начало темнеть, помалу мерк свет в оконце кареты. Алдрик задремал, привалившись виском к стенке, захрапел тихо: похоже, за моё самочувствие вовсе не беспокоился. Я и правда чуть оправилась, даже попыталась сесть: от долгого лежания затекло всё тело. Но в боку так выстрелило, что я снова опустилась на сиденье. Ну его. Лучше побережься, а то кто его знает, что будет дальше и не понадобится ли мне всё моё здоровье.

Скоро совсем уже размытая дорога по ощущениям сменилась более укатанной. Карету перестало так нещадно трясти, она перестала то и дело застревать в грязи и покатила резвее. Я приподнялась и выглянула в окно: мимо проплывали невысокие аккуратные домики – все сплошь каменные, приземистые, с небольшими оконцами, в которых обязательно горели огоньки свечей. Неудивительно: ведь в них, наверное, почти не попадает свет. Странно, почему такие маленькие окна?

Стояли вдоль дороги и более высокие дома – двухэтажные: видно, они принадлежали самым зажиточным людям. То и дело попадались вывески над дверями, мокрые от дождя, с потемневшими от влаги деревянными фигурками и коваными завитками вокруг них. То ли ремесленные мастерские, то ли какие-то лавки: разглядеть, что на них изображено, или тем более прочесть надписи я не успевала.

Скоро карета совсем замедлилась и постепенно остановилась возле окованной узкими металлическими пластинками двери.

Тут я успела разглядеть и вывеску над ней: месяц со звёздами на плоском кругу. И надпись «Утиное перо». Видно, она должна была убедить путников в том, что подушки и перины здесь исключительно мягкие. Меня же радовало уже то, что весь этот отряд не остановился ночевать под открытым небом. Если уж нет возможности переломить ситуацию сейчас – да что там переломить, хотя бы в ней разобраться, – то пока стоит просто отдохнуть и набраться сил. Путешествие в карете, у которой, наверное, и рессор-то нет, только измотало меня вконец. Алдрик проснулся, как только экипаж остановился – заморгал вяло и огляделся. Начали спешиваться всадники, а с заднего двора ночлежки прибежали двое парнишек в порядке поношенной, но чистой одежде – помогать гостям.

Я с любопытством наблюдала за тем, что происходит, через окошко, за которое цеплялась пальцами. И, увлекшись, даже вздрогнула, когда прямо перед моим носом возникло лицо Хилберта. Он распахнул дверцу и резким жестом подал мне руку.

– Надеюсь, вы способны выйти сами, мейси или вас придётся нести?

Нести меня... Ещё чего не хватало. Меня и так уже вдоволь полапал Алдрик. Я смерила хмурого йонкера взглядом и молча вложила ладонь в его пальцы. Встать с сиденья оказалось тяжело и совсем не приятно: побежало по телу покалывание, как в одной огромной отсиженной конечности, а в боку словно шипастый вал заворочался. Но я постаралась не подать вида. Только бы не упасть прямо на каменную мостовую: колени нехорошо подрагивали. Пришлось вцепиться в руку Хилберта сильнее.

Он глянул на меня подозрительно, помогая спуститься, а другой рукой махнул светловолосой девице приятной внешности в уныло коричневом платье с полосатым передником – и та спешно подошла.

– Ответьте аарди дер Энтин в приличную комнату. Самую приличную, что у вас есть. И позовите лекаря. В Моссхиле ведь есть лекарь?

Девушка закивала рьяно, украдкой оглядывая знатного господина всего – от носков его сапог до кончиков небрежно разметавшихся на ветру, прибитых дождём волос. Тот и не взглянул на неё, словно это было ниже его достоинства. Какой, однако, высокомерный. Но, стоило признать, этим он и привлекал к себе: холодностью недвижимой скалы, о которую хоть бейся, а всё равно он останется невозмутимым и безразличным к тем, кого не считает достойным своего внимания. За это его даже мне уже хотелось хорошенько треснуть.

Горничная – так я решила назвать девушку довольно сомнительной, на мой вкус, профессии – проводила меня через душный зал первого этажа постоялого двора.

Здесь располагалось нечто вроде полутёмной харчевни. Пованивало, надо признать, скверно, как на задворках какого-нибудь дешёвого дискаунтера «у дома». Да и верно: для кого здесь готовить свежую еду? В этом-то захолустье. За столом здесь сидели только двое мужчин в плотных штанах и сапогах до колен, в распахнутых куртках из странной на вид кожи, похожей на нерпу. Они мазнули по мне взглядами заинтересованно, едва подняв головы от своих кружек, наполненных чем-то горячим.

Следом за мной вошёл Хилберт – и мужчины тут же вскочили со своих мест, вытянулись, как будто окаменели. Однако...

– Мениэр ван Берг. – Они приветствовали его резкими кивками.

Служанка повела было меня дальше, но я нарочно приостановила шаг. Очень любопытно.

– Какого лысого гарга вы тут сидите? – Хилберт подошёл к незнакомцам в несколько широких шагов, и те переглянулись, ещё сильнее выпрямляя спины. – Почему не несёте дозор?

– Так дождь, мениэр ван Берг, – попытался оправдаться один. – Заехали вот согреться малость. В харчевню со стороны кухни настороженно заглянул ещё один мужик: низенький и худощавый. Видно, хозяин сего заведения: это было понятно по его встревоженному взгляду и щеголеватому виду яркого жёлто-зелёного наряда. Как на маскарад собрался.

– Согреться, – хмыкнул Хилберт.

Он взял одну из кружек, что стояли на столе, и понюхал. Качнул головой удовлетворённо: видно, там не оказалось ничего запрещённого.

– Мы сейчас же вернёмся к службе, – уверил его второй мужчина.

– Конечно, вернётесь. – Йонкер с грохотом поставил кружку обратно. – И приведите себя в порядок. Выглядите не как Стражи, а как разбойники. Скоро наведу к вам в гарнизон. Совсем распоясались.

Он повернулся и пошёл к хозяину постоянного двора. Тот с готовностью и нижайшей улыбкой вышел ему навстречу. Дальше я ничего не увидела, потому как горничная настойчиво потянула меня вверх по лестнице.

Комнат здесь оказалось немного – с десяток по обе стороны тёмного, как подземный переход на окраине, коридора. И обшарпанный вид дверей их уже заставлял сомневаться, что в матрасах постелей, что там стояли, было и правда утиное перо. Скорее уж солома.

Девушка отперла одну из них и прошла внутрь первой, неся свечу в подсвечнике. На удивление, комнатка оказалась не так уж и плоха, если забыть о том, какие отели я видела в своей жизни раньше. Если тут нет хотя бы клопов – то и ладно.

– Аарди желает поужинать? – любезно поинтересовалась горничная.

Я даже на миг растерялась. Есть совсем не хотелось, а вот выпить чего-нибудь горячего было бы замечательно. Только какие тут напитки? Чай? Кофе? Вряд ли...

– Принесите, пожалуйста, чего-нибудь согреться. Только не горячительное, – туманно выразилась я.

Но девушка понимающе кивнула и быстро вышла из комнаты, напоследок глянув на моё весьма испачканное в земле платье. Ладно хоть, дыра от ножа на нём скрылась под плащом. Пока служанка бегала в харчевню, я села на постель, а затем прилегла, озираясь. Темновато. Стены обшиты досками. На дальней висит какая-то картина, настолько засиженная мухами, что в полумраке и не разобрать, что на ней изображено: то ли какая-то пастораль, то ли голая девушка. Я пощупала пятой точкой матрас – вот ведь жулики, и правда солома.

Скоро горничная вернулась с небольшим подносом, на котором стояла солидная глиняная кружка. Над ней поднимался пар, а по комнате помалу разливался приятный аромат каких-то неизвестных мне специй.

– Что это? – всё же спросила я, не сумев совладать с любопытством.

– Волрейн, – слегка удивлённо ответила девушка.

Видно, такие простые вещи мне было положено знать. Но я состроила невозмутимый вид и кивнула ей.

– Ещё можете принести умыться?

– Конечно, мейси.

Горничная снова убежала. Удивительно услужливая для такого захолустного места. У нас где-нибудь в затрапезном городке в полупустой гостинице уже обхаживали бы с ног до головы. А тут выполняют всё, что попросишь, совершенно спокойно.

Зашумели в коридоре мужские голоса: видно, все мои спутники тоже начали расходиться по комнатам.

– Вам, мениэр, самая лучшая, что у меня есть. Только для особых гостей, – заискивающе проговорил, судя по всему, сам хозяин, проходя мимо моей каморки.

Прозвучали шаги и стихли, когда хлопнули одна за другой сразу несколько дверей.

Прислушиваясь к приглушённому гомону, я отпила из кружки – и всхлипнула, вытирая сразу выступившие на глаза слёзы. Не знаю, из чего варили этот волрейн, но напоминал он наш глинтвейн, только с хорошей порцией перца. Очень хорошей – даже в носу закрутило. Но согревал он отменно – с этим трудно было спорить.

Неожиданно в дверь постучали, и после разрешения входить двое мужчин – видно, работники этого двора – внесли тяжёлый сундук. Похоже, с моими вещами. Точнее, той девушки, в теле которой я оказалась.

А за ними в сопровождении служанки ввалился – по-другому и не охарактеризуешь эти телодвижения – полноватый мужичок девушке чуть выше плеча. Это и ладно бы, но больше всего встревожило, что он был едва не вусмерть пьян.

– Это что, лекарь?! – Я медленно отставила полупустую кружку на столик.

Девушка виновато развела руками.

– Другого у нас нет. Он не всегда такой, – попыталась она оправдать вид врача, который ни в какие ворота не лез.

– Да мне какая разница? Я не спрашиваю про дни, когда он не такой! Я его к себе не подпущу!

Лекарь пробормотал что-то совсем неразборчиво. Добавил, что он и в таком состоянии вылечит кого угодно. Сделал ещё шаг ко мне, заставив отшатнуться, и едва не рухнул лицом вниз: служанка успела его подхватить под локоть.

– Может, я могу помочь вам, мейси? – пропыхтела она, выталкивая горе-лекаря из комнаты.

– У меня там всё очень плохо. – Я поморщилась, осторожно притрагиваясь к боку. Служанка помогла мне открыть сундук и выбрать сорочку на ночь. Я умылась, вытерпев её введливый взгляд. Она, похоже, так и разрывалась от любопытства, заметив небрежную перевязь поперёк моего туловища. Видно, и спросить хотелось, что стряслось, и смелости не хватало.

– Да уж, это никуда не годится, – вздохнула девушка наконец.

А затем снова умчалась – уж сколько случилось со мной хлопот, – но скоро вернулась с каким-то горшочком и узким мотком чистой ткани. Делала она всё гораздо осторожнее и более умело, чем Алдрик. И мне теперь полегчало настолько, что о ране и вовсе, казалось, можно было позабыть. Если воздержаться от резких движений.

Выяснить бы ещё хоть что-то у этой милой девушки, о которой я, видно, несправедливо подумала в не самом лестном ключе.

– Как вас зовут, мейси? – спросила я, вспомнив, что так и не узнала её имени.

Страшно было, конечно, напутать что-то в обращении, но, похоже, ошибки не случилось.

– Лаура. А вы ведь Паулине дер Энтин... – Она глянула с опаской исподлобья. Не спросила, но уточнила. – Простите, но о вас сейчас так много говорят.

Так-так – я, прямо как ищейка, почуяла возможность узнать о себе побольше.

– Что же обо мне говорят? – фыркнула с нарочито небрежным видом и снова отпила из кружки. Кажется, к этому напитку я даже начала привыкать – по крайней мере, после какого-то глотка передёргивать меня перестало.

Лаура вздохнула и почему-то покосилась на дверь.

– Что вы – невеста главы Стражей Йонкера Маттейса ван Берга. Что он выкупил все долги вашей фамилии... И вас. – Она совсем замаялась. – Мне негоже обсуждать господ. Простите.

– Если вы обсуждаете меня со мной же, в этом, верно, нет ничего предосудительного. – Я мягко улыбнулась. – Просто... столько всего случилось. Столько бед. Если ещё обо мне ходят недобрые сплетни...

Лаура неопределённо передёрнула плечами. Видно, сплетни и правда поганые. Этого ещё не хватало.

– Всё же лучше мне помалкивать, а то ещё мениэр Зангер выгонит меня с работы. А мне нужны деньги.

– Деньги всем нужны, – заметила я.

Но, что ни говори, а нарочно вытягивать из девушки те сведения, что она рассказывать не хотела, я не имела права. Раз это могло навредить ей. И не успело прийти решение, как бы узнать ещё хоть что-то, как отрывистый стук в дверь заставил нас с Лаурой одновременно вздрогнуть.

Дверь распахнулась – и я едва удержалась от того, чтобы не закатить глаза. В комнату вошёл Хилберт ван Берг.

– Можете идти. – Он махнул рукой служанке, по-прежнему даже не глядя на неё.

И та исчезла, словно сквозняком её вынесло. Только напоследок взглянула на меня сочувствующе. Уж не знаю почему.

Йонкер прошёл в комнату, озираясь, хмыкнул каким-то своим мыслям, а потом уставился на меня, заложив руки за спину. Сырой после дождя плащ он уже скинул, как и куртку, и теперь остался в одной свободной рубашке, заправленной в облегающие его крепкие ноги штаны, схваченные на поясе широким ремнём. На нём висело оружие: увесистый меч в ножнах и с красивой рукоятью – с одной стороны, и то ли нож, то ли какой-то кинжал, чуть короче – с другой. Неслабо вооружился, идя к женщине. Так и представилось вдруг, как он рубит этими тесаками врагов. Я даже поёжилась. Слегка небрежный и усталый вид мужчины вовсе меня не успокаивал.

– Вижу, вы не удосуживаетесь спрашивать разрешения войти, – проворчала я, закончив гневно его разглядывать. – Я могла быть не одета.

– Но вы же одеты, – с обезоруживающей беспечностью парировал он. – И выглядите гораздо лучше, мейси.

Говорил Хилберт вполне мирно и спокойно. Но отчего-то меня не покидало ощущение, что он просто хочет усыпить мою бдительность.

– Да, в тёплой комнате мне гораздо лучше, чем в сырой карете. Как и оттого, что меня наконец хорошо перевязали. – Я и не хотела, а всё равно пустила в голос изрядную долю ехидства.

– Но вам было бы ещё лучше, если бы вы вовсе не пытались себя убить, – добавил Хилберт и сделал ещё несколько шагов ко мне.

Отчего-то захотелось подобрать ноги и отползти от него подальше, прижаться спиной к стене, у которой стояла постель. По пальцам одной руки можно было пересчитать те моменты в жизни, когда я робела перед мужчинами. Да и то это случалось давно, ещё в студенческую пору. А тут ничего не могла с собой поделать. Вид вооружённого йонкера едва в ступор меня не ввел.

Потому что я попросту не знала, чего от него ждать. Я вообще не знала, что может выкинуть любой человек в этом мире, куда пришлось попасть неведомо каким наказанием свыше.

– Почему вы решили, мениэр, что я хотела себя убить?

Вопрос этот мог повернуться против меня, но нужно было узнать хоть что-то.

Состроив невозмутимый и, возможно, даже нагловатый вид, я допила волрейн, что ещё оставался у меня в кружке – и постыдно поперхнулась: потому как все эти жгучие специи, которым он был приправлен, похоже, осели на дне. Мужчина смерил меня насмешливым взглядом, подхватил со стола кувшин и плеснул в другую кружку обычной воды.

Он терпеливо молчал всё то время, что я промывала охваченное жжением горло, а затем ещё и слёзы с глаз утирала.

– На самом деле я очень сомневаюсь, что вы хотели себя убить. Иначе не промахнулись бы так сильно, – продолжил он, когда я вновь подняла на него взгляд. – Да и кинжал, который был у вас в руке... Не самое обычное оружие. Я немного понимаю в письменах оудов, а на его рукояти знаки, которые очень мне их напомнили. Возможно, это ритуальный клинок. Я прав? Знала бы я ещё, прав он или нет. И знала бы, какой ответ будет для меня самым безопасным. Пока казалось, что любой уронит прямо в пропасть. Но в памяти один за другим пронеслись обрывки той гонки с чудовищем, что я видела перед тем, как очнуться. Как бежала через лес, как гналась за мной огромная тварь. И холодом по спине пронеслось воспоминание о той решимости, с которой я всадила кинжал в своё собственное тело. Без страха, без сомнений. Будто обдумала этот шаг уже давным-давно. Или то была ещё не я?

– Я не помню ничего, мениэр ван Берг, – уверенно вскинула голову, глядя на него.

Пусть считает меня лгуньей, но мне больше нечего было ответить. Пусть считает стервой, которая ни за что не признает своих проступков – желание притворяться идиоткой таяло с каждой минутой, что я находилась рядом с ним. В таком случае проще сказать правду и смотреть на его реакцию.

Она же оказалась на удивление спокойной. Как будто чего-то подобного он и ожидал. И даже не по себе стало от понимания: да он же насквозь меня видит. Или думает, что видит – отсюда и вся самоуверенность, презрение, которое казалось несправедливым. Да кто ж на самом деле мог сказать мне сейчас, не заслужила ли его та, чьё тело я занимала теперь?

Хилберт покачал головой.

– Как вы были подлой вралью, так, похоже, и остались. А я ведь в какой-то миг начал думать, что время могло вас изменить. – В его голосе вдруг почудилась странная горечь. – Что отец не зря потратил столько сил и денег, чтобы выкупить ваши долги. Вынуть вас из той бездны нищеты, в которую вы погружались всё сильнее. Если бы вы не были Ключом. Ценным Ключом, который поможет Ордену, то и догнивать бы вам сейчас в своём имении с протекающей крышей.

Как ни мало прояснилось что-то в голове, а всё равно на душе мерзко стало. Уж не знаю, от чего больше: от того, что владелица тела, возможно, и правда была той ещё дрянью, то ли от того, что из-за неё теперь я в огромном долгу перед Хилбертом и его отцом не только из-за спасения от смерти в лесу, но и более вероятной смерти от голода раньше.

Невыносимо захотелось схватиться за голову. Казалось, я сейчас просто с ума сойду прямо на этом месте. И угораздило же оказаться в теле не какой-нибудь пастушки, у которой только и забот, что гулять с белыми козочками по зелёным лугам и строить глазки деревенским красавчикам. Нет, меня занесло в тело обнищавшей аристократки, у которой скелетов в шкафу немерено.

– Разве я о чём-то вас просила? О какой-то помощи? – решила я пойти ва-банк.

Думала, сейчас в глазах Хилберта вспыхнет недоумение или гнев за неуклюжие попытки откеститься от всего, что было раньше.

– Нет. Конечно, нет. – Он улыбнулся так, что у меня вся спина покрылась мурашками. – Вы предпочли бы сдохнуть в своём каменном гробу, дожёвывая последнюю туфлю. Я это

прекрасно знаю. И возможно, помня о том, какими проклятиями вы сыпали на голову отца, я бы поверил в ваше желание покончить с собой. Если бы не этот кинжал...

– Может, это единственное оружие, которое оказалось у меня под рукой.

Я пожала плечами и встала. Прошла мимо Хилберта и поставила пустую кружку на стол.

При каждом шаге боль вспыхивала в боку. Но гораздо больше колол пыливый взгляд йонкера.

Он громко усмехнулся и подошёл со спины – близко, едва не придавливая меня к столику.

Теперь другой мужчина решил нарушить моё личное пространство – нарочно, с угрозой, – но почему-то отшатнуться от него не хотелось. Я даже чувствовала тепло его тела – и что-то мне подсказывало, что подобная близость вовсе не может быть приличной.

– Можете строить из себя вдруг проснувшуюся невинность сколько угодно. Но ритуальный кинжал в вашей руке – это не случайность. И я выясню, для чего он предназначался. – Голос Хилберта стал ниже, пробрал меня до самой глубины нутра. – Вы всех доводите до беды. Не пожалели ни матери своей, ни сестры. Вы заслужили всё, что с вами случилось. И ваша деланая гордость не стоит и клока шерсти блохастой собаки.

Он отошёл, и я тут же повернулась к нему. Но увидела только, как он выходит прочь.

Мелькнула его спина, широкая, сокрытая светлой тканью рубашки – и пропала. Я чуть присела на столик, едва переводя дух. Слыхала о людях с сильной энергетикой, даже встречала несколько раз. Так вот у Хилберта она буквально с ног сшибала. Его бы экстрасенсу показать. Но и невероятным образом она завораживала. Если это наследственное, то встречи с его отцом приходилось опасаться больше всего.

Можно догадаться, что спать я легла в весьма разодранных чувствах. И спала, признаться, паршиво, чего со мной давно уже не случалось, потому как обычно я так уставала за день со всей этой вечной беготнёй, телефонными звонками клиенток, Антона и мамы, что едва успевала прочесть пару страниц книги, как у меня начинали закрываться глаза.

От воспоминания о маме внутри аж сжалось что-то. Было не так жаль, возможно, сорванной свадьбы, чувств будущего мужа и устроенной вполне себе неплохо жизни, как того, что я, может быть, маму больше никогда не увижу. Не то чтобы я была заботливой дочерью последние месяцы, часто звонила или приезжала, зная, что после смерти отца, пусть и ушедшего от нас много лет назад, ей приходится непросто. Да только я не слишком задумывалась о том, поглощённая собственными заботами. А сейчас от мысли об упущенном времени, которое я могла бы провести с ней, стало как-то совсем горько.

И я лежала на неудобном комковатом матрасе этого странного постоянного двора, глядя в тёмный потолок и надеясь, что вот-вот очнусь, и это закончится, но оно никак не заканчивалось. По боку то и дело пробегалась резь, но и она скоро не смогла отогнать навалившейся усталости – и я всё же уснула.

А утром вновь пришла Лаура, постучала, конечно, прежде чем войти, но я всё равно вздрогнула, когда увидела её перед собой, распахнув глаза.

– Как вы себя чувствуете, мейси? – с мягким участием поинтересовалась девица.

Я села на постели, потирая глаза и по привычке нашаривая ногами тапочки на полу. Только взяться им тут было, конечно, неоткуда, а потому я разочарованно поджала озябшие ступни.

– Гораздо лучше, чем вчера, – пробормотала, сглотнув сухость в горле. Почистить бы зубы.

Интересно, у них вообще здесь чистят зубы? – Если бы не ваша забота...

И тут в голове мелькнула, как мне показалось, здравая мысль. Находиться одной среди мужчин мне было мало того что неприятно, так ещё и, наверное, не слишком прилично. Уж после гибели той неизвестной мне женщины, которая меня сопровождала из дома, йонкер не мог не задуматься о компаньонке для меня.

Лаура мне нравилась, на этой не слишком чистой работе её, скорей всего, держала необходимость – а потому я решила уже выйти из тени и начать устанавливать свои правила. Хотя бы понемногу. Без поддержки – да что уж там, – без сообщницы в этом мрачном и порой враждебном мире мне придётся совсем туго. А эта девушка почти не была со мной знакома и знала обо мне лишь то небольшое, о чём болтали сплетники. А главное – не испытывала, кажется, никакой неприязни к Паулине дер Энтин.

– Мениэр ван Берг просил вас скорее спуститься к завтраку, если вы в силах это сделать. Если нет, то я принесу вам поесть прямо сюда. – Спокойный и даже ласковый голос Лауры снимал и мои тревоги. Хоть отчасти.

Это же находка!

– Нет, со мной всё в порядке, – поспешно ответила я. – Только помогите собраться. Думаю, с вами мне это удастся гораздо скорее.

– Рада стараться. – Лаура улыбнулась. – Вы первая женщина за долгое время, что здесь появилась. А мужчины... Мужчины порой бывают совсем не вежливы. Особенно в этих краях. – Это почему же?

– Близость Пустоши всех заставляет тревожиться.

Еще один кусочек пазла, который и не знаешь, куда прилепить на этой испещрённой дырами картине.

Лаура достала из моего сундука сорочку и коричневое шерстяное платье – в дорогу в самый раз – и помогла мне одеться.

– Простите, мейси, но я очень плохо ориентируюсь на местности, – туманно проговорила я, обтирая лицо и шею после умывания. – А после ранения так и вовсе потерялась. Где именно находится ваш городок? Кажется, я здесь ни разу не бывала.

Девушка усмехнулась.

– Конечно, не бывали. Вы же едете в Волнпик, а он лежит на самой окраине нашего антрекена – на границе с Пустошью. А мы – как раз недалеко, в сутках пути от него вдоль Гряды. Здесь живут почти одни только Стражи с семьями, если те у них есть. Недалеко один из гарнизонов Ордена.

– Да уж, гостить там мне ещё не приходилось, – пробормотала я рассеянно, почему-то уверенная, что Паулине и правда раньше не бывала в этом загадочном Волнпике. Непохоже было, чтобы с ван Бергами, да и вообще Стражами она дружила. Хотя могло случиться всякое. – Здесь порой очень тоскливо. Особенно по осени. И опасно. Твари, бывает, прорываются через брешь.

– А вы не хотели бы поехать со мной? – вдруг смело предложила я, даже не предполагая реакцию девушки на свои слова.

Может, это вообще покажется ей неподобающим. Но теперь мне приходилось порой действовать и говорить на свой страх и риск. Не отмалчиваться же постоянно. Но, вопреки моим опасениям, Лаура вдруг перестала протирать полотенцем стол и посмотрела на меня недоверчиво.

– А вы можете взять меня с собой?

– Могу, – уверенно заявила я, хоть понятия не имела, получится ли это на самом деле.

Что ж, придётся теперь донимать Хилберта, пока не сдастся. Возможно, удастся помереть раньше, чем это случится.

Только дожидаться, пока я спущусь к завтраку, йонкер не стал. Пришлось наведаться в его комнату, которая оказалась и правда гораздо чище и просторнее моей, да ещё и убрана побогаче. Вот же жук здешний хозяин. Как его? Мениэр Зангер. Ведь ван Берг попросил лучшую комнату для меня. Впрочем, ладно. Ночь прошла не так и плохо, если отбросить бессонницу.

Хилберт, уже собранный в дорогу, внимательно выслушал моё предложение взять Лауру в качестве компаньонки, поразмыслил над ним немного – и совершенно неожиданно согласился.

– Вам и правда не помешает женское сопровождение, – проговорил безразлично, отворачиваясь, словно видеть меня слишком долго было для него тем ещё мучением. – Я договорюсь с мениэром Зангером. Думаю, он отпустит девушку без возражений. Пусть собирает вещи, если ей есть что собирать.

Окрылённая маленькой победой, я вернулась к себе. И совсем скоро мы снова тронулись в путь. Кроме Лауры, в карету ко мне снова сел Алдрик и тут же оглядел девушку так хмуро, что та едва в комок не сжалась.

Свежие лошади несли карету быстро, всадники всё так же окружали её, как будто опасались, что на нас кто-то ещё нападёт, либо что я могу выброситься из экипажа на полном ходу.

Думается, в глазах ван Берга обе эти возможности казались одинаково вероятными. Но бежать мне не было никакого резона. Как ни крути, а до имения своего, прости господи, будущего мужа надо было добраться. Там разузнать что-то будет гораздо больше поводов, если меня сразу не запрут где-нибудь.

Я смотрела в окно на ровную полосу бескрайнего осеннего поля, которым сменился мрачноватый лес после Моссхила, и пыталась поверить и осознать то, что случилось. Эти размышления и тревожили, кажется, но и сменялись постепенно пустотой безысходности. Я

ничего не знаю. И как ни мало я раньше поддавалась течению жизни, позволяя ему нести меня абы куда, а сейчас просто не было другого выхода.

Я вздрогнула от истощающего ржания лошади. Мужчины, которые всё это время спокойно переговаривались, вдруг заговорили громче.

– Мениэр ван Берг! – воскликнул кто-то из них.

Беспорядочный топот копыт сменился глухим стуком упавшего тела. Карета остановилась.

Алдрик вскочил с места и вывалился наружу, едва не сорвав дверцу кареты резким ударом по ней.

– Что с ним? – рывкнул так, что Лаура вздрогнула.

Я быстро перебралась по дивану к распахнутой дверце и выглянула наружу. Хилберт лежал у ног тревожно переступающего на месте коня, показалось, совсем бездыханный. Но я моргнула несколько раз и всё же увидела, что грудь его вздымается мелко и часто, как будто он запыхался. Распахнутые глаза его смотрели перед собой, опрокинутые будто бы в какую-то темноту.

– Он просто упал, – растерянно пробормотал один из мужчин.

Они один за другим спешили и подходили ближе. Только кучер оставался на своём месте.

Алдрик опустился на колени перед йонкером, склонился, всматриваясь в его лицо. Приложил ладонь к его лбу, чуть надавил, задержал соприкосновение – и разомкнул резко.

– Дерьмо, – выругался сквозь зубы.

А тело Хилберта вдруг скрутило одной большой судорогой. Он выгнулся, а потом скорчился, и по коже его пополз нехороший иссиня-серый оттенок.

Алдрик обернулся и вперился в меня почти безумным взглядом. Встал резко, и я только успела заметить, как протянул руку. Крепкие, будто стальные, пальцы вцепились в запястье. Рывок – и я едва кубарем не слетела со ступенек экипажа. В боку снова пыхнуло острой болью.

– Что вы делаете?! – возмутилась, пытаюсь мыслями поспеть за движениями мужчины.

– Вы Ключ Воли. Успокойте его.

Алдрик схватил меня за шею ниже затылка и толкнул вниз.

Больно натянулись распущенные по спине волосы. Я неловко качнулась вперёд, взмахнув руками. Мужчина надавил сильнее – и я рухнула на землю рядом с ван Бергом, едва успев упереться в неё ладонью.

– Я не понимаю!

Стражи зашумели, кажется, осуждая меня. Но я и правда совсем не понимала, что от меня хотят. Как я должна успокоить Хилберта, который сейчас походил на эпилептика в буйной стадии? Алдрик присел рядом, вцепился в меня яростным, недоумевающим взглядом.

– Вы издеваетесь?

Я не издевалась ни капли – и от этого мне становилось до икоты жутко. Алдрик смотрел на меня с ожиданием и злостью. Они все смотрели так, будто я должна была на их глазах обратить воду в вино. Они были уверены, что я умею это делать.

– Я не та, за кого вы меня держите, – сорвалось с губ раньше, чем я успела осознать. – Не Паулине дер Энтин.

Это могло обернуться катастрофой. Или концом света – не знаю. Но Алдрик приподнял бровь и оглянулся на кого-то из мужчин.

– Не пытайтесь выкрутиться. – Он схватил меня за плечи, встряхнул так, что под рёбрами будто серпом резанули. – Это не потребует от вас больших усилий. Лёгкое воздействие. А намеренно навредите йонкеру, и Маттейс с вас шкуру спустит. Сначала заберёт то, что купил, а после спустит. Кусками.

Громкий стон извивающегося на земле Хилберта заставил на него взглянуть. Его черты как будто расплывались, искажались, принимая другие формы. Сердце толкалось в груди рвано и так быстро, что казалось, будто и я сейчас рухну в конвульсиях рядом с йонкером.

По-прежнему не приходило понимание, что я вообще должна сделать. А мои слова о том, что я не Паулине, Алдрик и вовсе как будто не услышал – и, наверное, сейчас я была этому уже рада.

Повинуясь какому-то смутному наитию, я опустила руки на судорожно вздымающуюся грудь Хилберта, ощущая сквозь одежду, насколько тверды его напряжённые мышцы. Провела вверх, удивляясь тому, что и правда будто почувствовала что-то. Словно натянутую внутри его струну, которая лезвием резала его на части, рушила преграды. Пальцы пробежались по раскалённой коже его широкой шеи вверх – по щекам, по изгибу резких скул. И только сейчас,

в этот миг, я поняла, насколько он красив. Несмотря на то, что лицо его было изломано страданием.

Чтобы не отвлекаться, прикрыла веки. Йонкер вздохнул рвано и задышал как будто спокойнее. Я остановила ладони на его висках, чуть надавила пальцами – и огненная струна ослабилась. Хилберт замер, неподвижно распластавшись на земле.

А затем вдруг дёрнул головой, сбрасывая мои руки. Я открыла глаза и опустила на него взгляд. Жутковатый цвет кожи сошёл – теперь он был просто бледным. Мы смотрели друг на друга несколько мгновений. Пережитая им боль колола меня, ранила изнутри грубой наждачной бумагой. Всё шоркала и шоркала до крови. До ссадин. А Хилберт молчал. И всё ведь понимал: что я ему помогла – но, похоже, даже одно слово благодарности было для него сродни насилию над собой.

– Этого вы от меня хотели? – Я повернулась к Алдрику, вставая.

Кто-то из собравшихся кругом мужчин поддержал меня под локоть.

– Этого, – согласился тот. – И ни к чему было истерить и отпираться.

– Кто из нас двоих тут истерил, так это вы.

Я выдернула локоть из мягкой хватки чужих пальцев и вернулась в карету.

Пусть дальше разбираются со своим припадочным йонкером сами! Но прежде чем совсем скрыться в недрах экипажа, я обернулась и встретилась взглядом с Хилбертом, который уже сел. Тот дёрнул желваками и отвернулся, отмахиваясь от поданной ему одним из соратников руки.

Лаура уставилась на меня испуганно и недоверчиво, но благоразумно не стала отпускать никаких комментариев. Думается, её это всё касалось в последнюю очередь. Зазвучал тихим рокотом хриплый голос ван Берга – и от него по спине понеслась прохладная дрожь. Я устроилась на сиденье удобнее, ожидая возвращения Алдрика, и только после этого осознала, наконец, что случилось. Ведь и правда смогла остановить странный и пугающий приступ Хилберта. Что самое интересное – толком не поняла, как такое произошло. Слово не владела собственным телом – хотя надо признать, что оно ведь и правда не моё. Но как будто из подсознания вырвалось что-то, что помогло мне справиться с задачей. Вот уж верно говорят: глаза боятся, а руки делают.

Скоро мужчины снова расселись по лошадям. Резкий приказ уже совсем пришедшего в себя Хилберта тут же заставил всех тронуться с места. Алдрик заскочил в карету уже почти на ходу. Плюхнулся на свое место и, обдав меня кипящим взглядом, отвернулся.

Глава 3

Я уставилась в окно бездумно, не желая обсуждать сделанное ни с Алдриком, ни с самой собой. Вид за окном кареты, однообразно бесцветный и ровный, как проведенная бурой краской по листу полоса, успокаивал, даже убаюкивал. Похоже, здесь почти всегда скверная погода на грани ненастья. Так же, как и вчера, тянулись туго сбитые тучи по небу. Дождь то ли накрапывал, то ли нет: не разобрать в прозрачной мути. Но скоро что-то начало неуловимо меняться. Будто изогнулся горизонт. То лежала по обе стороны от дороги ничем не примечательная равнина с редкими островками деревьев вдалеке, а тут вдруг выросли срезанные будто бы огромным садовником верхушки горной гряды. Она всё увеличивалась, приближалась, наползая на сумрачное небо. Мелкие жёлтые цветы, что росли на лугу у подножия гранитных громад, выглядели совсем беспомощно на их фоне. Да и я почему-то почувствовала себя такой же маленькой и слабой.

Нет, Поля, надо собраться! К тому же ты, похоже, обладаешь здесь немалыми силами, а потому можно подумать, как они могут пригодиться. Знать бы ещё их суть...

Но в груди и вовсе что-то дрогнуло и затряслось, словно листок на ветру, когда я разглядела, что на вершине неровного холма, который окружали по обе стороны горные стены, стоит замок – издалека его можно было принять за каменный пик. Высокая башня его тонула в низких тучах, которые как будто закручивались вокруг её вершины водоворотом, в стороны уходили массивные стены с рядами небольших окон. Они тянулись застывшим водопадом и сливались с

опорой холма, который и держал его на себе. А потому казалось, что эта машина выросла прямо из него.

– Это Волнпик, – раздался у меня над головой мужской голос.

Я перевела взгляд на Алдрика. Тот разглядывал меня спокойно и внимательно, видно, увидев замешательство и восхищение на моём лице. И что можно было сказать на это? Что я таким его себе и представляла? Или никогда не видела ничего подобного? Может, здесь каждый второй замок такой – и нечему удивляться. Но в глазах Алдрика стояло настолько странное выражение, что вмиг стало понятно: Волнпик такой один. И, думается, возможность попасть сюда нельзя расценивать как самую большую удачу в жизни.

Лаура тоже застыла, приоткрыв рот, почти высунув голову в окно. Похоже, и она бывала здесь впервые, даже мимо никогда не проезжала, хоть и жила не так далеко.

Дорога понеслась прямо к подножию холма. Лихо изогнулась, взбираясь на него совершенно немыслимым образом: никакого пути к замку издалека разглядеть не удалось. А он, оказывается, был, только скрытый каменными выступами и чахлыми, поросшими по краю обрыва кустами, которые едва цеплялись корнями за ненадежную опору. От того, как качалась и вертелась по витиеватой тропе карета, меня начало мутить. Помнится, на серпантине по дороге в Сочи когда-то было то же.

Я откинулась на спинку, стараясь дышать глубоко и ровно, но так и чувствовала, как ползёт по лицу зелень. Скучный полдник, который случился уже довольно давно, опасно закачался в желудке. Того и гляди попросится назад.

– Вам нехорошо, мейси? – обеспокоенно спросила Лаура.

Кажется, она чувствовала себя нормально, как и Алдрик. Я улыбнулась и махнула рукой: мол, не стоит беспокоиться. Сказала бы хоть слово – и меня точно вырвало бы. Слава богу, скоро эта пытка закончилась, и карета в сопровождении всадников въехала через огромные, как для слона, ворота на широкий, огороженный со всех сторон высокими стенами двор. Интересно, зачем такая защита замку, который стоит один, как перст, посреди безлюдных просторов, зажатый со всех сторон горами?

Пустой, казалось бы, двор тут же ожил. Высыпали, словно горошины из прорвавшегося мешка, слуги. Захлопотали вокруг вещей, что были закреплены на запятках кареты. Будто сами по себе открылись дверцы. Первым вышел Алдрик, помог спуститься Лауре с той стороны, что была скрыта от крыльца. А передо мной возникла уже знакомая ладонь Хилберта. Наверное, он сам решил проконтролировать, не затерялась ли я где-то в недрах экипажа. Какой тягостный надзор. От мысли, что придётся дотронуться до его руки, внутри что-то дёрнулось. Слишком свежими были воспоминания о соприкосновении с его кожей недавно. И, наверное, я боялась вновь ощутить нечто подобное. Да куда денешься. Пришлось принять помощь, но как только я спустилась, тут же высвободилась из его хватки. Придержала подол тяжёлого шерстяного платья и подняла голову к пику башни замка, который было видно и отсюда. И в то же время не видно – за тяжёлым маревом туч.

– Впечатляет? – Хилберт не поторопился уйти и проследил за моим взглядом. – Все в нашем антрекене и далеко за его пределами хоть раз в жизни да слышали о Волнпике. Но никто не хотел бы увидеть его воочию. А уж тем более поселиться здесь. Наверное, и вы молили Хельдера Светлого, чтобы никогда здесь не оказаться. Верно?

Я медленно повернулась к нему и наткнулась на холодную улыбку не только на его губах, но и в глазах, вокруг которых вдруг обозначились мелкие морщинки. Он издевался и упивался тем, что мне нечего было на это ответить. Только не знал причину, по которой на самом деле я хранила молчание.

– Я никому не молилась, – словно кто другой сказал за меня. Но взгляд Хилберта, такой возмутительно снисходительный и ехидный, просто не дал мне возможности оставить его слова и вовсе без внимания. – Просто не думала даже, что когда-то здесь окажусь. Знаете, а вы с ним похожи, мениэр ван Берг.

– И чем же? – Он, кажется, даже слегка удивился.

– Выглядите солидно и гордо. А на самом деле всего лишь одинокая куча камней на краю мира. И пока доберёшься до вашей сути – стошнит десять раз.

Он рассмеялся, чем поверг меня в состояние, близкое к шоку. Я, признаться, уже успела подумать, что этот мужчина смеяться вообще не умеет. И даже простая улыбка вызывает у него физическую боль. Его лицо невероятным образом преобразилось – и даже дыхание перехватило

от того, как он был хорош в этот миг. Бывают люди, которые лучше бы вообще не смеялись никогда, а бывают такие, которыми можно любоваться. Так вот, Хилберт ван Берг неожиданно для меня оказался из последних. Я стояла, наверное, как идиотка, не сводя взгляда с него и не понимая: да что такого случилось, что меня так пришибло? Но йонкер смолк – и всё волшебство осыпалось. Снова его взглядом можно было замораживать рыбу. Причём замораживать очень быстро.

– Любопытное сравнение, мейси, – снова заговорил он серьёзно. – Может, вы и правы. Я стал похож на этот замок отчасти. Потому как жил в нём довольно долго, и в черты моего характера и во внешний вид легли следы этого места. Волнпик способен менять людей. Этого у него не отнимешь. Но оказался я здесь вместе с отцом по вашей прихоти, если время ещё не стёрло милостиво сей эпизод из вашей памяти. Оказался несправедливо. За что и вам досталось возмездия.

Да что я вам сделала? – так и бился в голове вопрос. И как ни хотелось его задать, а приходилось молчать снова и снова.

– Хилберт! – Сочный басовитый возглас оборвал напряжённую нить нашего с йонкером зрительного контакта, когда мы, кажется, уже сожрать друг друга готовы были. – Вижу, ты не слишком-то торопишься оказать аарди дер Энтин подобающее гостеприимство. Все уже внутри, а вы всё ещё стоите здесь. Начинается дождь. Промокнете.

Я повернулась к мужчине, который подобрался к нам так незаметно. Но, наверное, просто мы с Хилбертом не способны были ничего замечать, оглохнув и ослепнув на эти несколько мгновений.

Да тут пришлось опешить ещё больше – от силы тяжёлой харизмы, что ударила меня в грудь, как только я увидела очередного незнакомца. Не зря опасалась его. Вот не зря! Мне даже не надо было представлять того, кто стоял сейчас передо мной. Высокий и широкоплечий, породистый: каждая твёрдая черта его лица выдавала древность рода и силу крови. Я ничего в этом не смыслила, но чувствовала всеми трепещущими фибрами души. Несмотря на то что мужчина уже шагнул за черту среднего возраста, ему удалось сохранить и отличную фигуру, и аристократичную статью. Волосы с лёгкой проседью касались плеч, подчёркивая ненастное чернёное серебро глаз – таких же, как и у сына. Пожалуй, он мог бы сойти за тайную мечту порядочного количества девиц-любительниц-постарше-и-поопытней. В общем, даже близорукий сразу распознал бы в этом человеке отца Хилберта – Маттейса ван Берга.

– Мениэр ван Берг, – неведомо как сориентировалась я и даже поклонилась немного, стараясь всё же выказать ему уважение, хоть и не представляла, как он сам относился к Паулине, а значит, и ко мне.

К моему облегчению, похоже, старший ван Берг не испытывал к своей невесте такой страшной неприязни. А может, просто старался быть вежливым – и это порядочно злило его сына.

– Мейси дер Энтин. – Он тоже наклонил голову. – Мы, кажется, уже договорились: ввиду того, что вы моя невеста, я могу называть вас просто Паулине.

– Запомню, простите. – Я улыбнулась натянуто и шагнула вперёд.

Маттейс сразу подхватил меня под локоть, сжал слегка и направил коротким толчком дальше, весьма отчётливо давая понять, кто здесь хозяин. Не семья, а львиный прайд какой-то. Я и хотела вырваться, но пока не стала. Чтобы понять, как вести себя дальше и какие возможности у меня есть для освобождения, нужно узнать отца и сына ван Бергов получше. А присматриваться удобнее всего из засады. И не глупить, чтобы не усложнить своё положение ещё больше.

Хилберт, кажется, постоял ещё немного позади, а потом пошёл следом, сохраняя дистанцию. Маттейс проводил меня до огромной двустворчатой входной двери, украшенной красивой выпуклой резьбой. Я успела разглядеть её совсем немного: на ней были изображены какие-то сцены охоты или сражений – а затем оказалась в сумрачном и чуть промозглом нутре замка. В каменном чудовище под названием Волнпик оказалось совсем не уютно. Не сказать, что я слыла особой впечатлительной и склонной к фантазированию, но будто почувствовала недобрую волю замка, только ступив через его порог. Словно он не был рад вообще никакому живому существу, что в нём обитало. Хотелось заскулить, как напрудившему лужу щенку, и спрятаться под креслом. Только воля так же державшего меня под локоть Маттейса ещё удерживала от столь постыдного и эксцентричного побега.

– Можете чувствовать себя здесь как дома, – с лёгкой улыбкой в интонации проговорил старший ван Берг, слегка ко мне склонившись.

Казалось, он хотел, чтобы это услышала только я, да идущий следом Хилберт громко хмыкнул, и даже представилось ясно, как страдальчески закатил глаза. Я взглянула на Маттейса с громадной долей недоверия: шутит или правда считает, что здесь вообще можно ощущать себя на своём месте? Каменные серые стены Волнпика как будто раздавить хотели – какой уж тут дом... Но в глазах йонкера почудилась злая насмешка: зря я даже на миг поверила в то, что он относится к Паулине с большей благосклонностью, чем сынок. Он такой же. Ровно такой же, как и тот – только научился прятать истинные чувства за маской приветливости. Научился быть мудрее и терпимее, но если приглядеться – те же мысли и тот же пренебрежительный взгляд. – Вряд ли я когда-то смогу себя здесь почувствовать своей. – Я усмехнулась, поняв вдруг, какие отношения связывали владелицу тела с обоими мужчинами дома ван Бергов.

– Это будут исключительно ваши проблемы, – раздался за спиной голос Хилберта.

Вот уж лучше бы помолчал. Я хотела ответить что-нибудь уничтожающее, но младший ван Берг наконец свернул в каком-то переходе замка и избавил меня от своего присутствия. Правда, легче стало не слишком.

– Думается, выбора у меня уже нет... – вздохнула я, выждав трагическую паузу.

– Почему же? – Издёвка в тоне Маттейса стала отчётливей. – Только, думаю, аукцион для вас – перспектива не лучшая, чем стать моей женой добровольно и хотя бы попытаться прижиться в этом доме, – уже мягче добавил он. – Повторюсь, вы очень ценный для всех, и в том числе для Короны, Ключ. Разве хочется вам стоять, как на рынке, и продавать себя какому-то Стражу наряду с девицами, что несут в себе только жалкие крупички Знака?

Я почти застонала от тяжести новых знаний. Из его слов не удалось понять почти ничего. Только то, что, откажись я от свадьбы с ним, меня продадут, как какую-то вещь – и ещё неизвестно, куда я попаду.

Мы прошли по обширному залу из одной части замка в другую – их отделяли друг от друга массивные двустворчатые двери. Навстречу нам не раз, кроме слуг, попались и мужчины, судя по виду – Стражи. Если я научилась распознавать за время пути в Волнпик. Любопытно, откуда им взяться здесь в таком количестве? Неужто охраняют семейство ван Бергов?

– Почему здесь так много Стражей? – не удержалась я от вопроса.

Маттейс проводил взглядом очередного мужчину, который почтительно ему поклонился, и пожал плечами, будто в этом не должно быть ничего удивительного.

– Последнее время брешь пропускает всё больше тварей. Потому сюда стянуты многие силы. Конечно, не многим хочется служить в Волнпике. – Он усмехнулся одним уголком рта. – Но деваться сейчас некуда. Не беспокойтесь, вашей сохранности среди них ничего не угрожает. – Вы говорите так, будто это сброд, а не воины. – Пренебрежение в голосе Маттейса меня только насторожило.

Ещё не хватало всегда находиться среди толпы сомнительных личностей. Никто из Стражей в пути не причинял мне вреда. Даже Алдрик с его эпизодической грубостью. Но сейчас я чувствовала себя единственной женщиной в казарме. Нервирует, знаете ли.

– Не все из них – сброд. Но Хельд Милостивый, когда наделяет кого-то способностями Стража, не всегда даёт в довесок благородство.

– Вы считаете, что другие Стражи хуже вас, мениэр? – Надо было двигаться по намеченной дорожке, чтобы лучше понять своё положение в этом неприветливом мире. – Что никто из них не достоин получить такие силы, что заключены во мне?

Толком я не знала, о чем говорю, но пыталась нащупать верное направление.

– Нет Стражей хуже или лучше. – Йонкер пожал плечами. – Иначе они не были бы Стражами. Но тратить свой дар на того, кому он не принесёт большой пользы... Согласитесь, это расточительство.

Мы прошли по узкому ходу до винтовой лестницы, тесной и крутой, и едва уместились с широкоплечим Маттейсом на ней рядом. Он наконец выпустил мою руку и двинулся вперёд, то и дело на меня оглядываясь.

– Вы считаете, что сможете применить мой дар лучше? – слегка поразмыслив над тем, как сформулировать вопрос наиболее нейтрально, вновь заговорила я.

– Вы же знаете обстоятельства семьи ван Бергов не хуже меня самого. – В его голосе скользнула первая тень подозрительности. В затылке у меня похолодело. – Видит Хельд

Благословенный, я позабыл бы о вас и о том, как сильно вы оскорбили меня в своё время. Как унизили и оболгали. Но сейчас вы не можете не признать, что мы нужны друг другу.

– Вы поставили меня в вынужденное положение! – совершенно искренне воскликнула я и, кажется, попала пальцем в небо.

Маттейс скривился, чуть повернув голову ко мне.

– Я выкупил ваши долги, да. Не дал зачахнуть. Чем наложил на вас определённые обязательства. Не совсем приятные для нас обоих. Но вы вовсе не рабыня. Вы станете моей женой. И, как бы то ни было, это лучшая доля из тех, что вас ждали дальше.

– Я с этим поспорила бы, – всё же буркнула напоследок.

Да только пререкания на сей раз пора было заканчивать – иначе, не ровён час, мои не слишком деликатные заявления наведут старшего ван Берга на нехорошие мысли.

Мы наконец поднялись на второй этаж замка и вывернули в другой ход. Скоро оказались на полукруглой площадке, куда выходили двери нескольких комнат. Наши шаги гулко разнеслись по ней, прокатились под высоким угловатым сводом, неожиданно расписанным потускневшими и чуть растресканными от времени фресками. Хотя лучше было бы их не рассматривать – можно нажать кошмары. Хтонические чудовища вперемешку с закованными в латы воинами – не самое лучшее убранство для женской части замка. Если она вообще здесь существовала как таковая.

Одна из дверей тут же отворилась, и в проёме показалась молодая девушка, которая отчего-то сразу напомнила мне ромашку. Сияющая и изящная, словно полупрозрачный цветок на солнце: такие же пепельные, как у Хилберта, волосы – только чуть светлее, ясные голубые глаза и лёгкие веснушки на бледноватой коже, которые я разглядела даже на расстоянии. Она была простоватой, но привлекающей к себе внимание тут же.

За ней высунулась строгая и чопорная женщина с высоким пучком седоватых волос и забавными завитыми локонами у висков. Она глянула на йонкера, после – на меня и снова скрылась в комнате. Похоже, кто-то вроде компаньонки. А может, какая-то бабушка?

– Отец! – воскликнула девушка. Похоже, детям разрешалось обращаться к родителям без титулов и прочих условностей. – А я пропустила возвращение Хилберта. Надо же...

Она вышла к нам быстрым шагом, разглаживая подол свободного платья горчичного цвета, и тут же уставилась на меня – со спокойным любопытством человека, которому плевать на все мои возможные провинности перед их семьёй.

– Ничего удивительного, – усмехнулся Маттейс, обнимая её за плечо и чуть встряхивая. – Если бы ты почаще отрывалась от своих холстов, то замечала бы гораздо больше. Например, то, что не вышла сегодня к завтраку.

Девушка смущённо посмотрела на свои руки – и тут только я заметила, что они выпачканы красками, хоть она и пыталась их оттереть перед тем, как выйти из комнаты. Так и распирало спросить, как зовут дочь Маттейса, но меня останавливало то, что я, возможно – и даже скорей всего, – должна это знать.

– Позвольте представить вам, Паулине, мою дочь Дине. – Йонкер широко улыбнулся, сбросив притворную строгость. – Вы ведь раньше не встречались. По крайней мере, я очень на это надеюсь.

Опять шпилька в мою сторону – захотелось схватить Маттейса за грудки и, хорошенько встряхнув, прямо спросить, что я ему сделала. За что он так меня ненавидит, а заодно и его сын тоже. Но я лишь одарила его красноречивым взглядом, который должен был, по моей скромной задумке, отправить его в далёкие дали Прованских лугов. Жаль только, он не знал, что это такое. И, похоже, мне это удалось – мужчина ответил мне тем же.

– Я очень рада с вами познакомиться, мейси, – тут же сгладила мгновенное напряжение Дине. – Папа, позволь мне сопроводить Паулине дальше в её комнату. Она, верно, устала с дороги. Принесут её вещи, и я помогу ей разобрать их. Мы познакомимся поближе.

Судя по всему, йонкеры просто хотела меня от него спасти. Маттейс не поддался, взглянул на дочь со снисходительной теплотой: видно, мало в чём он мог ей отказать. Но всё же покачал головой.

– Пойди пока хорошенько отмой руки, а то, боюсь, аарди дер Энтин просто не допустит тебя до своих вещей. А мы ещё перемолвимся с ней парой слов.

Девушка кивнула неохотно и скрылась в своей комнате, а йонкер распахнул передо мной другую дверь. Как раз слышались голоса на лестнице: видно, за нами уже поспевали слуги. Где-то там должна быть и Лаура.

Но как только дверь закрылась за нами, не успела я ещё оглядеться в своих освещённых десятком свечей покоях, как стальная твёрдость широкой мужской ладони припечатала меня к мощному телу Маттейса. Вспыхнуло в незажившем ещё боку болью. Неизвестно, что йонкер позволял себе с Паулине раньше, но тут меня едва не подкосило от того, как решительно и по-хозяйски его губы накрыли мои. Я совершенно ничего не успела сообразить. Но это был не тот поцелуй, который срывает пылкий влюблённый украдкой – это был знак власти и подчинения. Указание на то, где моё место. Меня захлестнуло той самой особой силой, которую я уже почувствовала в Хилберте, – она и правда способна была смять кого угодно. Но неведомо как внутри разросся будто бы некий щит, упругий, отгораживающий от перемалывающей всё в фарш воли Маттейса.

Я упёрлась ладонями в его грудь и толкнула что было силы. Он, наверное, мог меня удержать, но отступил. И тут же вытер губы тыльной стороной ладони.

– Не смейте, – выдохнула я, делая ещё шаг назад. – Не смейте больше так трогать меня!

– Хорошо... – неожиданно довольно выдал Маттейс с загадочным видом знатока, испробовавшего редкое вино. И, кажется, это слово означало вовсе не согласие с моим требованием. – Я в вас не ошибся. Большой потенциал. Не зря заплатил приличную сумму. Правда, не знаю, что вы напридумывали себе в дороге, мейси. – Он жёстко усмехнулся. – Но вы ведёте себя несколько странно нынче. Трогать вас я буду так, как мне заблагорассудится. Уж будем откровенны: я купил вас и всё, что у вас под юбкой, – тоже. Всё это не слишком мне нравится. Но давайте хотя бы попробуем привыкнуть. Всё ж впереди брачная ночь.

Вот это прекрасно! О ней-то я и забыла. Свадьба – не самая большая беда, учитывая, что тело «казённое», и Маттейс, будем честны, не самый плохой вариант мужа – хотя бы внешне. Иные, может, и позавидовали бы. Но вот ложиться в постель с незнакомым мужчиной – это верх того безрассудства, на которое я даже в пору беззаботной и порой разгульной юности не могла пойти.

– Спасибо, что напомнили, – едва не прошипела.

Умела бы плеватьсь ядом, как кобра – ей-богу, плюнула бы ему прямо в его бесстрастные, как куски гранита, глаза. Маттейс внезапно улыбнулся и отступил на пару шагов – даже вздохнуть захотелось облегчённо.

– Не беспокойтесь, всё будет быстро. – Показалось, он сейчас подмигнёт мне. – У меня нет никакого желания задерживаться с вами в постели. Но пока оставим это. Теперь вы можете готовиться к свадьбе. Уж это женщины любят делать?

Рассказала б я ему тонкости подготовки к свадьбам, да он, наверное, не оценил бы моих познаний в этой сфере. Пришлось только зубы стиснуть, чтобы не выдать ещё какую необдуманную дерзость. На счастье, дверь в комнату распахнулась, и двое слуг внесли внутрь мой, признаться, небогатый багаж. За ними вошла и Лаура с важным видом той, кто отвечает за все вещи госпожи и за все её удобства.

– Это кто такая? – с лёгким недоумением осведомился Маттейс.

– Моя компаньонка, если хотите, – мстительно бросила я. – Будет мне помогать.

Не всё здесь будет зависеть только от его желаний и велений. Пусть привыкает. Йонкер хмыкнул, оглядывая служанку. И вся горделивость тут же слетела с неё. Лаура быстро поклонилась ему, присев в реверансе – и йонкер вышел, не удостоив её ни малым приветствием. Кто бы сомневался: он воспитал своего сына подобным себе.

Вот же высокомерные мерзавцы. И с ними мне придётся жить в одном доме неизвестно сколько!

Впрочем, служанка, кажется, ничуть не обиделась на пренебрежение хозяина дома: как ни в чём не бывало начала разбирать мои вещи. Для начала я осмотрелась в комнате, которая теперь, видимо, принадлежала мне. Она оказалась вполне просторной, но неудобной: стиль лофт, особенно по-средневековому, мне определённо не ложился к душе. Частично стены были отделаны деревом, но кое-где проступала и каменная кладка. Небольшие вытянутые окна с мутными стёклами, массивная, благо что резная мебель – хоть это немного скрашивало её аскетичность. Огромное, как для великанши, трюмо, дров от которого, если решить сжечь его в камине, хватит на месяц. Круглая кованая люстра под высоким сводом на десяток-другой

свечей, сейчас мрачно тёмная и холодная. Правильно, кому охота лезть на такую верхотуру, чтобы её разжечь. Одно радовало: широченная кровать. Вот люблю большие кровати, по которым нужно составлять карту, чтобы не заблудиться.

Вдоволь наглядевшись на свои – страшно сказать – покои, я перевела взгляд на Лауру, которая молча и деловито опустошала мой сундук и раскладывала платья на постели, критично их оглядывая. Казалось, ничто не может вывести её из равновесия: ни приезд в Волнпик, ни пренебрежение хозяев замка. Один вопрос так и завертелся на языке, как шипучка, раздражая. Надо же дальше прощупывать это болото, куда я угодила.

– Вас не смущает то, что оба ван Берга презирают вас? – всё же решила спросить.

Лаура, кажется, не сразу поняла, что я обращаюсь к ней, увлекшись вдумчивым делом. Она покачала головой, расправляя на постели очередное платье – надо сказать, весьма унылого вида – и только после этого спохватилась.

– Они не презирают меня, – пожала плечами. – Просто у Стражей, особенно высших рангов, другой взгляд на женщин.

– И какой же?

Я присела на край кровати, поморщилась от того, как резануло в раненом боку. Надо бы посмотреть, что там. Кажется, мне становилось хуже. Особенно после небрежной хватки Маттейса.

– Они видят Ключи. – Лаура покосилась на меня удивлённо, будто это было очевидным. – А те, кто не несёт в себе Знака, для них совсем не так интересны. Просто женщины. Просто ходят рядом.

– Да неужто? Разве Ключей хватает на всех? Как же они женятся?

– Нет, – согласилась девушка. – На всех не хватает. Но раньше все Стражи брали в жёны только отмеченных Хельдом. Сейчас и других тоже. Вот как мениэр Хилберт ван Берг. Невеста у него обычная девушка. Хоть и знатная.

Да ладно! У этого камня ещё и невеста есть. Я уж думала, такие, как он, прозябают едва не всю жизнь в одиночестве. А если и женятся, то лишь для того, чтобы продолжить род. А тут ты посмотри... Хотелось бы на неё взглянуть. Из чистого любопытства: может, это садовая статуя?

– Да, я что-то о ней слышала... – покивала рассеянно.

И больше ни о чём расспрашивать Лауру пока не стала. Всё со временем выяснится. А слишком много вопросов зараз могут показаться подозрительными. Другое дело, что надолго задерживаться тут мне вовсе не хотелось. От этих размышлений хотелось выть или бить посуду. Они явственно давили, металась иногда беспорядочно вперемешку с паникой. Я не могу выйти здесь замуж! Это бред сивой кобылы!

В боку снова пробежалась острая резь. Я не удержала стона и согнулась, прижимая ладонь к раненому месту. Лаура всполошилась.

– Я попрошу, чтобы к вам прислали лекаря.

И не успела я ничего на это ответить, как она умчалась, бросив мои наряды и порядочно хлопнув дверью.

Вообще плохо соображая, что делаю, я стянула с себя платье и задрала до груди сорочку под ним. Опустила голову, ощупывая перевязь, которую Лаура меняла мне утром, перед отъездом с постоянного двора. И даже такое касание заставило все внутри сжаться от вспышки боли.

– Не трогайте, вы что?! – Возмущённый возглас настиг меня от двери.

И тут же вспыхнула в голове мысль: да что сделала такого? Повернувшись, даже не пытаясь прикрыться, и только успела проследить, как ко мне подошёл невысокий лысоватый мужчина и быстрым взмахом руки откинул мою ладонь от перевязи. А я неожиданно хмыкнула: уж за эти дни настолько насмотрелась на здешних плейбоев, что этот дядька – по-другому и не скажешь – показался до жути настоящим. Как будто даже из моего мира выскочил. Только одежда не давала забыть, что он всё же местный: свободная синяя хламида до колен, безрукавка с витиеватой вышивкой по канту и уже знакомым гербом, который я видела на дверце кареты, – слева на груди. Ну прямо почти Гарри Поттер постсреднего возраста. Только очков не хватает.

– Добрый вечер, мейси, – уже принявшись распускать мотки длинных обрезков ткани, поприветствовал меня мужчина. – Я мениэр Геролф Видбри, лекарь семьи ван Бергов.

Неизвестно почему, но я спокойно позволила ему трогать полуголую себя ещё до того, как он представился. Закралось подозрение, что он как-то воздействовал на меня, успокаивал – и противиться совсем не хотелось.

– Очень приятно, мениэр Видбри, – вяло ответила я.

И правда, как будто морфием меня накачали. Вот это лекарь так лекарь. В районных поликлиниках бы таких. Может, они успокаивали бы самых остервенелых бабуль. Освободив меня от перевязи, Геролф склонился, осматривая рану, хмыкнул тихо – и в очередной раз стало страшно. Может, у меня там уже гангрена?

– Зачем же вы себя так? – Лекарь покачал головой. – Глубокие раны в брюшную полость очень опасны. Недалеко до внутреннего кровоизлияния и заражения.

Как ни мало я понимала в медицинских терминах, все его слова были почти музыкой для ушей. Этот человек, наверное, и названия внутренних органов знает. Если так, то он – мой новый бог. По крайней мере, надежды на выздоровление значительно окрепли.

– Наверное, мне это казалось выходом, – так же заторможенно пробормотала я, всё пьянея и пьянея от тёплых потоков силы этого чудо-доктора.

Геролф поднял на меня взгляд, убрав пальцы от раны.

– Для меня всегда было загадкой, почему вы так невзлюбили Маттейса, чтобы оклеветать его. Но, в общем-то, это не моё дело. Вы сделали тем хуже только себе.

И всё же меня не покидало ощущение, что лекарь попал сюда из другого времени. Как будто выделялся среди всех. А может, это было всего лишь обманчивое ощущение, потому как я ещё мало кого видела.

– Скажите, мениэр, – каждое слово приходилось вынимать из непроглядных глубин разума, – вы верите в переселение душ?

Наверное, мой вопрос показался ему как минимум странным. Но он вида не подал. Только передёрнул плечами и по локоть зарылся в увесистый саквояж, который принёс с собой.

– Почему же не верю? Верю. И слышал, что раньше оуды владели этим умением. Может, и сейчас владеют. Да кто ж их спросит... Стражи тоже в некотором роде могут менять души. Но для этого, как вы знаете, им нужен соответствующий Ключ. Кроме них, сейчас никому не разрешено даже пытаться проводить подобные ритуалы. Это уже приводило к дурным последствиям. И за это следует жестокое наказание.

– Будто и без них жизнь – сплошной сироп, – мрачно хмыкнула я.

Неожиданно Геролф улыбнулся и покивал. Он наконец достал из сундука какой-то флакон и вынул из него пробку.

– А к чему вы спрашиваете? – поинтересовался как будто невзначай, задумчиво принохиваясь к горлышку пузырька.

– Да сон нехороший видела, – туманно ответила я. – И случай с мениэром ван Бергом-младшим в дороге... Наверное, почувствовала что-то.

Лекарь смочил тряпочку жидкостью из флакона и осторожно промокнул рану. Боль выдернула мой разум из спасительной неги дурмана, но тот снова потонул в нём после нескольких отрывистых слов, что шёпотом произнёс мениэр.

– Это неудивительно. – Он выпрямился и отложил тряпочку в сторону – на тумбу возле моей постели. – Вы Ключ, который способен открыть многие способности в любом Страже. А уж в таком сильном, как мениэр Маттейс ван Берг...

– Если выживу.

Я легла, повинуясь лёгкому толчку в плечо.

– Выживете. – Геролф потёр ладони друг о друга. – Я залечил многие раны старшего и младшего ван Бергов. Уж с вашей справлюсь.

Приятно тёплая рука легла на раненый бок. Лекарь приблизил лицо, но губы его зашевелились беззвучно. А может, это я не слышала уже ничего, всё больше погружаясь в приятно мягкую топь его магии. Теперь я даже не сомневалась, что он – маг. Гарри Поттер без волшебной палочки...

Мысли ворочались в голове всё медленнее, становились всё глупее и путаней. Пока я совсем не уснула.

Спалось мне не слишком-то хорошо, несмотря на то, что хитрые манипуляции лекаря уняли страшную боль в боку совсем. Всё потому, что замок, оказывается, наполнял какой-то особый запах, то ли отсыревшего пепла, то ли прелой прошлогодней травы. С ощутимой такой гнильцой. Совсем слабый и наверняка привычный тем, кто жил здесь постоянно, меня он поначалу просто раздражал, а потом начал доводить до бешенства. И даже во сне ввинчивался в ноздри и вызывал перед внутренним взором совсем безумные картины.

Я видела чудищ, монстров, подобных тому, которого убил, говорили, сам Хилберт, когда тот гнался за мной. Как бишь его – слангер? Они не пытались меня разорвать на куски, просто стояли вокруг, опустив почти до земли свои огромные мускулистые ручищи. А я смотрела на них, медленно поворачиваясь вокруг себя – и хотелось орать, но грудь забивал этот пронимающий до самых костей запах – и даже вдохнуть было невозможно. Но больше всего пугала мысль, что эти уродцы как будто ждут от меня чего-то. Приказа?

– Мейси, проснитесь!

Меня деликатно, но настойчиво потрясли за плечо.

Я перевернулась на спину и, простонав, открыла глаза. Лаура улыбнулась и отпустила меня.

– Как вы себя чувствуете, мейси?

Я медленно опустила ладонь поверх сорочки на раненый бок. Под тканью не обнаружилось даже перевязи, а боль, хоть и осталась ещё, была такой слабой, будто от старого ушиба.

– Сегодня гораздо лучше. Который час?

Я огляделась в поисках часов на стене, но вспомнила, что здесь таких быть, наверное, не может. Служанка, кажется, озадачилась моим вопросом.

– Уже солнце встало. Такого страшного рассвета я, признаться, никогда не видела. И красивого тоже.

Даже жаль, что я его не посмотрела. Рассветы мне всегда нравились больше закатов. То ли потому, что я была жаворонком, и под вечер мне обычно уже было не до небесных красот. То ли потому, что они казались мне чистыми, не отягчёнными прожитым днём с накопившимися к вечеру проблемами, мыслями и кучей обычных мелких происшествий. Встаёшь – и какое-то время голова пуста, ещё не всплыли из памяти задачи, которые надо выполнить, вопросы, которые надо решить. И солнце – такое же незамутнённое на рассвете, будто умылось где-то ночью и ещё не успело закоптиться.

– Принесите умыться, – хрипло попросила я. – И попить.

Тут же, как по волшебству, передо мной возникла кружка с водой.

– Уже всё готово. Я и завтрак принесла, – бодро отчиталась Лаура. – Замечательно, что вы чувствуете себя лучше. Потому что мениэр ван Берг-старший просил передать, чтобы вы собирались поскорей. Сегодня небольшой приём для родственников и самых близких у антреманна Феддрика ван Стина. По поводу возвращения его сестры из столицы.

Судорожно прокрутив в голове все скудные знания о том месте, где пришлось оказаться, я догадалась, что антреманн – это, наверное, некто вроде нашего мэра. Или скорее губернатора. Почти что встреча на высочайшем уровне. Не уверена, что я к ней готова. Накануне мне довелось получше рассмотреть все свои вещи, пока Лаура их перетряхивала, и вид их лично меня удручил невероятно. Когда-то, наверное, эти платья смотрелись вполне прилично, но то, насколько они были поношенными, а местами и потёртыми теперь, просто вгоняло в уныние. А этот заносчивый Маттейс и вовсе не соизволил предупредить меня о выезде, а ведь я надеялась расспросить, есть ли в этом доме хотя бы нечто вроде библиотеки. Может, там мне удалось бы выяснить что-то о переселении душ. Или хотя бы получше познакомиться с тем миром, где оказалась. Ведь надо же с чего-то начать.

И не успела я возмутиться этой исполинских размеров свиньёй, что подложил мне будущий муж, как после короткого стука в дверь и разрешения войти в комнату появилась Дине. А за ней – служанка с ворохом тканей в руках. Девушка улыбнулась мне чуть смущённо, но так светло, что всё раздражение тут же улетучилось. И показалось даже, что мы с ней уже подруги, хоть и познакомились только вчера и пообщаться даже не успели.

– Отец сказал, что мы сегодня едем в Ривервот.

– Вы едете тоже, мейси? – От этой мысли стало гораздо легче. Хоть не придётся находиться с Маттейсом и его сыночком одной.

– Конечно. – Она прошла дальше в комнату. – Ведь завтра вы должны примерить ваше свадебное платье. У ривервотского портного. Потому мы останемся у антреманна до утра.

Вот только ещё одной примерки свадебного платья мне и не хватало. Я даже на миг задумалась, не послужит ли она катализатором для того, чтобы вернуться в своё тело? Сомнительно, конечно, но попробовать стоит...

Показалось, Дине сощурилась чуть пренебрежительно при упоминании примерки. Она махнула служанке – и та разложила на постели тот невнятный ворох, что был у неё в руках. И он чудесным образом превратился аж в целых два платья. Одно попроще, серо-зелёное с длинными рядами пуговиц на рукавах. Второе – более тонкое, синее, с ярким красным подкладом и странными широкими лентами, что ниспадали от локтей, наверное, до самого пола.

Я окинула одежду взглядом, а затем вопросительно уставилась на Дине.

– К антреманну ехать в приличном виде, – строго пояснила та. – Разве вы не...

– Я никогда не бывала у мениэра ван Стина. И вы правы. Мои платья вряд ли подойдут для такого случая.

– Скоро вам сошьют новые, – милостиво успокоила меня Дине.

Думая, что сегодня мне надо выбрать одно из двух платьев, я весьма удивилась, когда после завтрака и умывания Лаура нацепила на меня сразу оба. Сначала зелёное, а сверху – синее. Возмущаться и расспрашивать, конечно, не пришлось: она всё делала так, как нужно. Это я, невежа, знать не знала, как они вообще здесь одеваются и как положено ездить к антреманну. Да и погода, признаться, требовала накинуть поверх ещё и плащ.

Под пристальным надзором Дине служанка собрала мои волосы от висков, оставив распущенные, тщательно расчёсанные волны локонов струиться по спине до самого пояса. Переплела лентами мелкие косички, прихватила их под затылком украшенной, наверное, драгоценными камнями, заколкой. Я взглянула на себя в высокое тяжеловесное псише первый раз за эти дни. И просто застыла, изредка вспоминая, что надо бы дышать. Хотелось плакать. Как будто меня разобрали на части, а потом собрали так, что теперь передо мной был совсем другой человек. Я видела себя в мелких чертах, в мимике и жестах – но в остальном это была совсем незнакомая мне девушка. Она была красивой и холодной, окутанная потоками тёмных волос, за право поработать с которыми любой парикмахер, наверное, продал бы душу дьяволу. Пухлые, твёрдого изгиба губы, большие зеленовато-голубые глаза, нос с лёгкой горбинкой – в них читалась порода, закоренелая, древняя. За такой девушкой в моём мире гонялись бы лучшие мужики. А здесь с такой внешностью, похоже, никто не считался, никто не млел от неё, не терял голову. Видно, прегрешения бывшей владелицы и правда были серьёзными.

– Пора ехать, – напомнила Дине, вернувшись уже из своих покоев.

Она тоже приделалась соответствующе, но более ярко: зелёное, цвета молодой травы, платье и красное, чуть приглушенного оттенка – сверху.

Я моргнула и отвернулась от зеркала. Вместе мы спустились во двор. Там нас уже ждала карета со знакомыми вензелями на дверцах. Сегодня я пригляделась лучше и заметила, что они и правда составляли что-то вроде герба. Меч, направленный остриём вниз, делил поле на две части: в одной виделись очертания Волнпика, в другой – фигура то ли льва, то ли животного, очень на него похожего.

– Вы никогда не видели герб ван Бергов? – так едко, что, показалось, на коже останется химический ожог, спросил Маттейс у меня над ухом.

– Не слишком интересуюсь геральдикой. – Я пожала плечом и запахнула ворот плаща сильнее. Может, конечно, Паулине на самом деле слыла знатоком подобных тонкостей, но врать насчёт собственных познаний мне вовсе не хотелось.

– Девиче это простительно, конечно. – Йонкер усмехнулся, и его дыхание легко скользнуло по шее. – Но не аарди древнего рода. Думаю, вы лукавите. Но всё же рекомендую освежить знания о гербе той фамилии, в которую вам предстоит войти.

Я тут же уцепилась за эту возможность.

– Если бы я знала, где в этом огромном доме находится библиотека, я с удовольствием это сделала бы. – Моя смиренная улыбка, похоже, нагнала на Маттейса некоторое смятение.

– Дине всё вам покажет. Как вернёмся.

Он предложил мне руку, и я вложила в неё свою, будто в гнездо со змеями сунула. Йонкер повёл меня к экипажу, но пронзительно скрипнула парадная дверь, и во двор вдруг вышел Хилберт: страшно помятый и серый, будто всю ночь не спал. Судя по одежде, достаточно простой и лёгкой, ехать с нами он не собирался. Видно, после недавнего приступа ему до сих

пор было нехорошо. Его воспалённый взгляд вцепился в моё лицо, я кивнула ему, приветствуя: в горле мигом пересохло. Но он ничем не ответил, хоть и продолжил смотреть неотрывно, как будто очень крепко о чём-то задумался. Казалось, скажет что-нибудь, но он молчал. И до того не по себе стало от его пристального, тяжёлого внимания, что даже платье к мгновенно вспотевшей спине прилипло. Могла бы побежать – скрылась бы в карете гораздо скорее. Но пришлось степенно идти с Маттейсом эти несколько шагов, которые показались мне прыжками через реки кипящей лавы. А Хилберт всё смотрел, и взгляд его словно ввинчивался мне в подкорку. Примерно то же ощущение одолевало меня, когда по требованию Алдрика я коснулась его тогда, чтобы успокоить, – будто он вонзился в меня ножом.

Дине уже ждала внутри экипажа. Я села рядом с ней, с удовольствием высвободившись из хватки Маттейса. Лакей захлопнул дверцу – карета тронулась – и теперь только предвкушать осталось дивный, полный неземных удовольствий путь вниз, в долину, по той же витиеватой дороге.

За то время, что мы ехали до Ривервота, глядя в окно, за которым текли, как медленная река, неизменные тучи, я успела не раз вспомнить дом, где всё было привычным и светлым. Таким нереально светлым по сравнению с этим миром, что казалось раем. И вернуться туда захотелось ещё сильнее, хотя куда уж больше.

Маттейс всю дорогу молчал, пристально на меня посматривая, и я старалась не встречаться с ним взглядом. Дине же, напротив, была милостиво говорлива и рассказала мне много полезного о столице Южного антрекена – Ривервоте, где давным-давно стоит резиденция антреманна. И о самом Феддрике ван Стине, который в определённых кругах славился весьма либеральными взглядами, хоть открыто о том не говорили. Бывали времена, когда по юности он выступал против власти Саллийской короны над антрекеном. И даже участвовал в коротких восстаниях и стычках с гвардией короля. Но потом, кажется, образумился. Впрочем, многие подозревали, что он просто затих.

Я слушала её, одновременно борясь с сонливостью после не слишком приятной ночи и любопытством расспросить о чём-нибудь ещё, более насущном для меня, чем биография антреманна. И, может, решилась бы, надеясь на некоторую наивность юной йонкери, но строгий взгляд Маттейса сдерживал не хуже шипастого ошейника.

Я совершенно не знала, сколько придётся ехать до Ривервота, а потому немало удивилась, когда город показался вдалеке, за гладким зеркалом обширного озера, довольно скоро. По ощущениям, через пару часов пути. Сначала замелькали мимо окон домики какой-то деревушки, которая лежала неподалёку от него, достаточно оживлённая и неожиданно аккуратная, как с открытки. За беседой с Дине я и вовсе не сразу заметила, что небо почти очистилось от туч, между ними теперь сияли широкие полосы чистого неба. Солнце, почти непривычное теперь, щедрыми потоками лило свет на луга, что раскинулись снова во все стороны, когда закончилось безымянное для меня селение. Окрашивало густой бронзой густой частокос осеннего леса, отражалось сиянием в воде озера.

Надо же, я уж совсем было поверила, что здесь не бывает хорошей погоды. А оказывается, самый разгар бабьего лета. Деревья, что то и дело мелькали вдоль дороги, пожелтели пока не слишком, ещё сохранили переспелую, пыльную зелень. Но воздух не обманывал – он уже пропитался от края горизонта до края тем самым знакомым духом грусти и увядания. Когда, кажется, ещё немного, и год покатится совсем под гору. А там и зима.

Дине тоже припала к окну, будто хотела напиться светом уже сейчас, не упустить ни одного луча. А вот Маттейс остался недвижимым и спокойным, только, кажется, помрачнел ещё больше, наблюдая за дочерью.

– Ты могла бы уехать в Ривервот, когда захочешь, – буркнул он наконец. – Зачем сидишь в этом Волнпике?

Сказал так уверенно, будто знал мысли Дине и этот разговор возникал между ними уже не раз.

– Потому что я должна быть рядом с тобой и Хилбертом.

– Хилберт – Страж. Он должен быть там. А тебе антреманн давно уж разрешил уехать. Хотя бы в наше имение.

Девушка только махнула рукой, одетой в тонкую перчатку, и отвернулась.

Город ударил по глазам россыпью ярких красно-оранжевых пятен домов. Поначалу одноэтажные, с малюсенькими дворами и глухими заборами, дальше они вытягивались в высоту и окрашивались во все оттенки осеннего леса. То бледные, уже выгоревшие, то почти

ослепительные – только обновлённые. Оставалось только глазеть по сторонам и улыбаться неожиданно приветливому виду этого города. Пахло тёплым камнем, палой листвой и тинистой водой. Мы вывернули на главную улицу Ривервота и покатали дальше, вдоль широкого, стянутого поясами мостов, канала – судя по всему, к центру. Скоро и правда показался впереди вытянутый дом из кирпича, выкрашенный в ярко-оранжевый цвет – видно, чтобы выделялся среди остальных, которые жались к нему с обеих сторон.

Карета остановилась у кованых ворот. Услужливый лакей, который ехал на козлах с кучером, тут же открыл дверь. Первым вышел Маттейс и подал мне руку. Слуга помог выйти Дине.

– Вам лучше чаще помалкивать, – пока мы шли до крыльца, посоветовал йонкер.

Я повернула к нему голову.

– Не надо держать меня за ребёнка! Или за дурочку, которая и пары слов связать не может, – возмутилась.

Хотя, наверное, молчать и правда было в моём случае наилучшим решением. По незнанию можно ляпнуть такое, что не расхлебать. Но вот патологически не люблю, когда мне приказывают заткнуться. Антон пару раз рискнул в грубой форме – последствия были плачевные. Я молчала несколько дней, пока он первый не начал лезть на стену. Наверное, от мыслей, что я могла задумать в этой зловещей тишине.

– А вы и есть ребёнок, что по глупости однажды натворил дел, за которые теперь расплачиваемся все мы, – на удивление беззлобно ответил Маттейс.

В голосе его, приятно хрипловатом, почудился оттенок назидательности. Динеглянула на него гневно, сдёргивая перчатки.

– Хватит ворошить, – попыталась вступиться. – Это было давно. Разве не все мы порой ошибаемся?

Йонкер только плечами пожал. Похоже, и сам не слишком любил поднимать эту тему. Но в его возрасте люди порой не способны менять мнение и проявлять гибкость.

Дородный дворецкий отворил нам дверь и после должного приветствия впустил внутрь. Я огляделась в заметно тесноватом по сравнению с древним Волнпиком доме: много фресок на стенах, деревянная, чуть изогнутая лестница на второй этаж, гладкий пол, выложенный мозаикой с изображением некоего странного зверя с тремя головами: дракона, льва и быка. На миг я задумалась, кого напоминает мне это чудовище – и почти сразу вспомнила химеру. Знать бы только, что означал подобный символ здесь.

Слуга проводил нас мимо лестницы в просторную гостиную, светлую, с оштукатуренными и окрашенными в приятный бледно-зелёный цвет стенами. Под потолком их украшала вязь цветочных узоров. Обставлена она была на вид не слишком удобной, но красивой и вполне себе изящной деревянной мебелью. Дворецкий ушёл с обещанием доложить о приезде антреманну. А все, кто был сейчас в комнате, тут же обратили на нас взгляды. Внимание их быстро переметнулось со знакомых лиц Маттейса и Дине на меня. Благо гостей пока было немного: двое мужчин и одна женщина постбальзаковского возраста, похожая на куропатку. Не знаю, почему мне пришла такая ассоциация: может, оттого, что по сравнению с её упитанным телом голова казалась маловатой.

Я так и обмерла на мгновение, пока Дине рядом со мной не отвесила всем приветственный реверанс – пришлось быстро повторять за ней. Гости как будто этим удовлетворились – и напряжение спало.

Маттейс представил меня присутствующим. А затем назвал их имена, которые, конечно, ни о чём мне не сказали. На том, казалось бы, знакомство было исчерпано. Высокий и пузатый, как фигурный кофейник, аард Бен Мейер тут же занялся разговором с Маттейсом, позабыв обо всех остальных. А его супруга, вроу Леона, как оказалось, старшая сестра антреманна, лёгким взмахом пухловатой ручки подозвала нас с Дине к себе.

– Чудесно! – всё, что я сумела чётко расслышать из её торопливой, будто до этого она молчала год, болтовни. – Я так рада, что Маттейс наконец решил жениться снова.

Негромкое фырканье за спиной заставило обернуться. Мужчина лет двадцати пяти, которого мне представили как Тейна Мейера, смотрел на матушку с явной насмешкой и раздражением. Встретив мой взгляд, он тут же поменялся, будто взволновался – и на его плоских щеках даже зажёгся румянец. И от его вопросительно-ожидającego взгляда стало немного не по себе. Как будто он хотел о чём-то поговорить, но не решался при всех. И так похож он был на съедаемого внутренними страстями человека: с этими трагично чёрными, до плеч, волосами и резкими

скулами на худощавом, но не измождённом лице, страдающей линией губ, будто бы изогнутых в презрении ко всему миру. Наверное, в чём-то к нему несправедливому.

– Что же вы, мениэр, не согласны с тем, что женитьба моего отца – это благой знак для многих? – зацепилась за произвольный звук, что он издал, Дине.

Её взгляд тут же заострился, так, что она перестала походить на ромашку и напомнила скорее чертополох. А ещё – Хилберта.

– Что вы, – приятным баритоном ответил мужчина. – Это поистине большое событие. После ссылки в Волнпик. После стольких лет прозябания в нём. После всех скандалов и разбирательств. После самоубийства матери мейси Паулине и исчезновения её сестры. Да... Это благой знак.

Сказано это было не так уж громко, но достаточно для того, чтобы размеренный разговор Маттейса и мениэра Мейера вмиг оборвался. Йонкер уставился на молодого аарда, и по губам его поползла нехорошая ухмылка. А я так и вовсе застыла, охваченная жгучим потрясением. Вот это прямо-таки шикарный шлейф тянется за мной, а вернее, за Паулине. То-то, думаю, ноги еле волоку от такой тяжести.

– Вы, кажется, слишком заотдыхались в своём тихом Восточном гарнизоне, мениэр Мейер.

Обнаглели после повышения, – тихо и угрожающе пророкотал Маттейс.

Но возможной ссоре не суждено было случиться, потому как к гостям спустился худощавый и высокий мужчина весьма, на мой вкус, болезненного вида. Я бы показала его мениэру Геролфу. При ближайшем рассмотрении – хоть я и пыталась глазеть не слишком открыто – антреманн оказался хорош собой. Не такими мощными и выпуклыми чертами, как ван Берги, а некой утончённостью. Кстати, с дерзким Тейном Мейером они были даже чем-то похожи. Пожалуй, все мужчины, что успели встретиться мне в этом мире, отличались внешностью резковатой, но неуловимо притягательной. Феддрик быстро смерил меня острым взглядом. Поприветствовал сначала Маттейса, затем Дине, рассеянно ей улыбнувшись, а затем развернулся ко мне. С остальными он, видно, успел увидеться раньше.

– Так вот этот дивный алмаз, вокруг которого столько шума. – Он непринуждённо подхватил мою руку и достаточно ощутимо и протяжно сжал. – Вы хитрец, мениэр ван Берг. – Показалось, что сейчас он погрозит йонкеру пальцем, как нашкодившему мальчишке, хоть был явно и значительно моложе его. – Провели её мимо аукциона, хоть из того положения, в котором оказалась её фамилия, был путь напрямик туда.

А вот с этого места хотелось бы поподробнее, но мне пришлось смолчать, переминаясь с ноги на ногу от досады.

– Думаю, её матушка, которая и без того окончила жизнь весьма печально, не простила бы мне. Не простила, если бы я оставил мейси Паулине в беде. К тому же... Разве вы хотите, чтобы она досталась абы кому, мениэр ван Стин? И уж тем более Короне? – с откровенным ехидством уточнил Маттейс. – Для Стражей она истинная находка. Ключей Воли, способных управлять порождениями Шада, не рождалось уже очень давно. Мы начинаем сдавать позиции. Слангеры и гарги уже прорываются из Пустоши. Не далее как несколько дней назад они напали на кортеж аарди, и она выжила только чудом.

– Разве они могли пробраться так далеко мимо всех Стражей? – усомнился аард Мейер-старший.

– Тот сброд, что сейчас называет себя Стражами, больше не может удерживать брешь, – ядовито проговорил его сын. – Не в том ли заслуга мениэра ван Берга? И разве одна девушка может переломить ситуацию? Тут дело вовсе не в ней...

– Паулине снова разольёт огонь по крови старших Стражей рода ван Бергов. А значит, возрастет сила других Стражей, более низких рангов. – Маттейс ещё старался говорить спокойно, но всё заметнее становилось, что этот молодой человек явственно его раздражает. – Уважаемые мениэры, – не выдержала я, – вообще-то я ещё здесь.

В самом деле, как можно обсуждать меня так хладнокровно, будто я одно из этих кресел? Хоть их разговор и был полезен для меня, но грозил перерасти в просто бестолковое метание взаимных колкостей. Если не сказать хуже. Дине хмыкнула тихо, но достаточно для того, чтобы я услышала – и от её поддержки стало немного легче. А вот мужчины в большинстве своём и взглядов в мою сторону не обратили. Только Тейн посмотрел коротко и встревоженно, будто пожалел. Антреманн выслушал Маттейса с явным интересом.

– Я искренне надеюсь, что аарди дер Энтин поможет Стражам в том, чтобы отогнать тварей в глубь Пустоши снова, – уклончиво согласился он, не выражая ясного отношения ко всему этому. – То, что они появляются в антрекене, очень тревожный знак. И кому, как не вам, мениэр, заботиться о нерушимости границ. Волнпик доверили вам вовсе не случайно. Ещё и после того, какие мерзкие слухи вас окутали в своё время.

Йонкер расплылся вдруг в улыбке, но вовсе не весёлой, а скорее угрожающей. Снова его короткий взгляд прошёлся по мне раскалённым прутком.

– За мерзкие слухи, как вам известно, стоит благодарить мейси дер Энтин. – Его голос будто ледяной коркой покрыл всю комнату.

А особенно – меня. Чем больше он говорил, тем яснее я понимала, что Паулине в своё время и правда обвинила его в чём-то страшном.

– Как бы то ни было, я сохранил обрывки вашей репутации... Когда вас хотели отдать под трибунал, не разбираясь, насиловали вы девушку на самом деле или нет.

– И загнали меня на самый край антрекена, в этот замок...

– Мениэры, – с капризным укором проговорила вроу Леона. – Прекратите.

Вот оно что. Я едва не прикрыла лицо рукой. Нет, в том, конечно, была не моя вина, но и мне невольно становилось стыдно.

Маттейс замолчал, покачав головой. А остальные не стали и вмешиваться.

– Ничего, у мейси дер Энтин теперь есть все шансы загладить перед вами свою вину, – казалось бы, миролюбиво закончил пререкания антреманн. Но тут же добавил: – Если таковая была. До сих пор доподлинно никто не скажет, что случилось тогда с младшей сестрой Паулине...

Он поднял вверх ладони, когда Маттейс прищурился с угрозой в глубине серебряных глаз.

Похоже, побаивался его. Да и неудивительно: тот был гораздо внушительнее Феддрика, шире в плечах и даже ростом чуть выше. Мужчины же не двинулись со своих мест, как будто всё происходящее было вполне нормальным и не несло опасности. Да и невозможным казалось, что сейчас антреманн с йонкером и правда сцепятся. Ну не к лицу им как-то.

– И так каждый раз, – вздохнула Дине, наблюдая за ещё вполне деликатной стычкой мужчин. – Отец считает, что Феддрик загнал его к самой Бреши несправедливо. А тот говорит, что в этом была его большая милость.

– А как на самом деле? – Я склонилась к уху девушки, пользуясь тем, что йонкер и антреманн сейчас слышали только себя – даже не друг друга. А остальные слушали их.

Даже вроу Леона подтянулась к ним, изменив женской компании. Дине повела плечом, чуть косясь на меня.

– Жить в Волнпике трудно. Он насквозь пропитан силой Пустоши, где процветают эти... твари. Вам повезло, вы всегда жили далеко от границы с ней. Вы видели светлое Око Хельда гораздо чаще нас. И знаете о Пустоши только понаслышке. А я могу выйти на верхушку башни и увидеть её. Но только смотреть не хочется. Хилберту... ему тяжелее всех. Он...

Девушка осеклась, отводя взгляд. Похоже, чуть не проговорила.

– Она как-то на него влияет? – всё же попытала я счастья.

Дине воровато посмотрела на мужчин, но те, кажется, по-прежнему были увлечены разговором на грани вежливости. Я пыталась слушать и их тоже, но выходило плохо. Но ещё хуже я представляла себе, что такое эта Пустошь. Надо бы как-то уговорить Дине показать мне её с той башни.

– Хилберт – капитан Стражей в Волнпике. Ну вы знаете. Он должен обладать особыми силами. Да только они... – начала было разъяснять та, но её прервало появление в гостиной ещё одной девушки.

Она вошла в комнату незаметно, но зато сразу перетянула на себя внимание сначала мужчин, вроу Леоны, а потом и Дине. Йонкери скривилась заметно, прервав свой занимательный рассказ о Хилберте, как говорится, на самом интересном месте. Я проследила за её взглядом. Молодая белокурая барышня возраста, может, чуть старше Дине, остановилась у камина и поочерёдно улыбнулась каждому, кто на неё взглянул.

– Лето в столице явно пошло вам на пользу, моя дорогая. – Тётка даже легонько приобняла её. Но не слишком пылко.

– Добрый день, мейси, – живо встретил девушку Маттейс. – Я очень рад, что вы уже вернулись. Хоть Хилберт ждал вас не раньше чем через неделю.

– Именно поэтому он не приехал? Не поверил, что я и правда здесь? – незнакомка мелодично рассмеялась.

Так сладко, что аж скулы свело.

– Нет, он остался по другой причине, – уклончиво ответил йонкер.

Девушка понимающе кивнула, и её личико вновь стало серьёзным.

– Я не смогла больше находиться в Вайтауне. Соскучилась по моему милому братцу. – Она чуть ехидно взглянула на антреманна.

Тот отошёл в сторону, поворачиваясь ко мне, и указал на неё раскрытой ладонью.

– Позвольте представить вам Ренске ван Стин, мою младшую сестру. – Он перевёл взгляд на девушку обратно. – А это Паулине дер Энтин. Невеста мениэра Маттейса ван Берга.

Повинуясь какому-то инстинкту вежливости, я встала с диванчика, на котором сидела с Дине, и мы с девушкой одновременно отвесили друг другу реверансы.

– Я о вас слышана. Весьма противоречивые слухи, смею заметить. – По её тонковатым губам пробежала ледяной ниточкой двусмысленная улыбка.

Я сощурилась, почуяв неведомо каким образом соперницу. Нет, делить нам было, кажется, нечего. Но случаются в жизни такие моменты, когда ты знаешь человека едва-едва, а уже терпеть его не можешь. Думаю, что-то подобное испытывала ко мне сейчас и Ренске. Мы сцепились взглядами, как бульдоги – челюстями – ненадолго, но так остро, аж кожу пекло.

– Если позволите, я хотела бы поехать с вами в Волнпик, – заговорила девушка после короткого изучения моего лица и обратила взор к брату.

Хотелось бы ещё знать, зачем ты туда собралась, мелькнула в голове подозрительная мысль.

Но, понятное дело, я удержала её при себе. Дине медленно вздохнула, явно пытаясь это скрыть, а стоило посмотреть на неё – картинно закатила глаза. Ох, не дружат они с Ренске – и от этого я почувствовала ещё большую связь с дочерью Маттейса.

– Может, стоило предупредить Хилберта о визите заранее, – снисходительно улыбнулся Феддрик, но вся строгость в его голосе, похоже, была напускной.

– Не смешите, мениэр ван Стин, – махнул рукой Маттейс. – Хилберт всегда рад видеть невесту. Что за излишние предосторожности.

Вот оно что. Потому-то йонкер и встретил девицу так ласково. Поэтому-то так презрительно и фыркала Дине: банальная сестринская ревность брата к невесте, которая отняла у неё львиную долю его внимания. Даже мне порой во время организации свадеб приходилось встречать такие ситуации при общении с семьями будущих супругов.

– В таком случае вечером я соберу вещи, – Ренске одарила Маттейса ещё одним взглядом, исполненным благодарности.

Йонкер, со мной неизменно сдержанный и мрачный – даже когда улыбался, рядом с будущей невесткой прямо-таки молодец. Видно, он крайне рад был женить сына на сестре антреманна.

Очень удобно в том опальном положении, в котором он пребывал, видно, до сих пор. Да и сопротивляться обаянию Ренске было очень сложно – приходилось это признать. Девушка чем-то походила на Дине: такая же юная и цветущая. Но если сестра Хилберта напоминала ромашку, то Ренске – розу. Не холодную и строгую – голландскую, – а ту, что растут в домашних оранжереях или в южных садах Причерноморья. Чуть простоватая, но роскошная и пахнущая сладко-сладко. Так, что невозможно пройти мимо, чтобы не остановиться и не втянуть полной грудью этот аромат.

Но только кому-то от него становится хорошо и легко на душе, а кому-то дурно. И как я ни любила южные розы со всей их подкупающей непосредственностью, а от Ренске меня едва не мутило.

Как бы то ни было, но переставший быть сдержанным спор мужчин с появлением Ренске совсем стих. И скоро гости антреманна перешли в другой зал, где для всех оказался накрыт щедрый стол. Просторную светлую комнату наполнял аромат жареного мяса и свежих овощей – ведь сейчас, наверное, здесь был самый сезон сбора урожая. А после обильного ужина слуги проводили всех до гостевых комнат.

Мне досталась небольшая, чуть темноватая из-за старинных фресок, изображающих одетых в нежные платья дев, но вполне уютная: со скромной по размерам, но пышно застеленной кроватью – убийство для позвоночника. Я обошла её всю от окна до стены, радуясь приятной тишине, что царила здесь: казалось, ни единого звука не доносилось снаружи.

И вдруг остановилась у круглого столика. А привлекла моё внимание аккуратно сложенная вдвое записка, прижатая тяжёлой керамической вазой с густо пахнущими красными цветами, названия которых я, конечно же, не знала, но которые напомнили герберы. Я огляделась в комнате, будто здесь вдруг мог оказаться кто-то ещё, кому предназначалось послание, а сама уже потянулась за ним. Любопытство моё явно раньше меня родилось. Только гляну одним глазком. Если письмо чужое, надо сказать об этом прислуге.

Только на миг я приостановила руку, подумав над тем, что это может оказаться подлянка от кого-то из гостей антреманна. Но тут же решила, что, похоже, Паулине была нужна здесь едва не всем подряд, а значит, избавиться от неё вряд ли кто решится. Помедлив ещё мгновение, я всё же взяла кончиками пальцев записку за уголок, приподняла, заглядывая внутрь: ровные строчки, почерк даже красивый, выверенный, с твёрдым и резковатым написанием букв – мужской, судя по всему.

«Чёрт бы вас всех побрал, ей-богу», – пробормотала сама себе и взяла письмо, разворачивая его полностью.

«Лине, сегодня, как все уснут, прошу вас спуститься на задний двор. Там стоит беседка у пруда. Нужно поговорить о вашей дальнейшей судьбе. И моей тоже, если на то есть ваша воля».

Внизу широким росчерком неизвестный – думается, только для меня – поклонник оставил витиеватый вензель, в котором можно было узнать букву «Т». Вот это просто замечательно! Ещё воздыхателей пылких мне не хватало для полного счастья. И так голова скоро разорвётся – так ещё и несчастно влюбленный Тейн, похоже, решил излить душу. Не зря смотрел так протяжно и умоляюще, хоть с губ его в этот миг срывались неслабые такие колкости в адрес Маттейса. Впрочем, их теперь тоже можно было объяснить – ревностью.

Я вздрогнула и прижала к груди злосчастную записку, когда в дверь постучали. Пришлось быстро сунуть послание в поясной кошель, цапая пальцы о непослушную застёжку.

– Войдите, – крикнула я по возможности невозмутимо.

Вошла служанка в педантично белом переднике и странной тонкой шапочке, похожей на детский чепчик. Присела в реверансе.

– Мейси дер Энтин, вы желаете чего-нибудь перед сном? – осведомилась она участливо, но немного устало – с явной надеждой на то, что я отправлю её восвояси без поручений.

– Да, я хотела бы пройтись перед сном. Вы можете проводить меня на задний двор?

Девушка смиренно кивнула и повела меня по узкому коридору мимо гостевых комнат куда-то вглубь дома. Повернули мы всего один раз, оказались на темноватой лестнице, а там спустились на первый этаж. Похоже, это был ход для прислуги – уж больно неприметный.

– Так короче всего, – пояснила девушка, будто мысли мои прочитала.

Она вывела меня в округлый, совсем небольшой дворик, границы которого было видно уже отсюда, и встала за спиной, ожидая.

– Если вам нетрудно, дождитесь меня. Я недолго.

Служанка снова согласно наклонила голову и осталась на месте, пока я обошла по гравийной дорожке вокруг беседки, которую было заметно издалека, вокруг небольшого прудика, больше похожего на лужу, и вернулась назад.

Что ж, место обычное и понятное до мелочей. Вот только стоит ли идти сюда ещё раз по зову человека, которого я увидела сегодня впервые? Конечно, можно было легко догадаться, что Паулине-то как раз знала его хорошо, но лично мне это не давало никакого повода доверять ему.

Но он, наверное, знал что-то важное о жизни Паулине и, возможно, хотел помочь. Или навредить? Пока служанка провожала меня обратно до комнаты, я едва не разорвалась на части от сомнений. Как только мы вернулись, попросила девушку забрать вазу с цветами – после вечерней свежести двора их запах казался и вовсе невыносимо назойливым – и снова осталась одна.

Кажется, и умылась уже, и переделалась ко сну, мало что видя вокруг себя от волнения и непрерывных метаний: идти или остаться? – и всё никак не могла успокоиться. Принималась даже перечитывать записку, будто в простых ровных строчках могла разглядеть какой-то подвох или скрытый смысл. Мог ли Тейн мне помочь, думая, что я – та Паулине, которую он знал? Или он страстный ревнивец, который пожелает просто укокошить меня со словами «так не доставайся же ты никому»? Классика.

Да что там говорить: я и спать уже легла, решив, что не стану поддаваться на провокацию. Но уснуть оказалось совершенно невозможно. Чтоб тебе гореть в аду, Тейн Мейер, или что в этом мире считается адом... Посеял ведь сомнения такие, что хоть о стену головой бейся. И даже обострившаяся осторожность уже не могла удержать меня на месте. Я поднялась, накинула поверх сорочки тёмно-синий балахон, который посчитала за нечто вроде халата, и осторожно выбралась из спальни. Прислушалась – кажется, тихо. Уже намеченным путём я двинулась в сторону лестницы, поминутно останавливаясь и прислушиваясь. Но пока ничто не вставало у меня на дороге, а потому уверенность в правильности решения росла. Человек, который почти уделал в словесной перепалке Маттейса, не может быть плохим. Хотя кто их всех тут знает... Я почти уже дошла до лестницы и немного спустилась, но пришлось притормозить. Внизу, между пролётами, кто-то тихо разговаривал. Вот всё же не удалось дойти беспрепятственно. Ждать или уходить? Может, просто припозднившиеся слуги остановились, чтобы обменяться свежими сплетнями перед сном? Я постояла немного, но разговор затягивался. Ни туда и ни сюда: аж пятки горели от желания уже куда-то да пойти. Наверное, это знак и надо возвращаться. Я уже повернулась было идти назад, как расслышала знакомое имя, которое резануло по ушам, как скрежет гвоздя по стеклу: Ренске. Тело сработало мигом, застыло в охотничьей стойке, а слух обострился, как у филина.

– Хилберт неспроста не приехал сегодня. – Спокойный и полный достоинства голос антреманна оказался очень узнаваем.

– Я беспокоюсь за него, – жалостливый и тонкий, как пение японской поп-дивы. – Как бы то ни было...

– Поэтому тебе и надо разузнать о его недомогании всё, что сможешь. Надо хоть что-то найти... Порой я не слышала обрывки фраз. Мужчина и вовсе начал говорить так тихо, что, как угодно прислушивайся – ничего не разберёшь. Я так увлеклась охотой за информацией, что не сразу заметила, как лестница закрипела под чьими-то шагами: мне навстречу поднимались.

Пришлось едва не бегом, подобрав подол, возвращаться в коридор, пытаясь при этом не шуметь. Как бежала до своей комнаты, и не вспомнила – лишь закрыла дверь и замерла, подпирая её спиной. Нет, никаких прогулок во дворе незнакомого дома – мама ещё в детстве учила. Никаких разговоров в темноте с малознакомыми мужчинами. Когда опора под ногами и без того качается, как гнилая доска – один неверный шаг, и запросто свернёшь себе шею. На кой ляд, простите, мне такие заморочки?

Я отлипла от двери и, на ходу сдирая с себя халат, едва не с разбегу кинулась в постель. Правда, всё же встала снова, вынула из кошелька записку и сожгла её, обжигая пальцы – но дотла. Разобраться бы с тем, что есть: с Маттейсом, замужеством и возвращением домой... А все эти побочные квесты – может, лучше без них?

С такими мыслями я всё же устроилась на упоительно мягкой перине и удивительно быстро уснула.

Наутро все, кроме Ренске, собрались в столовой на совместный завтрак. Тейн, конечно же, пытался поймать мой взгляд. Наверное, его очень беспокоило моё нежелание встретиться с ним накануне. Но уж лучше хранить загадочный вид, чем потом расхлёбывать последствия своей доверчивости и неосмотрительности. Невольно я то и дело начинала торопиться, чтобы закончить завтрак поскорей. И только когда уже собралась уходить, в комнате появилась Ренске.

– Ты не можешь упустить возможности поспать подольше, – мягко укорил её Феддрик, на что та лишь беспечно улыбнулась и махнула рукой.

Видимо, ей и правда многое прощалось. От этого она раздражала меня ещё больше.

Наконец, завершив визит вежливости, мы покинули деревенскую, как выразилась Дине, резиденцию антреманна вместе с сопровождением Стражей из Волнпика. Однако, прежде чем повернуть назад, пришлось заехать ещё и в лавку местного портного. У которого, впрочем, как любезно рассказала увязавшаяся с нами Ренске, одежду порой заказывали и люди из столицы. Я не могла сказать об этом ничего толкового, а потому ограничилась замечанием, что определённо слышала имя этого мастера раньше. Маттейс в наш разговор не вмешивался. Он смотрел то на меня, то на сестру антреманна, будто сравнивал нас. И что решал в этот миг – кто лучше? Наверное, по многим параметрам Паулине проигрывала в его глазах. Хотя мне теперь казалось, что и у Ренске под этой глянцевою, натёртой до блеска кожей сидит нешуточная

гнильца. И для чего она должна была выведать подробности недуга Хилберта – это ещё очень большой вопрос.

Мастер-портной вышел к нам, как только тихо хлопнула дверь, когда мы с девушками вошли внутрь: йонкер остался дожидаться нас в карете. Лавка оказалась небольшой, но уютной из-за обилия тканей кругом, лёгкого запаха чего-то, что напоминало нафталин, и мягкого света сильно оплывших свечей.

– Я ждал вас на пару дней раньше, – сказал мастер с укоризной после короткого приветствия. – Мне нужно всё заканчивать, а вы тянете время.

– По дороге в Волнпик меня чуть не сожрал слангер. – Не удалось сдержать раздражения в голосе. – Я была ранена и до сих пор не оправилась полностью. Наверное, я заслужила пару дней отсрочки.

Девушки, которые в этот миг тихо переговаривались, обсуждая платье, что стояло в дальнем углу, развешенное на стойке, мгновенно замолчали. Портной, будто в замедленной съёмке, приподнял брови, разглядывая меня так, словно я была подушечкой, в которую он сейчас начнёт втыкать иголки.

– Прошу прощения, – неожиданно выдал он и скрылся за шторой, что закрывала вход в соседнюю каморку.

Я выдохнула, сбросив долю злости и негодования от всего, что который день творилось вокруг меня. Скоро мастер вернулся, держа на вытянутых руках красное, расшитое бордовой с золотом тесьмой платье. Не сказать, что оно было в моём вкусе: такие яркие цвета я давно не носила. Да и как оценивать наряды из того времени и мира, в котором живёшь всего-то несколько дней? К тому же я с некоторых пор вообще опасалась примерять свадебные платья... Но стоило его надеть, как тут же пришло понимание, что для этого места, для этой девушки с тёмными волосами и светлой кожей, для её роста, фигуры и положения невесты знатного йонкера платье было идеальным. Другое вместо него и представить было нельзя.

И как я ни ждала каких-то особых ощущений, что предвещали бы возвращение в своё тело – глупость, конечно, но всё же – так ничего и не дождалась. Зеркало, чуть мутноватое, отражало всё ту же незнакомую мне девушку – и до того тошно становилось, что аж воздух как будто скисал в груди, разливаясь по всему телу ядом. В какой-то миг я как будто увидела в отражении прежнюю себя: не в сумрачной лавке, а в светлом салоне Ани. В белом платье, о котором не мечтала, наверное – уж вышла из того возраста, – но к которому была готова. А к этому платью я готова вовсе не была. И вряд ли когда-нибудь смогу смириться...

Мастер обошёл меня сбоку, придирчиво оглядывая и поворачивая.

– Здесь будут пуговицы, – деловито бормотал он. – Завтра привезут жемчужные из Маригола. Самые лучшие. По подолу пушу второй ряд тесьмы...

Я почти не слушала его – мне становилось жутко. Только от одной мысли, что придётся всё же выйти замуж – очень и очень скоро. Эта мысль просто разрывала голову. А хуже того было, что скрыться банально некуда. Я попросту не знаю ни одной дороги, которая могла бы привести к спасению.

– Снимите уже с меня его. – Я отшвырнула резким взмахом руку портного, который всё никак не мог успокоиться и осматривал своё творение со всех сторон, казалось, уже десятый раз.

– Мейси дер Энтин... – попыталась укорить меня Дине.

– Я сказала, хватит.

Спустилась с низенькой скамеечки, едва не споткнувшись о тяжёлый подол. Портной успел придержать меня под локоть.

Видно, побоявшись связываться и уговаривать дальше, платье с меня всё же сняли с обещанием завершить его в срок и прислать в Волнпик тут же. Однако, сервис не хуже, чем у нас. И принцип один: заплати побольше и радуйся тому, как вокруг тебя скачут на задних лапках.

С девушками, которые наперебой щебетали, восхищаясь платьем – и на этот миг стали даже выглядеть подружками, – мы вернулись в карету. Маттейс ни о чём не спросил, просто приказал кучеру ехать домой. Наверное, ему наряд будущей жены был глубоко безразличен. И я его, в общем-то, понимала.

Скоро остался позади Ривервот, окончательно смолкли Дине и Ренске, вновь охладев друг к другу. Пронеслась серой лентой дорога впереди, в конце которой меня не ждало ничего хорошего: только неизвестность одна.

Устав от смутных терзаний, вызванных злосчастной примеркой, я почти задремала, убаюканная размеренным покачиванием кареты. Но не прошло и получаса, как почувствовала вдруг, будто меня под рёбра ткнули. Вскинулась, прислушиваясь, – ничего. Маттейс открыл глаза, тоже сбрасывая сонливость, а девушки и не пошевелились, крепко уснув и соприкасаясь головами, откинутыми на спинку сиденья.

– Что случилось, мейси? – спросил йонкер с недовольством, уже вновь прикрывая веки.

– Не знаю. – Я выглянула в окно, прикладывая руку к груди.

Но даже моя неуверенность в собственных ощущениях заставила мужчину насторожиться и выпрямить спину.

– Что вы чувствуете? – Он взглянул в моё лицо со странным участием.

Будто мои возможные ощущения ничуть его не удивляли. Как будто он и ждал чего-то подобного всё это время.

– Что кто-то коснулся меня. Как будто. Я не понимаю...

Это и правда было трудно объяснить. То ли голос, то ли прикосновение – но что-то явно дотянулось до разума. Маттейс прищурился и уже приоткрыл рот, чтобы выведать ещё что-то, но вдруг загрохотали копыта по земле со всех сторон. Заорали Стражи сопровождения, лягнуло что-то, щёлкнуло будто хлыстом. Карета встала, покачнувшись. Проснулись Дине и Ренске. Маттейс выругался грязно и, выхватив из ножен меч, рывком открыл дверцу.

– Сидите здесь. Ни шагу отсюда, – бросил отрывисто и выскочил наружу – в самую гущу вспевшей там схватки.

Да я, кажется, и так не могла сдвинуться с места. Словно умерла в один миг. Меня будто тоже били клинками в бока, в грудь, где застревало болезненное дыхание. Сжимали со всех сторон горячими от ярости телами. Я чувствовала тех, кто напал на нас и, скорей всего, хотел убить. Они были людьми, и в то же время разрывала их сейчас другая сущность, которую я ощущала так остро, будто видела своими глазами. Но не могла понять, что это. Я так мало знала об этом мире!

Девушки вздрагивали, теснясь друг к другу. На глазах Ренске блеснули слёзы, но Дине, хоть и была напугана не меньше, всё ж хранила ещё какое-то спокойствие.

Меня вело прочь. Я слышала рваные отклики, брань и ор. И рык тихий, будто из ямы.

Совершенно невозможно было находиться здесь, оставаться в этой коробке, которую того и гляди раздавит всей мощью хлынувшей из Пустоши силы. Я не понимала, откуда знаю это.

Просто слушала вопль внутреннего голоса, который требовал бежать.

И я побежала – быстрее, чем сообразила, что Маттейс велел оставаться здесь. И что там, снаружи, может быть опасно. Я распахнула дверцу, вырывая руку из пальцев Дине, которая пыталась меня удержать, и выкатилась наружу, забыв о ступеньках. Грохнулась почти плашмя, встала с четверенек, поддёрнула подол и кинулась прочь. Чудом проскочила мимо мужчин, которые сцепились друг с другом, метнулась в заросли кустов, тёмные и густые. Духота и запах умирающей листвы обьяли меня, будто жадные лапищи.

Я побежала на смутный зов, будто на свет фар ночью, – ослеплённая, совершенно не соображая, что делаю. Сейчас меня расплющит, поломает на множество частей от страшной силы столкновения... А мне уже всё равно. Безразлично. Я уже не управляю своим гонимым ужасом телом.

– Стойте, Паулине! – звонкий крик позади. – Куда?

Слишком далеко, уже не повернуть назад. Я споткнулась, кажется, о собственный подол, упала, закувыркалась, скатившись в какую-то яму или овраг. Мелькнула перед глазами пустыня с растресканной холодной землёй и облаками колючей пыли, что носились над ней – и я потеряла сознание.

Очнувшись оттого, что в голову мне будто кол воткнули. Помотала ей, пытаюсь наконец собрать себя воедино из кучи острых осколков. Не любит меня этот мир. Здесь за несколько дней я потеряла сознание больше раз, чем за всю жизнь в своём. Ровно на два раза больше, если посчитать тот случай в Анином салоне.

Опёрлась на локоть – и наконец разлепила тяжёлые веки, уже начиная осознавать, что лежу не в том овраге, куда скатилась, запутавшись в собственном двухслойном платье, а в постели, от которой исходил едва ощутимый запах лаванды. Это определённо была лаванда, хоть вероятность того, что здесь она тоже растёт, была невелика.

Обретя наконец равновесие на мягкой перине, я обхватила гудящую голову ладонями, бездумно рассматривая мелкие вышитые цветочки на одеяле, что укрывало мои колени. Нет, меня не слопала очередная непонятная тварь – это радовало. Но чувствовала я себя так, будто меня просто не доели.

– Мейси, как вы? – Голос Лауры, который внезапно раздался у меня над ухом, едва не заставил подпрыгнуть, а то и выругаться.

Причём на своём языке.

Служанка поднесла мне изящную чашку с тем самым волтрейном, который я уже способна была узнать по запаху. Обжигая пальцы, я с благодарностью приняла её и отпила, едва не застонав от удовольствия. Тепло так и хлынуло по озябшему даже под одеялом телу.

– Я чувствую себя ровно так, как будто упала в яму со всего размаха.

Лаура покивала сочувственно, наблюдая за мной.

– Я схожу к мениэру ван Бергу-младшему. Он просил сообщить, как только вы очнётесь.

Едва удалось подавить первый порыв вскинуть руку с выкриком «нет-нет!». Меньше всего хотелось сейчас видеть перед собой это гранитное изваяние, которое давило из меня все соки одним только взглядом. Но это, похоже, не обсуждалось. Прояснять ситуацию Лаура не стала и быстро вышла из комнаты. Неведомо зачем я подскочила и помчалась к высокому псише в строгой, как гроб, раме. Схватила гребень, который лежал на столике рядом, и быстро провела им несколько раз по волосам, не расчесав толком, но хотя бы пригладив. Конечно, цветку синяков под моими глазами позавидовал бы сам Тихий океан, но мне элементарно было нечем даже припудриться. Представать в совсем уж плачевном виде перед Хилбертом не хотелось – достаточно мне было его презрения, чтобы к нему прибавилась ещё и жалость. Если он вообще способен меня пожалеть.

Быстро я вернулась к постели, захватив по дороге и нацепив тёмно-синий халат из тонкой шерсти. Всё тело так и бил озноб: то ли от пережитого потрясения, то ли оттого, что в комнате было всё же прохладно. И едва успела запрыгнуть на кровать, как отворилась дверь, и йонкер вошёл быстрым шагом, держа руки за спиной. Выглядел он гораздо лучше, чем после того странного приступа, что скрутил его посреди дороги. Но за пронзительным взглядом, которым он тут же меня одарил, терялось всё остальное.

– Почему вы сбежали? – обрушился на меня вопрос вместо приветствия и выражения хоть малейшей радости за то, что я пришла в себя.

Я вжалась спиной в подушки.

– Добрый день, мениэр, – проговорила холодно, не зная, какое сейчас вообще время суток. Может, утро или уже вечер? Небо снова было пасмурным, а потому не давало определённых ответов на этот счёт.

Тот остановился рядом с моей постелью – и до меня донёсся запах каких-то резких благовоний, которыми была пропитана то ли его одежда, то ли кожа. Или это был запах лекарств? Да, скорее их.

– День нынче вовсе не добрый, – быстро пресёк он моё желание ехидничать. – Вы, конечно, ещё не знаете, но отец был тяжело ранен в той схватке с не известными никому из нас людьми. Ранен по вашей вине. Когда он заметил, что вы улепётываете, отвлёкся. И пропустил удар. Я невольно вскинула ладонь к губам. Не то чтобы мне было действительно страшно за Маттейса – тут не сразу-то и осознаешь, – но такого я никак не ожидала.

– Мне очень жаль, – пробормотала я, не зная, что ещё можно сказать.

– Не врете, вам не жаль, – фыркнул Хилберт. – Ни для кого из нас не секрет, что вы терпеть его не можете с того самого дня, как он появился в доме вашей матери. И вы тут же решили от него избавиться. Довольно хитрым и жестоким способом. Который, правда, вышел вам и вашей сестре боком. Но такой смекалки и расчётливости от семнадцатилетней девицы точно никто не мог ожидать. Так что не надо смотреть на меня такими влажными глазами и лепетать, что вам жаль. Вы – последняя стерва. И хотя бы передо мной можете не притворяться.

А вот тут и правда захотелось заплакать, хоть в жизни я плачу не так уж и часто. Мне не было обидно от этих слов. Скорее меня разрывало жгучее непонимание того, откуда взялась вся эта ненависть, что портила сейчас мужественное и – да что уж там – красивое лицо Хилберта. Наверное, ни одна женщина не хотела бы, чтобы такой мужчина смотрел на нее так, будто едва сдерживается, чтобы не кинуться и не придушить на месте.

– Зря вы считаете... – решила я было хоть немного оправдаться, хоть и понимала, наверное, что не смогу.

– Ваш побег даёт мне повод считать, что к нападению на карету вы имеете самое непосредственное отношение. На том клинке, которым ранили отца, был яд. Из корня биттеры. Он убивает быстро. Достаточно одной царапины. Только способности Стража-Льва, которые в отце очень сильны, позволили ему выжить до сих пор.

– Я... Я не знаю ничего про яд. И нападение. Я сбежала не по своей воле. Меня что-то звало... Я не могла сопротивляться.

Хилберт, кажется, наконец, меня услышал. Его глаза сузились, прошибая подозрительностью до самой теменной кости.

– Слышали зов? – Он подошёл ближе.

Я даже приподнялась на постели, радуясь его заинтересованности. Йонкер явно понимал, о чём я говорю, но тревога в его голосе давала повод предположить, что дела мои плохи.

– Я слышала. Будто голоса. – Рассуждать о таком разумно было чертовски сложно. – Или чувствовала чью-то волю. Я не поняла. Это было так страшно...

Хилберт покачал головой, болезненно кривясь.

– Этого не может быть. Ключи Воли не слышат зов Пустоши. Только изгнанные Стражи. Или те, кто должен быть изгнан.

– Но я слышала!

– Думается, вы просто лжёте. Чтобы обелить себя.

Вот сейчас мне стало действительно страшно. Хилберт не сказал напрямую, но он фактически обвинил меня в покушении на отца. Мой растерянный вид, похоже, ни в чём не мог его убедить. Он шагнул к постели и сгрёб меня за плечи, приподнимая, поддёргивая к себе. Его лицо оказалось так близко от моего, что я видела даже поры на его коже. И его гневное дыхание окутывало меня так ощутимо, будто с ног до головы.

– Я не знаю, о чём вы говорите, мениэр, – постаралась я сказать как можно твёрже.

– Знаете или нет, всё выяснится скоро, – прошипел он так проникновенно, что я вся мигом покрылась гусиной кожей и начала стремительно слабеть. – А пока отец приказал наказать вас за трусливый побег. И послушание. Ведь он велел вам оставаться в карете. А в итоге пришлось искать вас по оврагам.

– За что наказание? Я ничего не сделала! – Меня вмиг отрезвило негодование, что прокатилось ледяной волной в груди.

– Лучше молчите. Иначе будет только хуже.

Хилберт швырнул меня обратно на постель с такой силой, что я на миг почувствовала толстые доски ложа под периной, когда грохнулась в её недра. Он повернулся и пошёл прочь, раздражённо дёргая тесьму на вороте рубашки, который, наверное, хотел ослабить. Дверь с оглушительным грохотом закрылась за ним – и я закрыла глаза, удерживая слёзы.

Глава 5

Похоже, Маттейс твёрдо решил меня наказать. Хоть, признаться, я и надеялась, что он передумает, когда схлынет с него первая волна гнева и придёт понимание, что я не виновата. Но ничего подобного так и не случилось. Мне дали времени только до конца дня – прийти в себя, – а потом в комнату заявила ещё незнакомая служанка, которая представилась Абией, и передала веление Хилберта следовать за ней. До последнего ведь не верилось, что это случится. Но слушать меня пока никто не захотел. Я тоскливо глянула в окно – единственный путь немедленного побега. Так ведь расшибусь в лепёшку, когда буду падать.

– Я хочу поговорить с йонкером. Немедленно, – сказала как можно более твёрдо. Может даже, надеясь испугать девушку. – Это всё какой-то абсурд!

Я едва не добавила стандартное: мол, мы живём в двадцать первом веке, а это всё дикость – но, понятное дело, двадцать первым веком тут и не пахло.

– Мениэр ван Берг приказал... – начала было оправдываться служанка, видно, всё же испугавшись моего решительного тона. – Нельзя послушаться. Ведь...

– Таковы правила. – В комнату, распахнув чуть приоткрытую дверь, вошёл Алдрик.

Внутри так всё и оборвалось. Раз и он тут – значит, и вовсе дело плохо. Своего подручного Хилберт, похоже, просто так не гонял.

– Какие ещё правила? – Я невольно говорила всё громче. – Где они прописаны?

Так и покажут они мне документ, конечно... Мениэр сдвинул брови.

– Деланая непонятливость ни от чего вас не убережёт. Страж имеет право назначать наказание той, кого выкупил. Он вообще на многое имеет право. Но подумайте, это для вас, возможно, будет и хорошо. Вас ждёт омовение соком шадрумы. Всего лишь. А в бреду наказанные порой начинают говорить правду. Если вы невиновны...

– Знаете что? Идите в... – Я замолчала, не зная, куда здесь можно кого-то послать. Да и выражаться благородной девице явно не к лицу. – Я и так ни в чём не виновата! Я не рабыня!

– Не рабыня, верно. Но близко к тому, если вы ещё не поняли. Ваше мнение здесь мало кого волнует. Особенно в таких обстоятельствах.

Алдрик на миг выглянул наружу и махнул кому-то рукой. Через миг внутрь вошли два стражника в плотных кожаных нагрудниках. Пригляделась – броня поблескивала крупной чешуёй, будто её сделали из какого-то земноводного. А вслед за ними в комнату вдруг протолкнулась Дине. И лицо моего вечного стража вдруг поменялось: слетела с него вся непоколебимая суровость, уступив место виноватой строгости. Он зашарил взглядом по фигуре йонкери – жадно, будто насытиться захотел впрок. Я невольно дёрнула бровью, наблюдая за ним. Интересно... Похоже, юная сестра Хилберта вызывала в этом грозном мужчине вовсе не двусмысленные чувства. Как бы это не оказалось для меня полезным...

– Что здесь происходит, Алдрик? – Дине окинула всех взглядом и повернулась к нему. – Что за шум? Почему стража?

Впрочем, мениэр быстро пришёл в себя.

– Мейси дер Энтин не желает исполнять приказ мениэра ван Берга-старшего. И отказывается пройти через назначенное наказание.

Девушка сжала кулачки, на которых, как и всегда, можно было разглядеть хотя бы одно пятнышко от краски.

– Отец не в себе от боли. Он не понимает...

– Он понимает, – оборвал её Алдрик, сводя густые брови. – И он желает знать, что наказание было исполнено. И что правда о причастности или непричастности мейси дер Энтин к тому нападению открылась.

– Алдрик, – ласково произнесла Дине. Вдруг шагнула к нему и обхватила его широченные запястья пальцами. – Поговорите с отцом ещё раз. Поговорите с Хилбертом... Мейси была под воздействием зова, когда убегала. Это всё какая-то чушь! Даже Ренске ван Стин подтвердит. Вот! Я была с ней совершенно согласна. Во всём, кроме того, что сестра антреманна пожелает за меня заступиться. Я даже руки у груди невольно сомкнула, ожидая, что этот каменный страж сдастся под напором хрупкой и маленькой рядом с ним Дине. И мужчина дрогнул. Можно было поклясться, что он поплыл от её умоляющего взгляда, как шарик мороженого. Он повернул ладони и взял руки девушки в свои. Сжал бережно – но отпустил, делая шаг назад.

– Маттейс приказал, – всё, что ещё сорвалось с его губ.

Стражники шагнули ко мне, осторожно отодвинув Дине в сторону, будто фарфоровую статуэтку. Она вперила в меня расширенными от ужаса глазами и отмахнулась, когда Алдрик склонился к её плечу, что-то тихо говоря. По лицу мужчины пронеслась гримаса мучения. Я отшатнулась, как стражники приблизились. Выставила перед собой руку.

– Не трогайте! – выдохнула. – Сама пойду. Только дайте поговорить с мениэром ван Бергом. Если это возможно.

И подбородок вскинула, не находя больше никаких слов. Похоже, против всех этих правил даже лом не поможет. Особенно если знаешь их не слишком хорошо. Алдрик вздохнул протяжно. Коротко посмотрел на Дине, которая всем своим видом сейчас демонстрировала обиду, и махнул рукой.

– Хорошо. Думаю, мениэр ван Берг-старший захочет с вами увидеться.

Он качнул головой в сторону двери и вышел сам, не дожидаясь, пока я, ошалевшая от такой неслыханной милости, поспею за ним. Признаться, боязно было встречаться с Маттейсом. Боязно было увидеть его ослабевшим, может даже немощным. Всё ж не железная – даже того, кто обращался со мной всё это время не очень-то ласково, будет жаль. А такие, как он, не терпят жалости. Как бы не обозлился от этого сильнее.

Алдрик провёл меня в другую часть замка, по пути приветствуя кивками всех Стражей, что нам встречались. Те посматривали на меня с интересом, кто-то с осуждением, но без явной злобы. Будто они и сами не верили в то, что я могла подстроить нападение на карету. Скоро мужчина остановился у тёмной массивной двери – единственной на всю обширную полукруглую площадку, куда нас вывела крутая винтовая лестница. А покои у Главы Стражей, похоже, немаленькие... Впрочем, они наверняка соответствуют величине его эго.

– Подождите здесь. – Алдрик остановил меня взмахом руки и скрылся в комнате.

Как я ни прислушивалась, а ничего разобрать не могла: только смутный гул низких голосов. Но мениэр вернулся быстро и отошёл в сторону, позволяя войти внутрь.

В громких – как и предполагалось – покоях йонкера пахло снадобьями. Не химическими таблетками и микстурами, как в моём мире, а чем-то, как сказали бы там – натуральным. Но оттого этот запах не становился менее страшным. Он говорил о страданиях и мало – о надежде. Густой, почти душный.

Первым меня встретил вопросительный взгляд мениэра Геролфа Видбри. Будто он не понимал, чем я могу помочь Маттейсу, если даже он не мог. Лекарь, который легко залечил мою рану, не имел таких сил, чтобы на сей раз мигом спасти йонкера.

Я кивнула ему и прошла дальше, едва продираясь сквозь плотный воздух комнаты.

– Не думал, что вы придёте. – Голос Маттейса вовсе не выдавал слабости. Разве что был чуть более хриплым.

Мужчина лежал на широкой постели и смотрел на меня через полумрак покоев, пока я шла к нему. Спокойно смотрел, без злобы и укора во взгляде. Будто на самом деле всё же предполагал, что невеста поневоле наведается к нему.

– Как вы, мениэр? – решила я начать всё же с элементарной вежливости.

Если стану скандалить с порога и кидаться с упрёками, разве этим не подтвердится не слишком добрая репутация Паулине? Да и вряд ли хамство что-то изменит. Только хуже сделает.

Я остановилась у постели Маттейса и огляделась в поисках кресла или стула, куда можно было присесть. Отчего-то мне хотелось цивилизованного разговора, а не метания грязи в оппонента.

И показалось вдруг, что йонкер разделяет моё желание. Он оставался спокойным и внимательно наблюдал за мной, пока я усаживалась в предупредительно подвинутое ко мне Геролфом кресло. После лекарь кивнул Маттейсу и вышел.

– Вы поменялись, Паулине, – проговорил тот, когда я вновь повернулась к нему. – Не могу понять как. Но что-то в вас изменилось. С тех пор как вы приехали в Волнпик, видел каждый день что-то новое в вас.

– И что же вы думаете на этот счёт, мениэр? – Я усмехнулась уголком рта.

– Это меня озадачивает. – Он вздохнул глубоко, будто перевёл дух. – И настораживает.

Наверное, говорить ему было трудно. И тут только, приглядевшись, я увидела, как расползается нехорошая синева по его шее над расстёгнутым воротом рубахи. Видно, это и есть следы яда, который растекался по его крови. Стало не по себе.

– И вы верите, что я могла быть виновницей нападения на карету? Виновницей вашего ранения? – Странно, но как я ни опасалась встречи с Маттейсом, а сейчас говорила ровно и уверенно.

Наверное, потому, что не чувствовала обычной враждебности от йонкера. Только любопытство и лёгкое раздражение: а уж от чего – большой вопрос.

– От вас можно ожидать чего угодно. Вы знаете, о чём я говорю...

– А если не знаю?

Маттейс вздёрнул брови.

– Будете играть в святую невинность? Хорошо. – Он сдержанно улыбнулся, и по его губам разлилась синеватая бледность. – Все эти годы я то и дело задавался вопросом: чем я тогда вам не угодил? Откуда в вас возникло такое непреодолимое желание непременно избавиться от меня? – Он смолк, глядя на меня выжидательно. Мне, ясное дело, нечего было на это ответить. Тогда он продолжил: – Я любил вашу мать. Всю жизнь любил. Но не мог жениться на ней. Потому что должен был взять в жёны девушку-Ключ. Обязанность Стража – в те времена. Так было нужно. Но и судьба сложилась так, что с Катрин мы стали вдовыми оба. Мне хотелось хоть часть жизни провести с ней. Да только дочка у неё оказалась с подвохом. – Йонкер покачал головой. – Почему изнасилование? Почему не убийство? Воровство? Вы хотели унижить меня

сильнее? Вы не только довели меня до ссылки в Волнпик. Вы довели свой род до разорения. Мать до самоубийства. И сестру до безумия. Вы довольны? Сейчас вы довольны? Его голос всё же стал чуть громче. А я застыла от потрясения, шаря взглядом по его бледному, блестящему от испарины лицу. Можно было легко догадаться, каким красавцем он был в молодости, какая сила хранилась в нём – до сих пор. А теперь он угасал. Я почти чувствовала, как жизнь утекает из него. И, может быть, если бы не воля Паулине, всего этого не случилось бы теперь.

– Что ни случилось раньше... Я не имею к нападению на нас никакого отношения, – только и сказала. – И то наказание... Вы не можете наказать меня, не разобравшись. Не узнав правды!

– Я узнаю правду. Может быть, узнаю, потому что уверенным быть не могу. И зря вы считаете это наказанием. Вернее, кто-то может посчитать. Скорее это испытание. – Маттейс слегка прищурился. – Через него проходят все Стражи. Столкновение со своими страхами. Оценка воспоминаний и прошлого. А может быть, и признание своих ошибок. Вам нужно это. Если невиновны, это оградит вас от излишних дознаний антреманна.

– Но я не Страж.

– Вы лучше. – Йонкер вдруг коротко рассмеялся. – И вы вернёте силу в род ван Бергов. Если не угодите в очередную передрагу. Похлеще той, что уже случилась.

– Как я её верну?

Разговор с Маттейсом затягивал всё сильнее. Хотелось слушать его голос, уверенный и ровный. Узнавать именно из его уст о том, что мучило меня все эти дни. Казалось, ещё немного, и он сам поймёт. Он уже понимал что-то. Его пытливый взгляд не сходил с моего лица, улавливал всё. Каждую эмоцию.

– Вы станете женой старшего из рода, разумеется. И откроете самые важные способности Стража – управление порождениями Пустоши. И тогда Глава Ордена передаст свою силу другим Стражам. Как бывало раньше. Разве я вам этого не говорил? – Йонкер откинулся на подушку сильнее. Похоже, разговор утомил его. Слова стали отрывистей, дыхание чаще. – Вам, похоже... Нравится. Раз за разом осознавать свою значимость. Маленькая коварная дрянь. Маттейс смолк, а я вскочила с места, заметив, как напряглись мышцы его шеи. Как стиснули пальцы одеяло. Надо звать лекаря. Но я не могла не сказать ещё что-то, что рвалось из горла, будто крик во сне. Невыносимо и беззвучно.

– Я не Паулине дер Энтин. – Я всё же склонилась к нему, пытаюсь достучаться. – Я только оказалась в её теле...

Взгляд Маттейса вновь переметнулся на моё лицо, непонимающий, гаснущий. А в следующий миг я просто побежала к двери – выскочила наружу и тут же попала в руки Алдрика. Лекарь тоже ещё был тут: они о чём-то разговаривали, пока не появилась я. Геролф тут же метнулся обратно в покои Йонкера.

– Снова от вас одни беды, – проворчал Алдрик, уводя меня прочь.

– А то вы много знаете обо мне. Хоть вы меня не трогайте. Вам я ничем не насолила. – Не хотелось молчать и выслушивать очередные обвинения.

Достали. Натурально достали меня эти альфа-самцы. Мужчина покосился на меня удивлённо.

– Думается, мениэр ван Берг не передумал насчёт своего приказа.

Я помотала головой. Но теперь мне казались справедливыми слова йонкера. Может, если я скажу правду под действием сока этой шадрумы, от меня наконец отстанут? Хотя бы в покушении на Маттейса перестанут обвинять.

– Я сделаю так, как сказал мениэр ван Берг, – нарушила я тяжкое молчание, пока мы с Алдриком возвращались к моим покоям. – И надеюсь, вы меня не утробите.

Алдрик неопределённо пожал плечами, явно желая сыграть на моих нервах. Но тут же кивнул серьёзно.

– Гробить вас себе дороже.

Служанка Абия вместе с взволнованной Лаурой ждали нашего возвращения.

– Вам лучше прибрать волосы, – бесцветно посоветовал Алдрик.

Лаура тут же подскочила и бросилась ко мне. Она заколола тяжёлые локоны и собрала их в сетку, чтобы точно не падали на спину. Всё это время она с опаской косилась на Алдрика, который так и стоял у двери в ожидании.

– Может, лучше я пойду с вами, мейси? – тихо проговорила служанка, склонившись ко мне.

– Не стоит, – громко ответил за меня Алдрик. – Мейси Абия справится лучше.

– Что же, она знает, как проходит это наказание? Вы часто его практикуете? – не удержалась я от язвительности, медленно ощупывая собранные волосы и не торопясь идти куда-то за Алдриком.

Наверное, мне просто хотелось оттянуть этот миг.

– Нет. – Страж усмехнулся. – Просто она училась у мениэра Видбри. И сумеет в случае чего вам помочь.

Да это же прямо облегчает мне участь! Я покачала головой, отворачиваясь. Ещё миг промедления...

Лаура сникла немного, но вида постаралась не подать. Только взгляд её, направленный на Абию, стал тяжелее и подозрительнее. Я как будто кожей чувствовала её тревогу, да и сама беспокоилась. Но идти надо. Сама ведь так решила. Абия кивнула мне ободряюще, стоило только к ней повернуться. Алдрик пропустил нас с девушкой вперёд. Служанка пошла первой, а я потащила следом. А Лаура так и осталась стоять у двери, провожая нас взглядом.

Даже по сторонам смотреть не хотелось, хоть мы шли теперь в ту часть замка, где бывать ещё не приходилось. Я только переставляла ноги, невольно прислушиваясь к дыханию Алдрика за спиной. Через бесконечное количество поворотов и спусков с башни мы вышли к узкому коридору, в конце которого темнела низковатая дверь, освещённая одним только факелом на стене. Шаг служанки стал быстрее – и пришлось приноровиться.

Она открыла тяжёлую толстую створку и пошла вниз по ещё одной лестнице – куда-то в неведомые недра Волнпика.

Внизу было жарко. Чем ниже мы спускались с Алдриком и явно взволнованной Абией, тем плотнее становился воздух, тяжелее вливался в лёгкие. А может, это просто казалось – от страха. Я не знала, что меня ждёт, представить не могла, на что это будет похоже. Самое страшное наказание, которое со мной когда-либо случалось, – это хороший удар по попе ремнём от отца, когда во втором классе после первого сентября я ушла с подружкой гулять, не сказав куда. Мобильников тогда ещё не было и в помине, а потому родители сильно испугались. За это я и схлопотала по мягкому месту: таким злым отца больше никогда не видела. До тех самых пор, как он не ушёл от нас. Но глупо было даже надеяться, что экзекуция, которая мне грозила теперь, окажется чем-то сродни шлепка по заду. Это дикий мир, как джунгли, где какая-нибудь тварь так и норовит цапнуть тебя из-за куста. Жаль только, я не Маугли. Как бы я себя ни приободряла, пока спускалась по крутой каменной лестнице в душные недра Волнпика, а всё равно тряслась от подступающего ужаса сильнее. До того, что Алдрик, который шёл позади, это заметил.

– Возьмите себя в руки, мейси, – посоветовал строго. – Чем больше вы боитесь, тем больше увидите. Ваши страхи обнажатся и обрушатся на вас.

– А разве не в этом цель? Не за этим мениэр ван Берг отправил меня сюда? – Я нервно хихикнула и тут же захотела хлопнуть себя ладонью по губам.

– Я только пытаюсь облегчить вам участь. – Страж развёл руками.

– Да ладно. – Я хмыкнула, едва повернув к нему голову. – Это же не убьёт меня. Так ведь?

– Нет. Но бывало, люди сходили с ума, – серьёзно пояснил он. Меня будто когтями по спине продрало. – Редко, но бывало. Вообще это испытание не предназначено для женщин: они слишком восприимчивы. Да и Стражи проходят его всего один раз. Перед Посвящением. Но я уверен, вы справитесь. Так что дышите. Успокойтесь.

Да чтоб тебя! Лучше бы ты молчал. Так и захотелось накинуться на этого тугодума с нападками и упрёками. Разве ж можно такое говорить и считать при этом, что одного «успокойтесь» хватит, чтобы я и правда успокоилась? У мужчин в этом мире явная патологическая атрофия чувств.

– Я спокойна. – Пришлось откровенно солгать.

Но странное дело – сердце и правда немного унялось, и по взмокшей спине побежал холодок, несмотря на ощутимую жару вокруг.

Наконец мы спустились в самый подвал. Или это можно было скорее назвать катакомбами. На миг я представила, как каменистый холм, где стоит Волнпик, весь изрезан внутри ходами, будто муравейник. Наверное, так оно и было. И гадать только оставалось, что творилось здесь раньше, а то и продолжало твориться.

Впрочем, об этом мне пришлось догадаться достаточно скоро, когда я увидела открытые клетки с толстыми прутьями – вдалеке, скрытые тенью, которые только еле-еле разгонялись светом

факела в руке Алдрика. Были тут и каменные камеры – и до того подмывало спросить, кто в них содержался, что аж в горле саднило. Но, наверное, я боялась услышать ответ.

– Раньше здесь много изучали тварей из Пустоши. – Алдрик будто угадал мои мысли. – И тех, кто нёс в себе часть их крови.

– Часть крови? – Я прикинулась непонятливой, хотя, наверное, должна была что-то о том знать.

– Проклятие Стражей, – растерянно буркнул мениэр. – Разве вы не слышали?

– Я жила далеко от всего этого. – Пришлось и дальше гнуть свою линию. – Могла что-то упустить.

В голове будто что-то проявлялось каждый раз, как к очередной крупнице знаний о здешних порядках и особенностях добавлялась ещё одна. Любая из них могла приблизить меня к возвращению домой. И уже не так пугали меня эти мрачные, раскалённые застенки: всё внимание сосредоточилось на том, что ещё расскажет Алдрик. Напряглась и служанка, что шла передо мной. Прислушалась: наверное, чтобы после обсудить с другими женщинами, если узнает что-то любопытное.

– Вы же видели знак Стражей. Три сущности. Каждый Страж носит в себе одну. Облик. Но это не позволяет ему обращаться, только даёт определённые силы. Львы достигают высших рангов и самого большого могущества. Могут принимать самые редкие Ключи и открывать самые мощные силы, а ещё питать ими других. Буйволы – становятся хорошими сильными солдатами. А Драконы – учёными, алхимиками и лекарями. Вы должны это знать.

– Никогда не откажусь послушать ещё раз, – загадочно ответила я, хоть и не знала ни черта. И уже почувствовала знакомую ломоту в висках от прилива новых познаний и напряжения в мозгу от осознания их. Да тут и без всяких зелий свихнуться можно. Но надо слушать и мотать на ус – кто знает, где может пригодиться. По крайней мере, роль Ключей мне открывалась всё яснее.

– Что же с проклятием? – напомнила, когда молчание начало затягиваться, будто Алдрик вдруг забыл, зачем затеял этот рассказ.

– Право, странно, что вы не знаете. – Резко захотелось стукнуть его по голове. – Редко бывает, но случается, что Страж носит в себе все три сущности. Тогда это не дар силы, а проклятие. Потому что они давят на разум и тело сильнее. Пытаются взять верх и подчинить. Сливаются вместе в страшные и причудливые формы. Такие Стражи рискуют поддаться и со временем обратиться в химеру, подобную той, которая гналась за вами в лесу.

Вот оно что. Тогда неудивительно, что их здесь изучали. Наверное, чтобы узнать, как с этим бороться. А может... Кто знает, какие знания хотел приобрести тот, кто брался за такое дело.

– Сейчас здесь пусто, – пришлось констатировать факт.

– Потому что почти всех обнаруженных Проклятых теперь выгоняют в Пустошь. Самых опасных казнят. Многие скрываются. С их поглощающим даром так и не сумели сладить. Теперь они Изгнанные.

– Да, я слышала. – Видно, об этом мне и говорил Хилберт. О тех, кто слышит зов Пустоши. Кто поддается ему.

– Все слышали. И каждый родитель молится Хельду Светлому, чтобы их ребёнок, если и родится Стражем, то с одним Обликом. Иначе его ждёт страшная жизнь. И довольно короткая. Потому как ни один Ключ, какой может попасться на пути, не может избавить от этого груза. Кроме таких, как вы. Но они очень редки. Очень. И чем дальше, тем их рождается всё меньше.

– Матушка говорила мне, – снова подыграла я, чтобы не выглядеть уж совсем подозрительно.

– Конечно, – как-то не слишком уверенно поддакнул Алдрик.

Я невольно обернулась: взгляд мужчины задумчиво шарил по моему лицу. На одной щеке его дёргалась жилка – я уже замечала за ним эту особенность в карете, когда наблюдала незаметно. Так он делал, когда о чём-то крепко задумывался. Похоже, моё седалище начинало помалу полыхать. Потому что, если подручный Хилберта заметит мою растерянность и незнание обычных вещей, он сразу тому доложит.

А вот хорошо это или плохо, остаётся только гадать. Может, и зря я проболталась Маттейсу... Совершенно невозмутимая на протяжении всего пути служанка остановилась у одной из комнат и открыла дверь, пропуская меня внутрь. Там оказалось не так страшно, как я себе представляла. Обычная каморка, словно для прислуги. Правда, по стенам на полках стояли бутылочки с каким-то содержимым разных оттенков и консистенции. Вытянутые и круглые, глиняные и стеклянные. В каких-то жидкости едва заметно светились. Да только не время было

тому поражаться – потому что мой взгляд зацепился за глубокую деревянную ванну, до половины наполненную вовсе не водой с маслами – это и дурак поймёт. Сомнительного вида жидкость имела чуть зеленоватый оттенок, а запах от неё шёл такой, что хотелось зажмуриться и попроситься к маме. В общем, ничего хорошего он не сулил, этот запах.

– Раздевайтесь, – не дав времени толком осмотреться, бросил Алдрик. – И ложитесь в ванну. Абия вам поможет. И приглядит за вами.

Но внутри будто что-то перевернулось. Теперь я абсолютно не понимала, как вообще оказалась здесь. Зачем пришла, согласилась на это безумие – в прямом и переносном смысле.

– Я в неё не лягу. – В мозгу будто замигал красным отдел, отвечающий за инстинкт самосохранения. – Скажите Хилберту. Или Маттейсу, что я отказываюсь. Должен быть другой путь!

Служанка отшатнулась от меня, сделав было шаг навстречу. Я отмахнулась от нее, почти оттолкнула от себя, и девица уставилась на меня с непониманием и опаской. С ними точно сделаешься буйнопомешанной.

– Что за выкрутасы, мейси? – В голосе Алдрика сверкнуло раздражение, будто комар, которого он только что прихлопнул, вдруг ожил и снова запищал над ухом.

– Если это испытание даже Стражам назначают всего один раз в жизни, – вдруг вспомнила я все его слова. – Разве я вынесу?! Вы точно издеваетесь!

Отвратная вонь сока этой проклятой шадрумы просто с ума сводила. Я будто снова услышала тот смутный нарастающий гомон издалека, который однажды заставил опрометью броситься прочь из кареты. Откуда-то из-за стен Волнпика. Но сильные, словно стальные, руки вцепились мне в плечи. Встряхнули – и жутковатое наваждение тут же прошло. Я моргнула, глядя в почему-то испуганное лицо Стража. Как будто такой истерики он от меня вовсе не ожидал. А может, почувствовал что-то?

– Вы успокоились? – поинтересовался он на удивление мягко и участливо. Я кивнула. – Тогда покончим с этим скорей. Ложитесь. Я не буду смотреть.

«Ещё бы ты смотрел», – фыркнула я мысленно.

Алдрик, отпустив меня, демонстративно отвернулся и сел за стол, что стоял у дальней стены. Провёл пальцем над пламенем горящей на нём свечи, едва задевая самую верхушку. Да он так спокоен, будто на ужин пришёл. А мне-то что делать? Служанка некоторое время смотрела на меня вопросительно, а после начала распускать шнуровку на одном боку моего платья. Я оттолкнула её руки и разделась сама.

– Можно остаться в сорочке? – спросила громко, не поворачиваясь к Алдрику.

– Нет.

Я стянула и рубашку, содрогаясь не то от страха, не то оттого, что тело предвкушало уже погружение в скорей всего холодную жидкость. Абия поддержала меня под локоть и подвела к ванне. Я шагнула – и брови сами вскинулись – эта непонятная жижа оказалась приятно тёплой. Но в то же время мерзко тягучей и липкой.

– Можно поскорей? – устало вздохнул Страж.

Плеснуть бы на него этой дрянью – пусть бы поплевался. Я села, а служанка слегка подтолкнула меня в плечо, чтобы погрузилась до самой шеи. Пришлось откинуться на стенку ванны. И сразу Алдрик повернулся ко мне. Не знаю, что случилось, но меня как будто назад швырнуло. Словно взгляд Стража стиснул меня твёрдыми ржавыми тисками. Саму голову – до хруста в висках.

Но это ощущение прошло, а его заменило другое – страшного жжения по всему телу. Оно нарастало и нарастало – от того, какое даёт крапива, до того, что можно было бы сравнить с одним огромным ожогом. Но я не кричала, не металась по ванне от жуткой боли – неведомым образом взгляд Алдрика просто не давал мне пошевелиться, пусть и хотелось сделать хоть что-то. Хоть немного сбросить эти невыносимые ощущения: как слизь проникает в каждую пору и выдает что-то внутри.

А после всё погасло. Пару мгновений я просто дышала, слыша на удивление чётко, как воздух шумит в лёгких. В каждом пузырьке альвеол. Вдох-выдох. Будто шуршание по песку неподъёмными ногами. Проносились перед внутренним, затуманенным смутным мучением взором обрывки чужой жизни – здесь. В этом мире.

Солнечный сад, то ли с сиренью вдоль дорожек, то ли другими кустами, что пахли так похоже. Светлое платье женщины, что идёт впереди, колыхнется при каждом шаге. И ветер трогает

концы лёгкой шали на её плечах. Рядом с ней Маттейс ван Берг. Моложе на несколько лет, чем теперь. А в моей душе – только туман неприязни и ревности... Да, ревности – больше всего. Обиды – может быть. Едкий туман, отравляющий. Нарастает и нарастает, распирает всё внутри злобой и желанием вернуть всё, как было. Чтобы не было его, а был отец.

Знакомое чувство: чтобы отец был – не где-то далеко, а здесь. Или хотя бы жив...

Мои или чужие тревоги – уже неважно. Сплелись, перемешались. И глаза Маттейса, такие светлые, серебряные, смотрят приветливо, когда он оборачивается через плечо.

– Твоей старшей дочери будет самый лучший Страж, Катрин. Тот, кого сама выберет. Но самый лучший.

– Хилберт? – смеётся женщина. Приятно так. Тепло. Она счастлива, кажется. – Хилберт лучший. После тебя, конечно, Тейс.

Он пожимает её руку, качая головой с притворным укором. И солнце переливается на его пепельных волосах, делая почти золотыми. Меня передёргивает – и выбрасывает в другое воспоминание.

Через просветы меж ветвей сада видно дорогу к дому, невысокому особняку из серого камня с зелёными ставнями на окнах и ползущим по стенам плющом. Солнце играет в мутноватых стёклах бликами. Бегают россыпью ярких пятен по гравийной дорожке от самых ворот до крыльца. И по ней несётся всадник, лёгкий, быстрый. Останавливается резко почти у самых ступеней и, спешившись, бросает повод подоспевшему слуге. Я наблюдаю за ним, затаив дыхание, слегка раздвигая ветви. Он бросает в мою сторону короткий рассеянный взгляд – его глаза такие же, как у его отца. Смотрят чаще всего мимо или задумчиво, потому и не поймёшь, что сейчас у него в голове. Самый перспективный Страж Ордена. Да неудивительно – ведь сын самого Маттейса ван Берга.

Я прячусь, пригнув голову, и рысцой бегу в дом через боковой вход, когда Хилберт скрывается за дверью. Знаю, куда он пойдёт: Маттейс уже дожидается его в кабинете, который раньше принадлежал отцу. Он планирует важный разговор. Держась на расстоянии, следую за мужчиной и успеваю поймать дверь, прежде чем та захлопывается за ним – остаётся маленькая щель.

– Зачем нужно было выдёргивать меня из гарнизона? – после приветствия ворчит Хилберт.

– В этом гарнизоне ты скоро забудешь, как выглядят нормальные женщины, – подначивает его отец. – А уже не мальчик-цветочек.

– Ты опять? – Сын едва не стонет.

А многие девицы Шадоурика уже давно рыдают по ночам в свои подушки, потому как один из самых завидных женихов антрекена предпочитает службу погоне за невестами.

– Паулине. – Старший ван Берг на миг задумывается. – У неё все задатки сильного Ключа.

Жаль, пока неизвестно, какого именно. Её нельзя упускать... Да и смотрит на тебя сам видел как. Думаю...

Хилберт усмехается, холодно, отстранённо, прерывая рассуждения отца.

– Эта вздорная девица выпьет мне всю кровь.

В груди подпрыгивает сердце. Я жду ещё хоть слово от него, которое дало бы понять, что у него есть в душе ко мне. Или там пусто? Только необходимость иногда встречаться и перебрасываться парой слов?

– Зато она даст тебе гораздо больше. – Голос Маттейса становится твёрже.

– Ты хочешь, чтобы я жил так же, как ты? – Размеренные шаги пересекают кабинет и стихают где-то в стороне окна. – В постели одна, в голове – другая?

– У тебя нет другой, – легко парирует старший. – Если ты, конечно, не имеешь в виду одну из тех местных потаскух, что иногда валяются к тебе в койку. В надежде на огромную любовь, разумеется.

– Ещё неизвестно, какой из неё Ключ. Вот исполнится восемнадцать, прольёт кровь на Око Хельда в храме – и посмотрим, – невозмутимо отпирается Хилберт.

А у меня внутри всё падает и падает куда-то, оборвавшись от разочарования. Ему плевать на меня. Плевать. Он не видит меня – единственный среди всех, кто готов заплатить любые деньги Саллийской короне, чтобы забрать мою невинность. Даже не способности Ключа, которые пока не открылись, а просто право сделать своей женой. Потому как мало попросить руки у родителей, надо показать всем, что ты можешь содержать девушку непростых, древних кровей. И достоин отомкнуть свои силы Ключом с большой силой Знака.

А Хилберт ничего этого не хочет.

Задумавшись, я перестаю слышать продолжение разговора и вздрагиваю, когда доносятся до слуха приближающиеся шаги. Отшатываюсь от двери и бегу прочь, прежде чем она распахивается. За поворотом наталкиваюсь на сестру.

Она вновь вернулась сегодня под утро. Умоляла не говорить матери, что пропадала всю ночь вместе со своим Лукасом – Стражем из гарнизона, что расположен под Шадоуриком. Он красавец, конечно, – но я не доверяю ему. А Эдит души в нём не чаёт. И даже отдала самое ценное ему, что выйдет ей боком, если тот не пожелает на ней жениться. Или не найдёт денег. И вмиг мои самые страшные опасения подтверждаются. Глаза сестры припухшие от слёз, и видно: по дрожащим губам и бледному лицу, по тому, как стискивает она мои плечи ледяными пальцами – что она на грани постыдной истерики.

– Он бросил тебя, да? – невольно в голосе прорезается укор.

Дура. Сама виновата!

– Он дезертировал ночью. Из гарнизона сбежали несколько Стражей... и он...

Рыдания выплёскиваются из груди Эдит, и приходится быстро вести её в комнату. Пока не услышали мужчины.

От громкого стука двери я вздрагиваю всем телом, пытаюсь вырваться из этой отвратительной жижи обиды и ненависти. Барахтаюсь, как мошка в капле воды.

– Я люблю тебя, Паулине, – слышу проникновенный шёпот. – Я заберу тебя у Маттейса.

– Не тебе с ним тягаться, Тейн. Он уже заявил права.

– Ещё посмотрим...

Жжение становится невыносимее. Я пытаюсь сбросить его, как колючий свитер, но не выходит. Силы утекают куда-то. В голове размеренно тикает, будто готовая взорваться тонной тротила бомба. Как остановить этот кошмар?!

Домой... как же хочется домой.

И неведомая мне шадрума проявляет милость, вызывая из глубин мозга картины привычного мира. Но это не воспоминания. Что-то другое.

– Откуда ты здесь? – Это мой голос, почему-то полный возмущения и страха. – Тебя не должно здесь быть!

Меня толкают обратно в глубину вязкого, тошнотворно тёплого бреда. Прогоняют. Я задыхаюсь, но выплываю. И перед глазами вертятся лица родных людей. То гаснут, то становятся ярче. Картинка проявляется, как на фотоснимке, всё чётче.

Вижу маму, которая как будто говорит с кем-то по телефону, улыбаясь – наверное, со мной. Или уже нет? После из зеленоватой мути возникает наша с женихом квартира. Антон сидит за ноутбуком, что-то сосредоточенно читая с экрана. Я вижу его как будто со стороны: на этом месте зеркальная дверца шкафа – наверное, из-за неё. Разглядываю жениха, такого знакомого до каждой мелочи и не могу понять, что чувствую. Соскучилась? Рада? К нему подходит со спины девушка со светлыми, чуть встрёпанными волосами до плеч. Ставит на стол пустую чашку и обнимает его за шею, что-то спрашивая. Он разворачивается резко, вставая – сгребает её в нетерпеливые объятия. Разворачивает лицом ко мне – меня прежнюю. Так он не обнимал меня, наверное, уже пару лет как. Задирается длинная футболка, что на мне надета – или только на моём теле, внутри которого уже другая? – обнажаются бёдра до самых ягодиц. Она без белья. Видно, недавно только выбралась из постели. И с кем провела ночь, нетрудно догадаться. Антон придавливает её к столешнице, ловит губы своими. Она лёгким жестом снимает с него очки и откладывает в сторону. Обнимает, раскинув колени, подпуская его ближе. Продолжая удерживать её одной рукой, жених резким движением стаскивает с бёдер домашние штаны и входит в неё быстрым толчком. Она откидывается на стол спиной, едва не опрокидывая дорожный ноут. Выгибается. Я не слышу никаких звуков, но вижу по её приоткрытым губам, как срываються с них стоны при каждом его движении.

Прав был Алдрик: в этом бреде я видела свои страхи. Самые большие, что сидели занозами в душе с того мига, как она оказалась здесь, в чужом теле. Я боялась, что та, кто сбежала отсюда, украдёт мою жизнь. А может, уже украла? Сделав что-то, что я забывала делать. Исправив мои ошибки?

И сейчас закрыть бы глаза, чтобы не видеть, как мой жених имеет другую. Нет, меня, конечно, – думает, что меня. Но я ведь всё понимала. Но, к счастью, всё начало расплываться. И тут я снова увидела себя. Только другую – ту, которой стала. Паулине стояла передо мной, одетая в

то самое красное свадебное платье, от которого слепило глаза – до того ярким оно казалось в окружении бесцветной пыльной пустоши.

И со спины к ней приближались помалу те самые твари, похожие и на льва – гибким, покрытым короткой шерстью телом, и на дракона – тяжёлым хвостом и гребнем вдоль позвоночника. И на буйвола – рогатой головой, вытянутой мордой, наполненной, правда, острыми зубами. Они обступали её, не пытаясь напасть, не стараясь убить, а подчиняясь.

– Ты не вернёшься, – проговорила девушка. – Ты никогда не узнаешь путь. Забудь.

Я и хотела бы что-то ответить, но губы как будто слиплись. Из горла полился только хрип, от которого содрогалось что-то в голове. И лишь через несколько мгновений я поняла, что меня просто трясут за плечи. Нещадно, пытаюсь скорее привести в чувство.

Глава 6

– Мейси! – Встревоженный голос прорвался сквозь глухие пробки тишины в ушах. – Она не приходит в себя! Так долго. Мениэр...

В тоне девушки слышатся подступающие слёзы и мольба. Как будто кто-то и правда может ей помочь. Кажется, она напугана. Её тревога касается меня острыми иголками, щекоотно впивается в грудь, заставляя дышать чаще.

– Отойдите. – Веский приказ оборвал тонкую ниточку чужой заботы, что коснулась меня.

Горячие ладони обхватили лицо. – Вы хорошо её отмыли? Везде?

Даже в таком состоянии, когда я зависла в мутной неопределённости между бредом и явью, стало вдруг стыдно. Проверять будет?

– Конечно, мениэр. – Снова испуг, чистый страх и повиновение.

– Паулине! – Дыхание коснулось лба. – Вы меня слышите?

Я заворочалась вяло, пытаюсь вывернуться из крепких рук. Но чем дольше они держали меня, тем яснее становилось в голове. Я снова там, куда попала против воли. Обнимает душная сырость со всех сторон, будто вокруг – остывающая баня, в которую кто-то пустил сквозняк. Я затряслась крупной дрожью, одетая только в тонкую сорочку, которая неприятно раздражала слишком восприимчивую кожу.

– Принесу ещё одеяло. – Растерянный женский голос отдалился.

– Паулине, – снова позвал меня мужчина.

Провёл ладонями по щекам – необычайно мягко. Склонился ближе – я ощутила тепло его кожи. И запах, тонкий, тревожащий обоняние: мягких волос, какого-то травяного питья и усталости. Осени. Хотелось ощутить его сильнее, будто только он вытягивал меня обратно в реальность. Я приподняла голову и слепо ткнулась губами, вдыхая этот запах, чувствуя подбородком колючую щетину. Натолкнулась на горячий, чуть приоткрытый рот – и дыхание моё на миг сплелось с чужим. Мужчина отшатнулся, выпуская моё лицо из рук. Я снова упала затылком в подушку и открыла глаза: Хилберт стоял, нависнув надо мной, загоразживая свет, что нехотя струился от зажжённых на комодке свечей. Он озадаченно хмурился, ведя большим пальцем по нижней губе.

– Очнулись, – буркнул. – И не можете обойтись без провокаций. Как вы себя чувствуете?

Я усмехнулась коротко. Мне было плевать на его негодование. Но оказалось приятно видеть лёгкую растерянность йонкера, смятение в его глазах. И странно было осознавать, что он не злится. Скорее, вяло сердится.

– Это странно, что я очнулась, правда? – И хотелось бы, чтобы мой голос звучал твёрдо и уверенно, да сухая хрипота мешала. – И на что я могла вас спровоцировать?

Лаура встала у постели, сжимая в руках принесённое шерстяное одеяло с длинной бахромой, и, видно, не могла понять, нужно оно теперь или нет.

– На очередную стычку, конечно. – Хилберт махнул на дверь, взглянув на служанку, и та, коротко вздохнув, вышла.

– Я не понимала, что делаю.

– Думается, понимали. Впрочем, ладно. – Он взял с высокой тумбы у изголовья кровати вытянутый глиняный стакан и подал мне.

– Не надо постоянно переворачивать мои слова негативной стороной, – проворчала я. – И решать за меня.

Я напилась, наконец, ощущая, как оживает всё внутри всего от пары глотков поистине животворящей влаги. Последний раз я так радовалась глотку воды дома, в своём мире, когда однажды долго моталась по городу в страшной жаре без возможности заехать в магазин, а потом наконец купила возжеленную бутылочку.

Теперь мысли окончательно прояснились, и всё, что я видела в бреду, как раз таковым и показалось. Нет, это всего лишь порождение дурмана. Разве что кроме воспоминаний Паулине, которые были очень полезны. А в остальном – Антон и мама сразу поймут, что в моём теле не я. Они должны понять! И даже любопытно стало, что в таком случае будет делать Паулине. Как выкручиваться?

Знать бы ещё, что я сама успела наговорить, лёжа в той наполненной отвратительной слизью ванне. И, судя по лицу Хилберта, ничего, что его удовлетворило бы.

– Не томите. – Я снова поставила стакан на тумбу. – Что передал вам мениэр Алдрик? Я призналась во всех своих грехах? В убийствах и трупах, которые зарыла на заднем дворе? Может, надо меня сразу казнить, а не купать в зелёной жиже?

Я и не заметила, как меня откровенно понесло: от страха, от злости на то, что никак не могла внутренне принять здешних порядков – настолько дикими они мне казались. Хоть, если подумать, как люди живут тут? В Волнпике или вообще во всём антрекене – с постоянным опасением, что на них нападут те чудища из Пустоши. Наверное, это делает характеры и нравы крепче стали. По-другому быть не могло. В опасной ситуации приходится быть жестоким. Но всё равно проснувшееся вновь негодование, которое начисто лишало благоразумия, сейчас заставляло мысли метаться хаотично и изливаться не совсем взвешенными словами. Чёртова шадрума.

– Отец умер сегодня, – оборвал мои едкие излияния Хилберт, наслушавшись их вдоволь с удивительным для него терпением.

Я мгновенно захлопнула рот. Как ни мало испытывала приязни к Маттейсу, а не дурочка, чтобы глумиться над чьей-то смертью. И над его в том числе. И хотела бы сказать, что мне жаль, да вспомнила, как к моим словам отнёсся Йонкер в прошлый раз – не поверил ни на грош. И стоило ли злить его снова?

– Я не знаю, что сказать... – проговорила честно.

– А ничего говорить и не надо. – Мужчина пожал плечами. – Вы всё сказали во время наказания. Всё и ничего. Я был там. Слышал всё своими ушами.

Получается, пришёл туда, когда я уже впала в бессознательное состояние. Прекрасно. Я подняла на него вопросительный взгляд.

– Значит?..

– У меня нет веских оснований считать, что вы причастны к смерти отца. Хоть я в том до конца и не уверен. А в остальном будут разбираться дознаватели антреманна. Возможно, и короля. Всё же умер Глава Стражей. При очень паршивых обстоятельствах.

– Что же я говорила? – Стало на миг страшно и неловко.

– Странные вещи. – Хилберт усмехнулся с лёгким удивлением во взгляде. – Большей частью бред. Что вас не должно здесь быть. Что вы – не вы. Что вы хотите домой немедленно. Хотите увидеть мать – и всё в подобном роде. Так бывает. Разум замутняется. Но из потока бессвязностей иногда проступает нужное.

Я опустила взгляд на свои руки, протяжно и тихо вздохнув. Вот так вот скажешь, казалось бы, правду, а все посчитают, что это всего лишь бред, вызванный галлюциногенным соком какого-то неизвестного мне растения. Да заяви я об этом снова сейчас – что поменяется? Алдрик уже не поверил мне один раз. И Хилберт верить не торопился.

– А если это не бред? – Я снова взглянула на Хилберта. – Всё, что я говорила? Что, если я не из этого мира? И это не моё тело.

Йонкер прищурился, въедливо изучая моё лицо. Показалось, в его глазах пронёсся проблеск сомнения.

– Сейчас не время для подобных вывертов, мейси. Хватит. Ещё вчера отец высказал пожелание, чтобы вы в случае его смерти присутствовали на оглашении завещания. Уж не знаю зачем. Душеприказчик приедет после погребения. У вас ещё есть достаточно времени прийти в себя.

Он просто повернулся и вышел. Долго ещё я смотрела в дверь, за которой он скрылся, пытаюсь осознать новый поворот в новой, почти не знакомой мне жизни. Только, кажется, должна была выйти замуж, хоть этого и не хотела, а прошло всего несколько дней – и мой жених мёртв. Причём с большой долей уверенности меня подозревают в причастности к его убийству, хоть сейчас Хилберт, кажется, не торопится настаивать на моей вине – что очень и очень странно для него. Признаться, я думала, что усомниться на этот счёт его не заставит никакая правда. И настолько это всё подозрительно – даже и не знаешь, что сделать в первую очередь: порадоваться или повеситься.

Но, пожалуй, и правда стоило дожидаться оглашения завещания Маттейса – не зря ведь он велел мне на нём присутствовать. Похоже, там есть распоряжение и о моей судьбе, раз уж я была почти что его собственностью, – если меня не подвели все сразу органы чувств, которые вопили о том, что ко мне большинство людей относятся, как к вещи. Может быть, услышав моё спонтанное признание, Маттейс что-то осознал и решил хоть как-то меня пощадить? Слабо верилось. Но надежда, как говорится, умирает всегда последней. Тварь живучая – она, похоже, грозила выпить мне ещё немало кровушки.

Вновь вошла Лаура, принесла то ли обед, то ли ужин – я не поняла. Только проглотила всё, почти не чувствуя вкуса. Лишь бы набраться сил, лишь бы скорее сошли с тела эти жуткие ощущения бессилия в хватке воли Алдрика и жуткого жжения повсюду. Я даже попросила приготовить мне ещё одну ванну – захотела ополоснуться сама. Это стоило больших трудов слугам, но никто не возразил.

Кругом в замке стояла поистине скорбная тишина. Даже прислуга передвигалась почти на цыпочках, дабы не нарушить мрачности момента. Лаура доложила, что Хилберт выехал в Ривервот, чтобы распорядиться насчёт погребения отца. А Дине осталась здесь. Как и Ренске. И мне было страшно не по себе в этом огромном доме, который переваривал каждого, кто находился внутри, словно огромный кит – планктон. После ванны полегчало, а потому я решила проявить небольшую наглость и без приглашения навестить к йонкери. Возможно, она прогонит меня, но хотя бы удастся понять, как теперь относится ко мне. Станет ли поддерживать дальше или ввиду всех слухов и последних неприятных событий встанет на сторону брата? Без друзей я и вовсе рискую потонуть во всех неприятностях, что сыпались на мою голову одна за другой.

После всего, что я увидела во время испытания-наказания, не давала покоя ещё одна мысль. Похоже, с Тейном Мейером мне встретиться тоже крайне необходимо. Но он далеко, а значит, надо подумать над способами выбраться в Ривервот по возможности. Но это стоило решить чуть позже.

Оставив Лауру в комнате, я вышла и постучала в соседнюю дверь. Сначала тихо, а затем и громче. Уже собралась было повернуться и уйти, как долетело до слуха тихое разрешение войти.

Дине в покоях не оказалось. Я оглядела их медленно, отмечая, что дочь Маттейса вовсе не стремилась создать здесь особый уют и милоту, которая приличествует молоденькой девушке. Всё выглядело достаточно строго и больно уж по-взрослому: массивная резная мебель, старое угловатое трюмо с потемневшим уже зеркалом. Либо девушка не слишком заботилась о своей внешности, либо и вовсе не любила себя разглядывать. Что странно, если учесть, что она очень даже симпатичная. И тёплая – пожалуй, больше всего теплоты исходило от неё из всех, с кем пришлось столкнуться – что делало её ещё краше. И, видно, не только в моих глазах, если вспомнить Алдрика.

– Дине! – окликнула я её, уж было подумав, что просто не замечаю среди каменных стен и тяжёлой мебели: тут и потеряться несложно.

И только потом заметила приоткрытую низкую дверь, которая вела, похоже, в какую-то смежную со спальней комнату.

– Заходите, мейси, – снова донеслось до меня приглушённо – как раз оттуда.

Я быстро прошла через покои и, пригнув голову, нырнула в каморку. Да так и встала на пороге, резко выпрямившись и едва не ударившись затылком о притолоку. Вокруг было много свечей и много картин: на полу, прислонённые к стенам, на мольбертах – законченные и ещё только начатые. Портреты и пейзажи, от которых просто мутилось перед глазами, потому как такого я не видела никогда в жизни. В своей обычной жизни среди каменных громад мегаполиса, переходов метро и километров дорог, под которые было укатано всё живое. И как ни мало

живого было изображено рукой Дине на холстах, а всё это выглядело так, будто я смотрю в окно. Протянешь руку – и коснёшься. Среди своих творений стояла Дине, опустив руку с кистью и глядя на большой портрет Маттейса – почти законченный. Видно, оставалось всего несколько доработок. Девушка не шевельнулась, не повернулась ко мне – и я застыла тоже, разглядывая её в окружении прекрасных работ, которые она, похоже, предпочитала прятать ото всех. С кончика кисти, только что обмакнутой в палитру, упала тяжёлая капля и расплескалась тугой синей кляксой на полу рядом с краем подола йонкери.

– Я хотела подарить его отцу на свадьбу, – пробормотала она. – Хотя и понимаю, что для него и для вас это была просто формальность. Но я хотела сделать ему приятное.

Девушка медленно, словно боялась сделать хоть одно резкое движение, отложила палитру на столик. Взяла тряпку, всю перепачканную в краске, и вытерла руки. Я подошла неспешно и тихо, всматриваясь в черты Маттейса, которые его дочь передала так живо и ясно, что в нём начинало проступать то, что я не успела узнать о нём. Да и вряд ли знал кто-то посторонний. Дине не забыла подчеркнуть его глаза – пронзительные и строгие, очерченные тёмной радужкой и с холодными искрами в глубине их.

– Он был бы счастлив получить такой подарок, – осторожно проговорила я, поглядывая на девушку.

Та передёрнула плечами.

– Он не был счастлив последние годы. После того, как ваша матушка прогнала его. А уж тем более когда она умерла. – Дине повернулась ко мне, и в глазах её встал упрёк. – Я стараюсь не винить вас, мейси дер Энтин. В том, что вы с вашей сестрой оклеветали отца однажды так страшно. Вы были совсем юной и, наверное, порывистой. А я – ещё ребёнком – и не помню почти ничего из того, что случилось. Но иногда... Иногда мне думается, что лучше бы он не пытался вас заполучить. Не лез в ваше проклятое фамильное гнездо. Он и так уже хлебнул там горя.

– Простите меня, мейси, – только и сумела я ответить.

Больше мне нечего было сказать. Конечно, я уже догадалась о многом, увидев обрывки прошлого Паулине. Но всё-таки не обо всём. Наверное, боялась сделать ошибочные выводы. И, несмотря на это, всё отчётливее осознавала, что неприязнь детей Маттейса, откровенная или скрытая, обоснованна и не является одной лишь их прихотью.

– Я простила вас давно. Хилберт не может. – Дине снова отвернулась. – Пока не может.

Кажется, вы хотели увидеть Пустошь? Если не передумали, то сейчас самое время.

– Настроение подходящее, – согласилась я.

Йонкери покивала и прошла мимо меня в спальню, а дальше – прочь из комнаты. Только за ней и поспевай. Неведомо какими ходами мы вывернули на узкую лестницу – такую, что порой плечо шоркалось о стену, – а затем вышли на открытую площадку, огороженную каменным высоким парапетом со всех сторон с вырубленными в нём отверстиями наподобие окон. Бешеный ветер ударил в лицо, взметнул за спиной распущенные локоны и бросил по глазам паутинку волос. Дыхание на миг застряло в груди.

Я проморгалась и вновь пошла за Дине, которая уже остановилась у дальнего ограждения.

Медленно переставляя ноги, я приблизилась, подняла взгляд, устремляя его вдаль – и просто обомлела. Если с южной стороны Волнника и горной стены, что стискивала его, стелились цветочные луга, пусть и бледно-зелёные от недостатка солнца, то с другой просто, казалось, не было ничего живого. Только растресканная глиняная корка с редкими пучками сухих кустов. Кое-где торчали и остоны мёртвых деревьев, выпроставших ветви из мутного полупрозрачного тумана, который клоками перетекал над землёй. Ветер, что нёсся нескончаемым потоком со стороны Пустоши, бросал в лицо мелкие крупинки и душную пыль. Дышал затхлостью, пронизанной едва ощутимыми ниточками смрада. Будто где-то здесь было ещё и старое болото. Но, насколько хватало глаз, это была пустая равнина, без следов, без дорог и людского жилья. И что самое паршивое – я уже видела её. В своём видении, пришедшем в бреду. Тут стояла Паулине – под защитой своих питомцев. Но только как она была с ними связана?

Я бездумно приблизилась к парапету и опустила на него ладони, провела по холодному, почти ледяному камню, вдыхая запах Пустоши и чувствуя нечто сродни тому зову, который и заставил меня недавно броситься прочь из кареты – прямо в заросли, не щадя кожи, которую царапали ветки, и платья, которое едва не в клочья изодралось об острые сучки. Он звучал так далеко, почти неслышно – но неведомым образом дотягивался до меня, ввинчивался в мозг. То

ли они звали меня, то ли я их – неосознанно. Но ясная связь протягивалась между мной и Пустошью. И чем сильнее я это осознавала, тем страшнее становилось. Кто я такая? Кем была та, что оставила мне в наследство своё тело? Или, может, дело вовсе не во мне?

– Паулине, осторожнее! – предупредила меня йонкери.

Её голос донёлся глухо, а внутри ничего не отозвалось. Инстинкт самосохранения молчал напрочь, как у маленького ребёнка. Я только чуть повернула к ней голову – вяло, медленно. Заметила тень, что приблизилась с другого бока. Лёгкий толчок в спину – и я качнулась вперёд, почти переваливаясь через парапет. Ноги потеряли опору. Показалось на миг, что сейчас верхняя часть тела перевесит – и я полечу вниз, захлёбываясь ветром и задыхаясь в собственном подоле. Сердце остановилось, я вскрикнула звонко, но сумела вернуться назад: ступни снова ощутили прохладную твёрдость гранитной площадки.

– С ума сошли? – взвилась Дине, хватая меня за локоть и оттаскивая ещё дальше от ограждения. – Совсем дурная?!

Но её укор предназначался, похоже, не мне. Она уставилась гневно на кого-то. А ответом ей стал только беспечный и жестокий смех. Я вдохнула и выдохнула несколько раз, прежде чем смогла пошевелиться. Повернулась вслед за взглядом йонкери: Ренске смотрела на меня, усмехаясь недобро. Её грудь взволнованно вздымалась, будто она и сама испугалась того, что сделала. Мягкие округлости очерчивались чётче и опадали в стянутом шнуровкой вырезе её тёмно-синего, оттеняющего благородную бледность кожи платья. Конечно, она старалась не выдать волнения, словно это и правда была всего лишь шалость. Но чем прозрачнее становилась пелена странного морока перед глазами, тем яснее я видела в её зоре колкую решимость. Перевались я через парапет, она ничуть не пожалела бы, а то и сумела бы отговориться, что неуклюжая девица сама рухнула вниз.

– Надо быть осторожнее. Здесь сильный ветер и скользкие камни. – Аарди пожала плечами, отворачиваясь от меня. – Я всего лишь вас проучила.

– Она права, – согласилась Дине. – Волнпик коварен. Как и Пустошь. Я испугалась за вас, мейси. Похоже, надо идти назад.

Я даже не стала спорить. Насмотрелась на Пустошь вдоволь: как бы на всю жизнь не хватило теперь. А глупая и опасная шутка Ренске и вовсе оставила по всему телу дрожь короткого, но глубочайшего испуга. Теперь мне не поможет волрейн. Надо бы раздобыть чего покрепче. Вместе мы вернулись внутрь. Совершенно молча. Ренске шла позади, и её оценивающий, колкий взгляд я ощущала даже сквозь платье. Чем больше сходило с меня потрясение после пережитого хоть и короткого, но острого страха, тем сильнее наваливалось раздражение от беззастенчивого изучения аарди моей спины.

Дошло до того, что я успела перехватить её за локоть, прежде чем она повернула в одном из переходов к своей комнате. Ренске уставилась на меня недоуменно и нагло. Я никогда не была агрессивной, но тут меня проняло до самого нутра. И так захотелось вlepить по её карамельному лицу, что аж ладонь зачесалась.

– Ещё раз попытаетесь меня проучить подобным образом, и Хилберт узнает о вас то, что знать не должен. Ясно?

В моих словах, конечно, превалировал банальнейший блеф. Ничего особо тайного и запретного на той лестнице в доме антреманна я не услышала. Но Ренске об этом знать вовсе не обязательно.

Маленькая хитрость удалась: аарди побледнела – только слегка, – а на щеках её, наоборот, вспыхнул прозрачный румянец.

– Не понимаю, о чём вы, мейси.

Она вскинула голову, отчего её слегка курносая физиономия заострилась ещё больше.

– Зато я понимаю кое-что всё лучше и лучше.

Я отпустила её и отправилась догонять Дине. А ещё вдруг решила зайти к Хилберту, как вернётся из Ривервота, хоть не успела ещё «соскучиться» после последней встречи. Но сил терпеть и искать удобный случай вдруг не осталось. Я должна узнать об этом зове Пустоши больше. А кто расскажет лучше, чем потомственный Страж?

Йонкер не вернулся к ночи, что вовсе не удивительно. Но почему-то я всё равно ждала, хоть и не могла увидеть или услышать его возвращение. Полночи мне не давали покоя воспоминания об этом зове, который на сей раз не довёл до беды, но всё же напомнил о себе.

Если перебрать всё, что успела узнать о Ключах, то слова Хилберта, что ничего подобного чувствовать я не должна, казались правдивыми. Да и сегодня я слышала его гораздо слабее, как будто источник его отдалился, хоть Пустошь была ближе. Так близко, что дышала в лицо. Ворочая и ворочая в голове смутные ощущения от того случая с нападением и того, что испытала сегодня, я только устала, так и не найдя каких бы то ни было ответов. Даже подумала было в какой-то миг пойти к Дине, но вспомнила, что сейчас уже глубокая ночь, и пожалела йонкери, которой после смерти отца не хватало только моих расспросов. Да и спит, наверное. Это я ходила по комнате, как сомнамбула, то и дело возвращаясь мыслями к невольно оставленному дому и размышляя о том, что сейчас делают мама или Антон. Вот о нём думать было совсем тяжело. Тяжело было даже представлять, что он легко мог принять в моём теле новую Полину и даже не заметить разницы. Меня даже тряссти начинало, будто спину лизал сквозняк. Хотя в чём винить его, пусть даже он с ней и спит. Ведь не знает...

Я доходила до того, что в какой-то миг просто рухнула в постель и сразу уснула. А утром пробудилась сама, ещё на рассвете – благо, как и в моём мире, он по осени уже был не слишком ранним. Будто почувствовав, что я не сплю, скоро пришла Лаура, немало удивившись моему бодрствованию.

– Скажите, мейси, – обратилась я к ней после всего церемониала утреннего сбора на завтрак, – мениэр ван Берг ещё не возвращался?

Служанка пожала плечами. Наверное, не знает. Да и как – ещё достаточно рано, замок огромный. Тут, наверное, новости с одного его конца на другой доходят через неделю.

– Я слышала, мениэр ван Берг вернулся. Но закрылся в комнате и к завтраку не собирается.

Нет, всё же слышала что-то. Я невольно улыбнулась, неспешно разглаживая только что расчёсанные волосы. Служанку себе выбрала что надо: везде успевает и замечает всё, что нужно. Что ни говори, а ассистенток я научилась нанимать правильных, хоть поначалу случались и ошибки.

Ну раз йонкер приехал и не желает завтракать с сестрой и невестой – о себе уж не говорю, – надо брать его тёпленьким, пока снова не затерялся где-то. После смерти Маттейса на него, скорей всего, навалилось много забот. Но, даже всё понимая, осознавая, что ему непросто, свои интересы я не могла отложить в долгий ящик. Того и гляди либо спячу, либо убьюсь, бросившись с башни этого треклятого каменного чудовища: сама или помогут...

Потому, решив, что выгляжу вполне презентабельно и хотя бы этим не смогу вызвать раздражение его светлейшества мениэра Хилберта ван Берга, я повернулась к Лауре.

– Будьте добры, проводите меня к нему. Вы ведь знаете, где его покои?

Девушка уставилась на меня вопросительно и немного растерянно: похоже, я всё же сказала что-то не совсем подобающее. А может быть, и вовсе неприличное? Ну в любом случае отступать уже некуда.

– Да, конечно, я провожу вас, мейси, – не стала спорить и обращать моё внимание на странность просьбы Лаура.

Оказалось, что идти не так уж далеко. Всего-то как будто на другой этаж огромной башни.

Похоже, только она здесь предназначалась для самых важных обитателей – остальное немаленькое пространство занимали другие Стражи. Как бы то ни было, если мне вдруг снова захочется навеститься к Хилберту – что вряд ли, – смогу дойти сама.

– Можете идти. – Я кивнула служанке, и та, одарив меня ещё одним странным взглядом, удалилась.

Не знаю, в какой миг меня насторожила тишина кругом: когда я только шла до двери комнаты или когда занесла руку, чтобы постучать. Но она буквально впивалась в уши. Как будто сюда вовсе не доходили никакие звуки. Прислушалась: в покоях тоже тихо, ни шага случайного, ни шороха. Спит, может быть, с дороги? На мгновение я всё же засомневалась: наверное, неподходящее время для разговоров. Но тут же заставила себя вспомнить, что меня-то как раз беспокоили все кому не лень в любое время суток. Ничего, потерпит.

Я постучала не слишком громко, но и уверенно: чтобы не показаться наглой, но и заявить о решимости войти. Ожидала всего: что мне откроет какой-нибудь слуга или даже Ренске.

Думала даже, Хилберт прогонит, не разбираясь. Но полнейшего молчания в ответ отчего-то не ожидала. Ушёл, что ли? Но всё же постучала снова.

– Мениэр ван Берг! – позвала, почти касаясь губами двери. – Мне очень нужно поговорить с вами. Я могу войти?

– ...дите, – послышалось приглушённо и даже сдавленно.

Входите или уходите? Чёрт бы побрал эти толстые двери и стены! Первый раз захотелось вознести хвалебную оду современному строительству в моём мире: когда заданный вопрос можно расслышать даже из соседней квартиры. Как неловко выходит. Я потопталась на месте ещё немного и всё же толкнула створку, решив, что войти можно.

– Я захожу, мениэр... – предупредила на всякий случай.

Ступила в сероватый полумрак комнаты и огляделась. Сначала в одну сторону, после в другую – и обомлела на миг. Потому как увидела первым делом блестящую от пота в отсветах огоньков свечей, тяжело вздымающуюся спину Хилберта. Он стоял, уперевшись руками в нечто вроде комода, и пальцы его почти сминали доски. Казалось, вот-вот продавят вмятины. Он медленно качал низко опущенной головой и, кажется, не видел ничего вокруг себя. Влажные растрёпанные волосы закрывали его лицо – думается, и хорошо, что так.

Я метнулась вперёд, прежде чем успела осознать. Взяла его за плечи – и ладони соскользнули по влажной горячей коже вниз.

– Я сказал, уходите! – Йонкер развернулся, взмахивая рукой.

Точно ударил бы, не успей я отшатнуться вовремя. Но, в очередной раз запихнув инстинкт самосохранения куда подальше, я снова приблизилась, ощущая страшную необходимость коснуться его широкой, в тонких полосках шрамов спины.

– Позвать лекаря? – спросила, пытаюсь заглянуть в его лицо. – Я позову...

– Нет. – Йонкер снова постарался вывернуться, но я поймала его, как быющуюся на берегу скользкую рыбину. – Нет. Он не поможет...

Голос мужчины стал спокойнее, будто подчиняясь моим осторожным коротким поглаживаниям. И что странно: мне не было неловко оттого, что я касаюсь полуголого мужчины – так. Почти что ласково. И что этот мужчина сейчас, скорей всего, прогонит меня, как только немного очухается.

– Всё уже почти прошло, – совсем тихо сказал он, замирая. – Вы пришли немного не вовремя.

– Простите. Я подумала, что можно войти, – солгала.

И сейчас даже не смогла бы сказать: хорошо, что увидела его таким, или плохо. Могу ли теперь играть на его слабости, или он начнёт мне угрожать?

– Сам виноват. Надо запирать дверь. – Хилберт не торопился поворачиваться ко мне. И не торопился отстраняться от рук. – Просто забыл. Так часто бывает, когда я возвращаюсь в Волнпик.

Признание? Малая доля доверия? Откуда бы? Мысли заметались в голове судорожно, когда я попыталась решить, что сейчас делать. Огляделась в комнате и, заметив возле умывальника полотенце, быстро за ним сбегала и подала йонкеру. После – рубашку, что висела, небрежно брошенная, на спинке кровати. Пусть хоть прикроется немного, а то смотреть на него всё же малость некомфортно. Не противно, конечно, а как будто боязно и... волнительно, что ли. Пришла, называется. Инициатива наказуема – и чаще всего не угадаешь, каким именно образом.

– Зачем вы пришли? – Хилберт наконец оделся и повернулся ко мне. – Вам не кажется, что наши встречи надо бы свести к минимуму?

– Многие знают о вашем... недуге? – всё же спросила я. Рискнула, можно сказать.

Йонкер неопределённо покачал головой. Похоже, вопрос не показался ему странным.

– Знают многие. – Он улыбнулся даже. – Но в чём он заключается – только близкие. И мне не хотелось бы, чтобы вы лезли в это.

«Понятное дело», – проворчала я мысленно.

А вот некоторые девицы, похоже, скоро рассчитывают стать Хилберту настолько близкими, что перед ними он точно раскроется. Не будем называть имён. И зачем им это, остаётся только гадать.

– Раз это тайна, покрытая мраком, я не стану больше ничего спрашивать, – согласилась я миролюбиво. Налила в стоящую на столике неподалёку кружку воды и подала йонкеру. Он кивнул, внимательно скользя взглядом по моему лицу. – Только если вам нужна моя помощь, может, мне стоит знать?

– Не стоит. – Мужчина опасно усмехнулся. Я прямо-таки почувствовала физически этот напор, что прозвучал в двух коротких словах. – Да и ваша помощь мне не так уж нужна. Как видите, всё прошло без неё.

Ну конечно. Я укоряюще покачала головой, но настаивать не стала. Всё же пришла сюда вовсе не за тем, чтобы справляться о его здоровье.

– Как знаете. Я только хотела поговорить. Потому что меня тоже кое-что беспокоит. Хилберт вдруг нахмурился. Но всё же махнул рукой в сторону короткого, обитого плотной кожей диванчика, предлагая сесть. Я опустилась на твёрдое сиденье рядом с ним и невольно потянула носом воздух: привлёк запах, что исходил от йонкера. Нет, это не был пот, что странно, а было нечто знакомое и непривычное одновременно. И только в следующий миг вспомнила: так пахла Пустошь, когда я стояла совсем близко к ней. Таким духом она веяла в лицо. Я даже качнулась к йонкеру, чтобы убедиться. Но вовремя остановилась: подумает невесть что.

– Что же вас беспокоит настолько, что вы решили прийти ко мне? – задал он справедливый вопрос.

Наверное, сам предположить не мог, что я заявлюсь к нему вот так – буквально просить помощи.

– Я слышу Пустошь.

Хилберт озадаченно покривил губами. Как будто я говорила ему об этом первый раз. Коротка же память.

– Повторюсь, что это невозможно.

– Но я же не спятила! – В тоне невольно проскользнула лёгкая плаксивость.

Неприятно, знаете ли, что едва не каждое твоё слово воспринимают как хитрость, уловку или обман. Трудно быть искренней, а ещё труднее, когда это не ценят.

– Не спятили, но...

Я схватила его за грудки. Не удержалась. Просто вцепилась в его рубашку и слегка тряхнула. Хилберт осторожно взял мои запястья и попытался оторвать меня от своей одежды.

– Я слышала её там, в карете. И вчера, когда поднималась на башню.

– Вы поднимались на башню?! – Йонкер повысил голос. – Кто вас надоумил?

Его гнев показался странным. Там не стояло стражи, дверь была не заперта, а значит, запрета на то, чтобы туда ходить, ни у кого нет. Так в чём же дело?

– Сама надоумилась. Объяснитесь, мениэр, – потребовала я, выдёргивая руки из его пальцев. – Всё это скверно пахнет, не находите?

– Ключи не могут слышать Пустошь. Её зов слышат только Изгнанные или Проклятые, которые ими ещё не стали. Она тянет их за собой, потому что внутри каждого из них её часть – химера. В Ключах связи с ней вообще нет – они чистые порождения Хельды Светлого. А в обычных Стражах только один из Обликов – этого мало для сильной связи с ней, которая могла бы подавить их собственную волю, – на удивление спокойно и терпеливо разъяснил Хилберт. Он говорил неспешно и неотрывно смотрел в моё лицо, будто при этом успевал обдумывать что-то ещё, а слова изливались из него сами, как заученный урок. И всё это наводило меня на смутное подозрение, что мой рассказ заинтересовал его гораздо сильнее, чем он хотел показать.

– Так откуда во мне могла образоваться связь с Пустошью? – Сдаваться ещё явно было рано. – Я не чувствую себя в безопасности здесь. Не только из-за вашего поведения, – не преминула уколоть. – Я рискую однажды спятить и умчаться в пыльную даль. Не так ли?

Хилберт улыбнулся снисходительно, опустил взгляд на мои сложенные на коленях руки, о чём-то раздумывая.

– Пока точно ответить на ваш вопрос, мейси, я не могу. – Он встал и прошёлся чуть дальше по комнате, а затем вернулся. – Если вам так будет спокойнее, я постараюсь выяснить о ваших странных ощущениях как можно больше. А потом мы что-нибудь предпримем. В зависимости от результата.

– И как долго мне придётся ждать? – Я постаралась не говорить слишком капризно.

Мало ли что. И без того удивительная благожелательность Хилберта сегодня почти что в шок вгоняла. То ли он просто ещё вялый после приступа, то ли и правда пытается успокоить.

Кажется, даже излишне.

– Дайте похоронить отца и решить вопрос с наследством. Мне нужно принять многие дела.

Я опустила голову, немного, но устыдившись. Ведь и правда ему сейчас не до меня. Хотя и это дело казалось важным. Всё ж, раз купили девицу, так будьте добры за неё отвечать!

– Понимаю, извините. – Я тоже встала. – Но прошу и меня тоже понять. Всё это пугает. Я никогда не чувствовала подобное.

Хилберт заложил руки за спину и медленно отвернулся. На его рубашке даже в сумраке комнаты виднелась мокрая полоса от испарины – вдоль позвоночника. Я вмиг вспомнила о том, в каком состоянии застала его только что. И в этом мне почудилась некая связь с моими ощущениями. Только какая? Тут так легко ошибиться. Так легко ступить напрямик в пропасть. Совсем как там, на вершине башни Волнника.

– Хорошо, мейси дер Энтин, я обязательно узнаю что-то, – нехотя ответил йонкер. Короткое, но весомое молчание дало понять, что пора уходить. Лимит терпения Хилберта заметно подходил к концу. Да и я сказала всё, что хотела. И даже получила приемлемую реакцию на свои слова.

Я пошла было к двери, но неосторожно наступила на свой же подол – никогда не привыкну к вечно длинным платьям! – и покачнулась, неумолимо теряя равновесие. Мгновенно Хилберт оказался рядом и поддержал меня под локоть, хоть и стоял только что в отдалении.

– Надеюсь, то, что вы увидели сегодня, останется между нами, – напомнил тихо и низко.

Я поддёрнула подол и, высвободившись, пошла прочь. Только приостановилась у двери, ещё чувствуя на себе взгляд йонкера. Овернулась.

– И ещё: уgomоните свою невесту, мениэр. Мне кажется, она слишком много на себя берёт.

Не дожидаясь хоть какого-то ответа, я ушла.

Через день состоялось величественное погребение Маттейса ван Берга. Раньше мне, к счастью, не приходилось часто бывать на похоронах – только у бабушки в детстве. А потому весь этот размах, с которым провожали в последний путь Главу Стражей, меня немало поразил. И удивил необычностью некоторых ритуалов.

Прибыло много людей из Ривервота и окрестностей, чтобы отдать дань уважения Маттейсу.

Даже антреманн отложил все дела. Его и Ренске тётушка с семейством тоже прикатили – между прочим, одними из первых.

Пришлось столкнуться с ними в огромной столовой за ужином накануне церемонии. И на присутствие в Волннике вроу Мейер мне было бы совсем плевать, если бы не приехавший с матушкой Тейн. А я только начала раздумывать над тем, как бы с ним снова увидеться – и пока что все варианты выглядели один подозрительнее другого. А тут такая удача. Не было бы счастья, что называется...

Я уселась за стол по левую руку от Хилберта, который не мог обделит вниманием важных гостей, и напротив Тейна. Под щебетание вроу Леоны, а иногда под её мученические вздохи о том, что в Волннике «дышится как-то тяжело», я только и успевала уплетать свой ужин, особо не разглагольствуя: ведь не просят. Зато не забывала то и дело бросать осторожные взгляды на аарда Мейера-младшего, присматриваясь к нему – и тот отвечал с заметной страстью и нетерпением. Можно было только догадываться, какие вопросы сейчас крутились в его голове и как сильно он хотел узнать, почему я не пришла тогда на встречу. И мне крайне необходимо было поддержать в нём этот пыл. Даже разжечь сильнее – а потому, делая вид, что внимательно слушаю рассказ аарда Мейера-старшего о том, что король Саллийский наверняка скоро поднимет пошлины на ввоз товаров из южного Грутмодига, я медленно подвинула под столом ногу и коснулась самым носком ступни Тейна. Можно было и ошибиться, пожалуй. Совсем рядом сидел и Хилберт – вот был бы казус. Но, судя по тому, как выпрямилась спина аарда, я попала в цель. Приходилось действовать на свой страх и риск. Ведь какие отношения связывали Паулине и Тейна, я не знала наверняка. Могла только догадываться по короткому обрывку их разговора, который услышала в бреду, и делать хоть какие-то шаги ему навстречу. Слепо, по смутному наитию.

Но только он сейчас казался мне лучом света в этом вечном мраке Волнника, к которому стоило стремиться.

Кажется, никто на лёгкое напряжение молодого аарда внимания не обратил. Мужчины были заняты разговором, женщины – слушали их. Только один раз за весь ужин довелось заметить, как протяжно и внимательно смотрит на меня Ренске. С ней, пожалуй, стоило быть осторожнее. К сожалению, больше с Тейном увидеться не удалось до самого погребения. А там уж собралось множество людей – и вовсе шагу не ступишь без наблюдения. Все спустились из Волнника в долину – пешком. Только тело Маттейса, завёрнутое в белую ткань и накрытое багровым покрывалом с гербом ван Бергов, уложили в открытую повозку, запряжённую крепким меринком. Все пошли рядом с ней, а лошадь за узду повёл Хилберт. Одет он был

сегодня во всё чёрное, как и остальные мужчины. А женщины – наоборот, надели светлые одежды. Здесь белый, оказывается, считался траурным цветом.

Потому я чувствовала себя странно в белом платье на похоронах. И всё ведь понимала, но не могла избавиться от назойливых ассоциаций, которые были привиты мне с детства. Как будто я попала на очень мрачный флешмоб невест. Всю дорогу в голову лезли совсем странные мысли: что в этот самый миг я хороню не только чужого отца и своего жениха, пусть он был им совсем недолго, но и прошлую жизнь, в которой должна была выйти замуж, «как все». Не судьба. До положенного алтаря мне придётся ещё добратся и побороться за право на спокойную жизнь. После спуска процессия повернула по боковой дороге вдоль горной стены – там, у подножия холма, оказывается, стояла огромная каменная чаша, гладко вытесанная и даже отполированная неизвестно каким образом – при здешнем-то уровне технического развития.

В этой диковинной чаше и сожгли тело Маттейса. Дым от огромного костра поднимался высоко в небо – и где-то там, под тяжёлыми тучами, между которыми, прорвавшись в прорехи, только иногда проглядывало солнце, он развеивался, подхваченный слабым ветром. Показалось, всё обширное пространство вокруг холма заполнило душное марево и запах горящей плоти. Я стояла рядом с Дине, едва удерживаясь от того, чтобы приложить ладонь к носу: до того сильно переворачивалось всё внутри. Даже пришлось пожалеть, что позавтракала – наверное, не стоило.

Полыхающую чашу окружали плотным полуколыцом Стражи Волнника – их оказалось очень много, – но в первых рядах стояли те, кто прибыл сюда с других сторон антрекена, кто знал Маттейса хорошо или хуже – но хотел попрощаться с ним. И, глядя на них, я задавалась вопросом: отчего, имея столько самых разных знакомств, он всё же оказался здесь? Неужто никто не пожелал докопаться до правды – если Паулине его действительно обогнала, – никто не пожелал заступиться, а может, замараться?

Хилберт стоял совсем близко к огню – как только не обжигался? То и дело я возвращалась взглядом к нему, но ни разу не получалось наткнуться на ответный. Иногда, казалось, он шевелил губами – и в эти мгновения Дине рядом со мной всхлипывала, как будто понимала, что он говорит сам себе. Йонкер отошёл только тогда, как пламя начало опадать. Протолкнувшись мимо всех, кто хотел его остановить, чтобы высказать слова соболезнования, он просто пошёл обратно к замку.

Дине с тихим подвыванием закрыла лицо руками, и я качнулась к ней – обнять. Девушка ткнулась в моё плечо доверчиво, позволяя гладить её по спине и бормотать монотонно успокаивающие, но ничего по сути не значащие слова. И люди смотрели на нас почему-то осуждающе. Никто больше не причитал и не плакал, даже не смахивал слезу украдкой. Как будто выражать таким образом скорбь считалось здесь зазорным.

После того как часть праха Маттейса развеяли над долиной, вся процессия двинулась назад к Волннику. Другую часть праха должны были оставить в замке, в особом зале, где хранились останки всех глав Ордена до него – за многие сотни лет. И немного не по себе стало от мысли, что где-то под этой громадой находится ещё и своеобразное кладбище.

По пути мне удалось отделиться от Дине и понемногу приблизиться к семейству Мейеров. Тейн шёл позади неспешно поднимающихся в гору родителей и морщился от тихого ворчания матушки.

– Думаю, нам нужно встретиться сегодня, – проговорила я, не приближаясь к нему вплотную и глядя перед собой.

Сказав, слегка спрятала лицо краем платка, что укрывал мои волосы до самого пояса.

– Я рад, что вы пожелали, – тоже не глядя в мою сторону, ответил Тейн. – Сегодня во время поминального пира я отлучусь. Через некоторое время найдите способ уйти тоже.

Направляйтесь в свою комнату, а я перехвачу вас по дороге.

Осталось только кивнуть и отпустить его вперёд. В груди жаром понеслось волнение, будто я собиралась увести парня у подруги. Каждый шаг – риск. Каждый день промедления – та ещё пытка. Придётся пойти на это. Нужно узнать, могу ли рассчитывать на помощь воздыхателя Паулине.

Гости, совсем уставшие от долгих, но необходимых хождений в долину и обратно, резво направились в большой зал, где уже давно расставили столы на всех – оставив при этом обширную площадку между ними. Во главе их, на небольшом возвышении стояло кресло с высокой резной спинкой, в очертаниях которой легко угадывался Волнник. Поначалу оно

пустовало, но пока люди рассаживались по своим местам, в зал вышел Хилберт и сел в него, будто уже являлся Главой Стражей. Но, как я поняла, подобная привилегия полагалась ему просто как старшему рода ван Бергов. Наконец все разместились, и только тогда я поняла, что обычных скорбных поминок здесь не будет. Мало того что на столах оказалось полно еды, так ещё и заиграла музыка, когда все принялись за поминальную трапезу. Она звучала из дальнего угла комнаты, я даже вытянула шею, чтобы рассмотреть музыкантов лучше: они играли на неких длинных дудочках, на диковинных инструментах, похожих на волынки, только с более приятным и мягким звучанием. А ещё на чём-то, что напоминало лиры – их переливы гармонично дополняли вполне стройную и успокаивающую мелодию. И хорошо, что так, потому как мне уже начало казаться, будто в Волнпике слышатся лишь шаги Стражей и их голоса.

Сколько я наблюдала за гостями, никто будто бы не грустил. Они оживлённо разговаривали, смеялись даже, без стеснения закусывая напитки жареным на углях мясом и странноватой на вид кашей из обыкновенного и привычного мне риса с вкраплением чего-то, что по вкусу и виду напоминало горох, но было всё же не им.

Скоро слуги вынесли пироги с рыбой и овощами, а на площадке, которая всё время так и притягивала взгляд, вдруг завязались схватки Стражей между собой. На кулаках и с оружием, очень эффектные и яростные. Слышала я, что раньше даже в моём мире такими показательными боями воздавали почтение умершему воину. Видно, и тут люди рассуждали похоже.

Я так увлеклась наблюдением за захватывающими и, чего уж там, красивыми поединками, что едва не позабыла о главной цели, которую поставила перед собой на сегодня. Только удалось отыскать взглядом среди гостей Тейна Мейера – и он с готовностью ответил на него, подтверждая желание и дальше следовать тому плану, который мы кратко успели обозначить по дороге из долины в Волнпик.

Он встал и, что-то сказав матери и отцу, которые сидели рядом с ним, неспешно и с достоинством вышел из зала. Судя по всему, никто на его отлучку внимания не обратил. Все шумели: кто раззадоривая поединщиков на площадке, кто пытаясь в разговоре с соседом перекричать весь этот гул. Голова понемногу начинала трещать от таких буйных поминок и уйти отсюда хотелось всё сильнее. Но часто на меня обращался взгляд Хилберта, который будто бы приказывал оставаться на месте. Следила за мной и Дине, но скорее с целью прервать возможные стычки с кем-то из гостей, некоторые из коих посматривали в мою сторону совсем не добро. Видно, находились те, кто всё же считал меня виновной в смерти Маттейса.

Оттягивать миг стало уже больше некуда. Я только дождалась, как ко мне подойдёт служанка, чтобы поставить на стол очередной кувшин с местным горячительным напитком, похожим на банальное пиво – и сильно толкнула её локтем: чтобы наверняка. Девушка вскрикнула тихо – кувшин в её руке качнулся, и прохладное пойло щедро плеснуло мне на грудь и плечо.

Я вскочила, встряхивая руками и оглядывая свое испорченное желтоватыми разводами платье. Первым в меня вцепился взгляд Хилберта, а за ним – взгляды всех, кто сидел поблизости.

– Простите! – запричитала служанка. – Не знаю, как так вышло. Я помогу...

– Нет, спасибо, – оборвала её я. – Я схожу переоденусь. И вернусь. Мне поможет моя служанка.

Сказала я это довольно громко: чтобы услышала хотя бы Дине. Йонкери мешать мне не стала, не стал вмешиваться и Хилберт, только проводил меня пытливым взглядом. А трапеза, показалось, всколыхнулась новой волной шума, проглотив всю неловкость короткого происшествия. Я выдохнула, только покинув зал. Смахивая с кожи оставшиеся капли, пошла к лестнице и наверх, гадая, где именно меня поджидает Тейн.

И как ни готовилась к этому, а всё равно вздрогнула, когда он поймал меня на втором этаже, мимо которого я уже собралась идти дальше к себе.

– Проклятье, – выдохнул он, утаскивая меня куда-то в сторону. – Вы с ума меня сведёте, Паулине. Я извёлся весь в неведении.

Мы скрылись в одной из стенных ниш, где висел огромный пыльный гобелен. Я быстро попыталась придумать, что буду говорить дальше, но закончить мне не позволили.

Мужчина развернул меня к себе лицом, удерживая за плечи – и я обмерла на мгновение. Не предполагала, что когда-нибудь увижу такое, считая, будто подобные выражения только призваны нагнать романтичности – но тёмные глаза Тейна и правда будто полыхали. Конечно, в них просто отражался отсвет факела, что висел чуть дальше по коридору, слабо освещая его, но эффект был ошеломляющий. В первый миг.

– Мне очень трудно уйти из-под надзора, – туманно попыталась оправдаться я, с опаской разглядывая утончённое и озарённое жарким нетерпением лицо Тейна.

Что было между ним и Паулине? Они были любовниками? Или их отношения не успели переступить платоническую грань? Знать бы – тогда проще было бы выстроить своё поведение.

– Я понимаю. – Аард серьёзно кивнул. – Я не думал, что Хилберт поедет вам навстречу по пути из Шадоурика. Поэтому моим людям пришлось уйти, не вмешиваясь. Ещё и эти слангеры.

Откуда они там взялись? Вы не злитесь на меня?

Его ладони скользнули вверх по плечам, по шее и обхватили лицо. Горячие, сухие, будто Тейна сейчас мучила лихорадка. Получается, он хотел помочь Паулине бежать по дороге в Волнпик, а Хилберт и нападение тех чудищ нарушили его планы. Что-то понемногу прояснялось. Но не всё. Катастрофически мало!

– Я не злюсь. – Пришлось ответить хоть что-то. – Но я всё же оказалась здесь. Теперь укрыться гораздо сложнее.

Я подыгрывала совершенно вслепую, полагаясь только на свои смутные ощущения и стараясь не говорить ничего конкретного. Мы с Тейном оба вздрогнули, когда раздался шаг на лестнице, а после застучали по коридору, в котором как раз и прятались. Аард быстро развернул меня и укрыл собой, вжимая в нишу глубже. Его тёмная одежда была явно незаметнее в тени, чем моё белое платье. Его твёрдая грудь часто вздымалась, а волосы касались шеи. А через мгновение губы скользнули по скуле вниз и прижались к моим. Что делать? – рваная мысль опалила мозг. Позволяла ли Паулине ему такое раньше? Или стоит оттолкнуть? Я стиснула его сюртук пальцами где-то в районе живота и чуть надавила, давая понять, что надо бы отстраниться. Но шаги всё приближались, а мужчина всё целовал меня, бесстыдно пользуясь моментом. И руки его сминали талию, а бёдра прижимались к моим так тесно, что я чувствовала жар его паха даже через платье.

Чёрт! Я – бабочка, нанизанная на иглу. И неважно, кто держит её в пальцах: Хилберт или Тейн. За спиной аарда показалась женская фигура в светлом – словно призрак. Я пригляделась, рассеянно отвечая на ставший ещё глубже поцелуй – и едва не замычала: до того ошутимо подпрыгнуло сердце. Мимо ниши шла, не слишком торопясь, Ренске. Она как будто выглядывала нечто интересное впереди. Прислушивалась, заметно вытягивая шею. И что-то подсказывало, что последовала она за мной. Не удивлюсь, если она решила проверить каждый этаж, пока не дойдёт до моих покоев. И если не обнаружит меня там или не встретит по дороге – это станет достоянием неведомо каких людей. Подозрительное исчезновение Паулине неведомо в каком направлении – ещё один гвоздь в крышку гроба её репутации. Но, слава богу, гобелен хорошо скрывал нас с Тейном, и ниша была достаточно глубока, а потому Ренске прошла мимо: значит, время у меня есть, чтобы добежать до лестницы, пока не вернулась. – Мне нужно идти, – шепнула я Тейну, с трудом отлепляясь от его губ. – Надеюсь, у вас есть другой план, как увезти меня отсюда?

Мужчина кивнул, поглаживая большими пальцами мои полыхающие румянцем щёки. Так погано я не чувствовала себя никогда: ведь собиралась использовать его, чтобы при случае вырваться из Волнпика. Сейчас мне казалось, что спокойнее будет вне его стен. Подальше от Хилберта. И рядом с человеком, который хоть мне и не знаком, по сути, а хотя бы любит Паулине и хочет ей помочь.

– Я встречаюсь с вами ещё раз, – едва слышно проговорил он, приближая лицо. – Найду повод. После оглашения завещания. И мы обсудим всё гораздо лучше. Я не брошу вас, Паулине. Не отдам ни ван Бергам, ни кому-то ещё.

Его глаза метались по моему лицу отчаянно, жадно, будто он пытался уловить каждую черту его – до мелочей. И запомнить до следующей встречи.

– Я верю вам, Тейн.

– Скажите, что любите, – пронеслось жаром по губам.

Я едва не вздрогнула. Скажу – и что получится? Стану последней мразью. Но разве мне есть куда деваться в тот миг, как обрела единственного союзника? Хоть и страшно. Чертовски страшно довериться. Чертовски мерзко обманывать.

– Люблю.

Я коротко коснулась его губ своими и выскользнула из ниши. Быстро огляделась и на цыпочках рванула к лестнице.

Глава 7

Смерть отца поставила всё с ног на голову. Хилберт ходил по замку полночи после его погребения, распугивая слуг, которые ещё не ложились по окончании поминального пира, – будто призрак. И, конечно же, никто из них не пытался спросить, в чём причина его бессонницы. Все и так всё знали. Ренске пыталась задержать его в комнате – лаской и уговорами, но он просто не мог усидеть на месте. Всё давило на него: стены, потолок и даже мутный свет Шадова ока, что едва-едва струился сквозь пелену нескончаемых туч. Проклятые тучи, нет им конца и края, всё тянутся, тянутся со стороны Пустоши, будто сам Тёмный бог извергает их из своего рта. Впрочем, Алдрик всегда предполагал, что извергаются они совсем из другого места Шада, но сути это не меняло. Весь Волнпик был пропитан этим смрадным дыханием – почти неощутимым, привычным. Но если задуматься – сразу подступает тошнота. Сколько Хилберт ни жил здесь, а всё равно не мог перестать обращать на него внимание. Особенно заметно это невыносимое амбре становилось после возвращения из дальних краёв антрекена.

Вот и сейчас Хилберт чувствовал, как этот запах пронизывает всё тело извечной угрозой и обещанием, что однажды он заполнит собой многие земли вокруг, а не только замок, что стоял на границе с Пустошью уже несколько сотен лет. Сколько по нему ни ходи, а всё равно его бесконечные переходы выведут к башне, а там и наверх, на площадку, которая утопает в душных облаках так, что порой с неё ничего нельзя увидеть. Но сегодня ночь почти ясная. Почти: тут можно увидеть чистое небо очень редко. Несколько дней: когда кто-нибудь из Стражей принимает в себя силу Знака через обрётённую девушку-Ключ. Отец должен был развеять эту муть на многие зимы вперёд и дать новую жизнь родовой магии, которая угасала год за годом. Он был старшим в древнем роду ван Бергов. Глава Стражей. Теперь, как его не стало, наступят и вовсе смутные времена. Пока новый Глава не примет сильный Ключ и не проведёт через древний ритуал.

Хилберт вышел на верхний ярус башни, уже заранее прикрыв глаза, прежде чем открыть всегда запёртую на щеколду дверь – чтобы не распахивалась бестолково. Он не знал, зачем идёт сюда: как будто в зове Пустоши сегодня можно было услышать что-то новое. Тот доносился то громче, то тише – с дальней стороны широкой полосы безжизненной земли, за которой остались на отрезанных благословенных землях прародители всех, кто жил сейчас в антрекене, – оуды. Наверное, это просто было испытанием, проверкой, может ли он ещё сопротивляться. Хилберт каждый раз взывал к глубинам магии Стражей, что ещё остались в нём – где-то на самом дне души, как вода в почти пустом кубке. И пока побеждал. А если когда-нибудь не удастся – будет ли жалеть?

Но и сегодня он не услышал ничего, кроме того же вынимающего душу гула. Если прислушаться – можно было разобрать отдельные голоса, что говорили на незнакомом языке. Они обещали что-то: то ли смерть, то ли вечную мудрость.

Хилберт прошёл по площадке чуть дальше, едва борясь с желанием развести руками в стороны этот клубящийся туман вокруг – да всё равно бесполезно. И тут увидел вдалеке, у парапета, стройную девичью фигурку в белом платье: таком, в каких были сегодня все женщины на погребении. Ещё несколько шагов – и он узнал Паулине: по длинным тёмным, будто чернильные нити в воде, волосам, по гордо, даже упрямо выпрямленной спине, по плавному изгибу плеч. Её невозможно было не узнать. Только что она делала здесь в такой час? Неужели и её сюда вновь привёл зов? Получается, она не лгала? Не пыталась надавить на жалость и приблизиться только для того, чтобы после ударить больней...

– Мейси дер Энтин! – окликнул её Хилберт, медленно приближаясь.

Если она сейчас под властью зова, лучше не пугать, не подходить резко. Но девушка как будто не слышала. Она так и осталась недвижимой, только ветер, неугомонный, никогда не спящий, трепал тонкие чёрные пряди за её спиной, закручивая спиралями и путая. Но вдруг аарди опёрлась ладонями на парапет сильнее. И в мгновение ока легко вскочила на него. Будто взлетела. Хилберт бросился к ней, холодея от испуга и неожиданности.

– Стойте, мейси!

Он лишь успел дотронуться кончиками пальцев до взметнувшегося подола – и девушка, слегка оттолкнувшись, рухнула вниз. Сердце подброшенным камнем застряло в горле. В глазах потемнело, а зов загромычал в ушах, ликуя и заставляя содрогаться всё внутри от жуткого хохота. Хилберт упал животом на каменное ограждение, свешиваясь вниз, пытаясь увидеть хоть что-то ещё сквозь пыльную муть. Но светлая фигурка потонула в ней мгновенно. Словно унесённое ветром перо.

Не может быть – голосил рассудок. Такого просто быть не может. Чтобы Паулине решила покончить с собой. Тем более так. Но разве подобная смерть её матери и тот кинжал в её руке, которым она себя ранила, не доказательство, что такое всё же могло случиться? Здесь, в Волнишке, могло произойти что угодно.

Если это шутка воспалённого воображения, обман Пустоши, которая любит жестокие игры, то Паулине сейчас в своей комнате. Хилберт оттолкнулся ладонями от парапета и метнулся обратно в замок. Неведомо как не сломав по дороге шею, сбежал по лестнице, ударяясь плечами то в одну стену, то в другую. И всё твердил про себя, что этого не могло случиться. Он едва не кубарем вывалился на ярус башни, где жили Дине и Паулине, без стука ворвался в комнату аарди и встал у порога, озираясь. Было темно, как у гарга в заднице. Даже светлая постель виднелась сквозь мрак едва-едва.

– Паулине! – гаркнул Хилберт.

Тихий испуганный вздох раздался в тишине покоев. Шорох, шевеление на постели. Девушка быстро зажгла свечу на столике рядом с кроватью и уставилась на него, подняв от подушки слегка взлохмаченную голову.

– Вы с ума сошли, мениэр? – Вялым жестом она потёрла глаза, хмурясь.

Да, он почти сошёл с ума... От сердца отлегло. Всё же подлянка от Пустоши. Но сейчас Хилберт не тревожился за своё душевное здоровье: гораздо больше его беспокоила мысль о том, что увиденное под действием зова могло случиться на самом деле. Могло – в любой день. Когда Паулине просто не сумеет побороть голос Пустоши. Ведь она не живёт с этим с самой юности, а значит, не привыкла. И пусть она – Ключ Воли, которому многое по плечу, Пустошь ломала даже самых сильных.

– Всё в порядке. – Хилберт махнул рукой и повернулся было уходить.

Но девушка вскочила с постели. Пробежала через комнату, тихо шлёпая босыми ногами по полу.

– Пойдите! – остановила у самой двери, схватив за локоть. Хилберт высвободился резким движением и оглянулся. – Почему вы пришли?

Она смотрела на него снизу вверх, замерев в напряжённой позе, будто каждый миг готова была снова ухватиться за него, если он надумает уходить – и потребовать ответа. И в глазах её, тёмных, будто лесные ягоды, стояло такое необычное волнение, будто она часто думала о том, что происходит с ним, и каждый раз находила подтверждение своим тревогам. Вдруг захотелось пригладить распушившиеся вокруг её головы пряди: эта неправильность в её всегда безупречном облике вызвала какие-то неправильные ощущения. Желание... защитить?

– Просто дурной сон, – бросил Хилберт. – Сам не знаю, что на меня нашло.

Он всё же дёрнул ручку двери и вышел.

Направился теперь в свою комнату, раздумывая над толкнувшим его в комнату аарди порывом, который в глазах Паулине, наверное, выглядел крайне странно. Что ни день, то неприятный сюрприз. Возможно, доведётся услышать хоть одну благую весть, когда душеприказчик будет оглашать завещание отца? Не то чтобы Хилберт ждал чего-то удивительного: всё было решено давно, отец не держал в секрете свои планы на случай, если придёт время ему уходить на другой берег Туманной Реки. Но всё же не зря Маттейс звал душеприказчика незадолго до смерти, а значит, сюрпризам всё же быть. И предчувствие вопило, что не самым приятным. Да и сюрпризам ли?

Добрался Хилберт до своих покоев совершенно измотанный, но в то же время взбудораженный всем, что случилось. И как ни крути, а снова всему причиной Паулине. Заклятая невеста отца, за право обладать которой, за то, чтобы заткнуть ей рот собственной гордостью, он отсыпал немало золота долговой конторе. Выкупил её поместье, которое, не иначе, скоро развалится. Уберёт её от участи лота на осеннем аукционе. И пусть бы она стояла среди опустившихся женщин и девок, которые обладают хоть какими-то крупными Знаками – ржавые Ключи, от которых толк есть только Стражам самых нижних рангов. На которых даже не женятся. Но

Маттейс помнил о Паулине с того дня, как узнал, что в день восемнадцатилетия в ней открылся очень редкий дар Знака – Воля. А значит, тот, кто будет им обладать, обретёт силу едва не большую, чем раньше.

Но теперь снова возникла опасность потерять её. Если не от зова Пустоши, так от желания других мужчин обладать ей. Несмотря на все затраты, даже антреманн Феддрик ван Стин, если надавит на свои связи, сумеет выцарапать Паулине из Волнпика. Это, надо сказать, не слишком сложное дело теперь, без влияния отца и её статуса невесты. Нетрудно догадаться, что ему она тоже окажется полезной.

Хилберт сидел ещё немного за кружкой волрейна – ничего крепкого пить не хотелось. Он и так часто рисковал потерять контроль над самим собой, поддаться тому, что рвалось наружу, а особенно сильно здесь, в Волнпике. Хмельное только ослабит волю.

Медленно обводя взглядом комнату, он вспомнил вдруг, как в своё время здесь оказалась Паулине – тоже совершенно неожиданно, в самый неподходящий момент. Она уже не раз стала свидетельницей его слабости – вот и сегодня тоже. И это вовсе не радовало. Но в тот раз девушка показалась ему другой, не такой, какой была в Шадоурике. В её глазах было столько смятения и страха, что невольно хотелось узнать истинную причину его. Значит, нужно узнать. Скоро Хилберт всё же лёг спать. Надо приходиться в себя после смерти отца. Впереди ещё много забот.

Наутро он приказал повесить замок на дверь, что выводила на верхнюю площадку башни: так ему хоть немного, но станет спокойнее. А через два дня после погребения приехал душеприказчик.

На чтении завещания, кроме Хилберта и Дине, был резон находиться только старшей сестре Маттейса – вроу Тессе Люверик. Наверное, поэтому она так резво примчалась на церемонию и всё шарила, шарила взглядом по замку, где бы ни появилась, будто уже примерялась к нему. Но Волнпик не принадлежит никому. Он – символ Ордена. Не слишком-то добрый.

Тётка всегда была женщиной бережливой и в то же время жадной. Хилберт был ещё совсем мал в те времена, но наслушался вдоволь историй о том, как она пыталась откусить кусок пожирнее от того наследства, что осталось им с Маттейсом от их отца. Но, к её сожалению, она на тот момент была уже замужем, поэтому дед не отписал ей слишком много имущества, посчитав, что шкатулки с матушкиными драгоценностями окажется достаточно.

Неизвестно, на что она рассчитывала сегодня. Неужто держала отца за простачка широкой души? Тогда она слишком плохо его знала.

По приезде душеприказчик разместился в кабинете отца и пригласил туда наследников. Все неспешно расселись по высоким креслам. Мениэр Геррит Эйк, встав по другую сторону длинного стола, смотрел на всех строго и терпеливо. Внимательно обводил взглядом лица, словно видел их впервые, а особенно задержался на Хилберте. Впрочем, неудивительно. Теперь в Волнпике на него смотрели со всех сторон. Дальние родственники и знакомые, которых он не видел месяцами, потому что те даже не хотели осквернять себя заботой показаться в этом замке лишним раз. Только по особому приглашению. Да и то приходилось порой уговаривать, потому как у них сразу находились дела.

Тётка Тесса тихо переговаривалась с Дине о чём-то. И лицо у неё было настолько благожелательное, что даже приторно становилось. Думается, она приветлива ровно до того мига, как душеприказчик огласит волю отца. Потому как, насколько Хилберт знал, тот не оставил ей почти ничего. Только полуразвалившийся сарай посреди клочка земли где-то на западной оконечности антрекена. Там даже дом не поставишь. Остальные надель в той стороне он давно уж распродал, когда были самые тяжёлые времена после начала опалы. Тогда пришлось спешно избавляться от некоторых земель, чтобы антреманн не забрал их в пользу Короны. А сейчас тот бестолковый носовой платок с одной хозяйственной постройкой вовсе никому не нужен. Даже Феддрику ван Стину.

Последней пришла Паулине, и все тут же забыли друг о друге. Небывалое дело: на чтении завещания присутствует даже не жена умершего, а невеста. К тому же та, у которой репутация в семье ван Бергов сродни репутации последней потаскухи.

Но аарди вела себя совершенно спокойно. Её непривычно колкий взгляд мельком пробежался по присутствующим и остановился на душеприказчике. Она кивнула ему вежливо и села в последнее свободное кресло рядом с Дине. Сестрица сразу же что-то сказала ей и ободряюще пожала запястье. Вот уж подумать нельзя было, что отнесётся настолько благосклонно к

будущей, но так и не состоявшейся жене отца. Но в этом была некая закономерность: сестра всегда была немного не от мира сего. Рядом с Пустошью она полностью погружалась в живопись. Иногда приходилось напоминать ей о том, чтобы она поела или легла спать.

– Я не волнуюсь, – донеслись до слуха тихие слова Паулине.

И даже любопытно становилось, что она чувствует сейчас. О чём думает, оказавшись почти в безвыходном положении? Ведь нельзя было питать даже самых слабых надежд на то, что она вдруг искренне захочет выйти замуж за отца. После всего, что было раньше. После того, как вспылала к нему страшной неприязнью, лишь он вошёл в дом её матери и пожелал взять ту в жёны. Хитрая, изворотливая дрянь – такой она была в юности. И сейчас вряд ли что-то поменялось. Хотя стороннему человеку могло показаться, что она ведёт себя достойно и чаще всего невозмутимо. Но Хилберт понимал, что за этим внешним прикрытием может скрываться тот ещё змеиный клубок. И всё, что случилось, начиная с гибели сопровождения Паулине – вовсе не роковое стечение обстоятельств.

Видно, почувствовав невольный взгляд Хилберта, девушка обернулась через плечо. По надменному изгибу её губ пронеслось выражение усталой неприязни, а в глазах застыло лёгкое удивление. Наверное, она ещё вспоминала его недавний ночной визит. А теперь, похоже, не знала, чего ей ждать. Да и никто пока не знал точно.

– Ну что ж, – сдержанно возвестил мениэр Эйк. – Раз все собрались, то приступим.

Хилберт отчего-то с трудом оторвал взгляд от Паулине, когда она отвернулась. Душеприказчик открыл папку из кожи хагедиса, которой не будет сносу ещё сто лет, и поднял первый хрустящий листок, исписанный скупым конторским почерком. Он мгновение ещё поразмыслил над чем-то, а затем начал читать последнюю волю отца.

Его голос звучал монотонно, так, что хотелось закрыть глаза и вздремнуть, потому что пока ничего нового Хилберт не слышал. Всё это они много раз обсуждали с Маттейсом. И он прекрасно осознавал всю ответственность, что сейчас падала на него тяжёлым валуном. За поместье Стормастайг, что стояло в благополучной стороне антрекена на берегу горной реки и за которым надлежало всегда ухаживать. За мельницы в окраинном Рустиге, что откачивали воду с затопленных земель недалеко от Бурового моря. Они достались Маттейсу от отца, а тому – от его отца и дальше. Традиция эта – по-другому уже и не назовёшь – владеть мельницами вдоль полосы топей – была ещё одним бременем семьи ван Бергов, которую те несли наряду с родовыми способностями Стражей. Дине досталось небольшое уютное поместье среди пышных виноградников Южного антрекена – самого благословенного во всём королевстве. Раньше оно принадлежало их бабушке по отцовской линии. И это решение Маттейса тоже было справедливым: Дине заслуживала тихое место для себя, где сможет жить так, как захочет. И когда пожелает покинуть Волнник. Может, со смертью отца она станет задумываться о том чаще?

Хилберт, совсем убаюканный спокойным голосом мениэра Эйка, вяло хлопал глазами, ловя на себе его недовольные взгляды. Будто нерадивый ученик в приходской школе.

– И последнее дополнение, которое мениэр ван Берг-старший внёс в своё посмертное волеизъявление... – Мужчина помолчал, пожевал губами, пробегаясь взглядом по нижним строкам листа.

Он посмотрел исподлобья на Паулине – и у той даже спина выпрямилась, словно её продуло. Она скомкала пальцами подол простого бордового платья и задышала заметно чаще. А у Хилберта и вовсе нехорошо ёкнуло в груди, когда после девушки душеприказчик снова взглянул на него. Так и знал ведь...

– Да что там уже, не тяните! – плаксиво возмутилась тётушка Тесса.

Ей, как и предполагалось, достался только жалкий огрызок от того, что она могла бы получить, если бы уделяла брату больше внимания и не называла его за глаза похотливым кобелём, который совратил юную аарди Эдит дер Энтин. Хоть ему в лицо она и говорила, что не верит в его вину.

– «Мой сын, потомственный йонкер Хилберт ван Берг, – начал зачитывать душеприказчик, – обязуется взять в жёны аарди Паулине дер Энтин и возродить огонь родовой магии Стражей. В противном случае он лишается всего оставленного ему имущества. Все погашенные долговые расписки аарди дер Энтин и свидетельство о собственности на родовое поместье в Шадоурике, накладывающие на неё обязательства стать женой Хилберта ван Берга, я оставляю в его владение и под его ответственность».

– Да вы все спятили! – сдавленно выдохнула Паулине. Будто не ожидала чего-то подобного. Дине попыталась остановить её, но девушка всё же встала со своего места и гневно обернулась на Хилберта, который ещё пытался уложить в голове волю отца. Жестокую волю, но вполне ожидаемую. Маттейс прекрасно знал, что сын собирается жениться на другой. Что он связан помолвкой и обещанием, скреплённым перед многими людьми. Но и знал тоже, что у рода ван Бергов другого выхода теперь нет. И чем дольше билось негодование в груди Хилберта, тем больше остывало и превращалось в обречённое понимание: а разве он надеялся на что-то другое? Оставшись старшим в роду ван Бергов мужчиной? Ведь больше взяться за возрождение родовой магии некому. Хоть разбей сейчас голову о каменную стену – только хуже станет.

– Сядьте, мейси, – резковато велел душеприказчик Паулине. – Вы сами прекрасно понимаете, что потеряли свободное положение в тот момент, как мениэр ван Берг выкупил вас до аукциона. Все расписки только подтверждают это. Пусть никто это так не называл, сохраняя вашу репутацию и статус аарди. Но по сути...

– По сути вы передаёте меня из рук в руки, как кубок. – Она снова сбросила руку Дине со своего запястья.

– А какой участи вы ожидали? – совершенно справедливо уточнил мениэр Эйк. – После всего, на что согласились в разговорах с будущим мужем? Что вас отпустят восвояси? Вы и есть кубок, если вам так угодно.

Что ж, душеприказчик и давний друг отца никогда не отличался особой деликатностью.

– Золотой кубок, – мрачно добавил Хилберт, давая яростное дыхание в груди.

Снова эти игры Паулине в святую наивность. Она не меняется!

– А вы и рады. – Аарди снова посмотрела на него.

И вдруг погасла. Будто свеча от сквозняка: раз, и огонь потух, оставив только ниточку дыма над остывающим фитилем. Наверное, она всё же представляла, что её ждёт. Но и надеялась тоже, что судьба её решится как-то по-другому. Да, к сожалению, по-другому нельзя. Паулине вдруг обошла кресло и покинула душноватый кабинет, в котором будто бы комком свалявшейся шерсти скопились напряжение и неприязнь. Хилберт подумал мгновение, а потом тоже поднялся и поспешил за ней. Успел догнать ещё в конце коридора и ухватил за локоть, останавливая.

– Что вы себе думаете? – встряхнул Паулине, взяв за плечи. – Что мне доставляет радость мучить вас? Доставляет удовлетворение мысль о том, что теперь вы будете висеть на моей шее? Да радуйтесь, что...

– Да уж радости столько, как бы унести! – Аарди скривила губы, и показалось, что сейчас плюнет ему в лицо. – Видеть постоянно вашу кислую рожу. Сидеть в этом затхлом каменном мешке. Я... – Она вдруг осеклась. – Я домой хочу. Мой дом не здесь. Не в этом... Да вы не поймёте никогда!

Она снова замолчала и дёрнулась, пытаясь высвободиться. Её глаза налились влажным ужасом – того и гляди расплечется. И как ни не склонен был Хилберт верить её фальшивым причитаниям, а вдруг – поверил. Что ей сейчас так же паршиво, как и ему. Что она ровно так же не желает видеть его в качестве своего супруга. Что странно, если вспомнить, что именно об этом она мечтала несколько лет назад. И во взоре её залегло что-то ещё, какая-то отчуждённость, инаковость – будто всё, что сейчас происходило, не укладывалось у неё в голове.

– Ваш дом пуст. Земли распроданы, – сказал Хилберт уже спокойнее и вдруг погладил ладонями её плечи, хрупкие, подрагивающие от скорых рыданий. – Вам, по сути, некуда возвращаться. Пока. Но, может, со временем мне удастся восстановить ваше поместье. Хотя я не могу ничего обещать.

– И правильно. Не стоит. – Девушка горько усмехнулась. – Всё может оказаться не так, как вам думалось.

Она дёргано отстранилась и ушла в женскую часть замка, больше ничего не сказав. Хилберт постоял ещё немного, глядя ей вслеп. С ней всегда было тяжело – с самых юных пор. Тяжело было говорить, отбиваясь от злых колкостей, за которыми она прятала влюблённость, и пытаясь уколоть в ответ. Тяжело было находиться рядом, когда бурлит кровь в теле, требующем женской ласки, – а она смотрит так, будто зовёт и в то же время заранее отталкивает. С пятнадцати лет Паулине дер Энтин уже сводила с ума мужчин. Хотела завладеть и разумом Хилберта, но он сопротивлялся. Потому что чувствовал в ней смутную угрозу. Опасность.

И та подтвердилась, когда вместе со своей сестрой Паулине жестоко оклеветала отца, обвинив в изнасиловании. И ей поверили. Поверили Эдит, которая признала себя жертвой. Все поверили в слёзы девушек, в их страх и боль – и Маттейс попал в большую опалу, которая продолжалась до сих пор. Ему почти удалось восстановить доброе имя. Сохранить часть имущества – и он сделал всё, чтобы разорить её род и подчинить себе ту, которая отравила его жизнь.

И сейчас Хилберт корил себя за то, что на короткий миг, но поддался её жалостливому виду, её такой натуральной обиде. Но чем дольше стоял один, тем яснее осознавал свою ошибку. Пусть мучается. Она это заслужила. Да только ему-то это наказание за что?

Хилберт не стал возвращаться в кабинет, где ещё оставались сестра с тёткой. Он отправился к себе и почти не удивился, когда через полчаса к нему едва не ворвалась Ренске. Если с Дине они не слишком-то ладили, то с сестрой отца, как бы мало с ней ни встречались, часто находили общий язык. Мейси ван Стин в большинстве случаев привлекала к себе всех и легко входила в доверие. Видно, тётка Тесса ей обо всём и рассказала.

Девушка распахнула дверь настежь и влетела алым всполохом шёлкового платья. Хотя на улице совсем не лето, а в Волнпике всегда чуть промозгло, она не одевалась тепло, как будто её грел жар собственной неугомонной души. Ренске едва не всю комнату окутала запахом редких ламасских роз ещё издали. Взбудоражила видом чуть оголённых плеч.

– И ты согласишься? – возмутилась звонко – даже в ушах зазвенело. – Одно дело, когда твой отец женился бы на ней, а другое...

Она остановилась у двери, словно сама опасалась, что приблизится и случится какая-то катастрофа.

– Мне придётся. – Хилберт сразу оборвал все дальнейшие возмущения Ренске.

– Твой отец был не в себе... – Девушка слегка поостыла.

Подошла спокойнее и села напротив по другую сторону стола, за которым Хилберт перечитывал документы по долговым обязательствам семейства дер Энтин.

– Мой отец был слишком в себе. Он даже успел всё устроить перед своей смертью. Да, его не волновали мои предпочтения. Но он прав. Интересы Ордена, а значит, и всего антрекена, а там и королевства, важнее моих личных забот.

– Забот? – Верхняя губа Ренске чуть приподнялась от негодования. – Значит, я и наша сорванная свадьба – это всего лишь «забота»?

Её голос взвился на высокие ноты.

– Не начинай, я прошу тебя. Ты же не глупа, Ренске. – Хилберт встал резко, будто стул под ним загорелся.

– Если тебя так волнует судьба Ордена, то отдай Паулине моему брату. Он предлагал моему отцу хорошую сумму за неё. В Ордене найдутся сильные Стражи, которым её способности будут полезны.

– И этот Страж займёт моё место Главы? – Хилберт усмехнулся, поглядывая на девушку искоса. – То, которое моё по праву наследования? Я, кажется, ещё жив.

Слова Ренске кольнули неприятно. Как будто он сам не понимал, что родовая магия ван Бергов давно угасает. Что он не обладает даже половиной тех способностей, которые были у его деда, и недотягивает даже до тех, что были у отца. А значит, это даёт надежды многим амбициозным аристократам занять его место. Потеснить, убедив Совет, что род ван Бергов больше недостоин хранить мудрость и силу Знака.

– Если ты будешь моим мужем, антреманн никогда не допустит, чтобы кто-то занял твоё место. Ренске тоже встала и подошла. Остановилась близко-близко, заставляя жадно вдыхать её запах. Такой неподходящий молодой девушке, но подходящий именно ей. Привычный, тёплый и будоражащий самые глубины души. С ней невозможно было находиться рядом спокойно, особенно осознавая, что эта девушка готова принадлежать тебе до конца. И лишь строгие нравы, требующие первой близости супругов только после свадьбы, останавливали её от многих безумств. Так казалось. Это Хилберт чувствовал всегда, как касался невесты – а её невозможно было не касаться. Он взял Ренске кончиками пальцев за подбородок и приник к мягким губам. Она раскрылась ему навстречу, схватила за рубашку на груди и потянула к себе. И по горлу её прокатился тихий стон. Сколько раз приходилось сдерживать себя, чтобы не позволить себе лишнего. А она умела – лучше иных опытных женщин – взбалмутить всё внутри, заставить гореть желанием. И этим напоминала Паулине, только более открытую и податливую.

– Хилберт, – шепнула она. – Останься со мной. Отец простит. Он уже на другом берегу. Распустила завязку его ворота и распахнула резким движением. Провела ладонями по открытой коже, едва дотрагиваясь кончиками пальцев до слабых следов шрамов: Геролф залечивает раны хорошо. Хилберт дышал часто, опустив голову, касаясь лбом её гладко причёсанных волос, что блестящим каскадом ниспадали по плечам и спине. В горле становилось тесно от воздуха; ладони, лежащие на талии Ренске, уже покрылись испариной. Он знал, что, если сейчас не отступит, она продолжит – и тогда обоим будет тяжело потом. Но она снова подняла к нему лицо, присела на край стола и приподняла подол, позволяя скользнуть по голым бёдрам руками. – Твоя вся буду. Жду не дожусь, – отрывисто говорила между поцелуями. – Не лишай нас этого.

Он провёл кончиками пальцев по мягкой коже – в горячую глубину между ног, продолжая целовать, сминать разросшимся желанием. Подтолкнул, укладывая спиной на стол и лаская всё быстрее, чтобы услышать скоро стон удовольствия. А сам почти вгрызался в её губы, опалил поцелуями тонкую шею.

– Я не могу, Ренске, – проговорил хрипло, не зная, слышит ли она его сквозь собственные тихие, почти жалобные вскрики.

Девушка выгнулась, сметая руками со стола бумаги. Вздогнула – и на пол полетела чернильница в виде львиной головы. Раскинула колени шире, сминая пальцами задранный почти до пояса подол, который только едва прикрывал верхнюю часть её бёдер и руку Хилберта до запястья. Он уже не целовал невесту, просто глядя в лицо Ренске, на котором отражалась вся глубина наслаждения, что прокатывалось сейчас по её телу отрывистыми волнами. И вдыхал запах роз, переставая верить – на короткий миг, – что всё это происходит с ним.

Она замерла, иссякнув, сжимая ещё бёдрами руку Хилберта, не давая отстраниться.

– Что ты сказал? – спросила, открывая глаза.

Вперилась в него неподвижно, с каждым миготанием теряя туман блаженства в них. Хилберт выпрямился, сжимая влажную, ещё хранящую ощущение её кожи ладонь в кулак.

– Я сказал, что не могу пойти против последней воли отца. Потому что знаю, что он прав. Это мой долг.

– Долг разделить ложе с этой девкой?

Ренске вскочила со стола, одёргивая подол.

– Не говори глупостей! – Хилберт раздражённо завязал ворот. – Ты же понимаешь, зачем выворачиваешь всё наизнанку? Как только свершится ритуал, я отошлю её в другое имение. А там запущу процесс развода.

– Это очень долго! – Теперь Ренске пустила в голос плаксивые нотки.

Она пыталась надавить на него так и эдак – и порой он, признать, терялся, как реагировать на такие выверты.

– Это всё, что я могу сделать.

Девушка фыркнула громко, пригладила встрёпанные волосы и быстрым шагом вышла из комнаты. Хилберт обошёл стол, выругался, когда наступил в лужу чернил на полу. И бессильно сел в кресло. Мало ему проблем. Так теперь ещё и Ренске будет обижаться. А тут два варианта: либо станет сторониться его, либо обрушит на него всю силу женских чар. Оба варианта паршивы по-своему.

Но слишком долго нельзя было размышлять над тем, какими станут отношения с Ренске после женитьбы на Паулине. Дальнейшие дела требовали разрешения и самого вдумчивого участия. На следующий день пришлось собираться в Ривервот: принимать наследство отца и подписывать некоторые документы у антреманна. Думается, Феддрик тоже не будет рад тому, как всё обернулось с его сестрой, но уж тут он точно не может ни на что повлиять. Разве что укорить между делом. Может, даже немного оскорбиться.

Хилберт хотел взять с собой Дине, но та отказалась, сославшись на то, что предпочитает остаться с Паулине – аарди сейчас нужна поддержка. Признаться, слова сестры вызвали немало недоумения: в чём поддерживать её? Какое такое огромное горе у неё приключилось?

– Вот ты не чувствуешь, Хил, – с укором проговорила Дине напоследок, прежде чем выйти из его комнаты. – А я чувствую. Может, потому что тоже женщина или... Не знаю. Но чувствую, что она не такая гадина, как вы с отцом привыкли думать.

Хилберт только вздохнул, провожая сестру взглядом. Как и всегда, её фантазии затмевают разум. Она, похоже, совсем чахнет здесь в одиночестве, хоть и может уехать. А потому сразу же

зацепилась за Паулине, как за возможную подругу. Жаль. Лучше бы она поближе сошлась с Ренске – та больше подходила ей в качестве приятельницы. Да вот только девушки как будто невзлюбили друг друга с первого дня знакомства. Иногда можно было заметить, что они беседуют о чём-то, но это случалось скорее в вынужденных обстоятельствах. А в остальном они совершенно друг к другу не стремились. А тут ты погляди, какая приязнь к Паулине проснулась с первого же дня. Даже покушение на отца, когда многие подозревали в причастности аарди, Дине всё равно не переставала верить в её невиновность и в некую придуманную ею же чистоту души.

Как бы не случилось разочарования.

Пришлось собираться в Ривервот одному. Сегодня погода снова не порадовала ни единым проблеском Ока Хельда. А стоило выйти из-под крыши, как тут же заморосил дождь, обещая, что это надолго. Хилберт взглянул в мрачное небо, не удержав вздоха. Что же поделать... Ради того, чтобы над Волнником снова развеялись тучи, наверное, стоит жениться на девице, которая ничего, кроме раздражения, не вызывает. А там и правда помалу скинуть её с плеч, как неудобную одежду.

А вот в Ривервоте оказалось почти ясно. Лучи светила яркими бликами плясали на спокойной глади канала, вдоль которого плотной разноцветной стеной выстроились вытянутые вверх дома города. Каждый здесь как будто пытался выделиться то причудливой формой ограды балконов, то скульптурами и барельефами на фасадах. А кто просто ярким цветом стен. Но огненно-оранжевый дом антреманна всё равно становился виден ещё издалека, а при въезде на круглую площадь перед ним и вовсе начинал слепить глаза. Особенно не слишком привычные к яркому свету глаза Хилберта.

Неизменный дворецкий, который как будто видел сквозь стены, открыл дверь перед самым носом.

– Добрый день, мениэр ван Берг, – поклонился чопорно.

Вместе они прошли до кабинета Феддрика: тот, как всегда, был поглощён работой. Ренске рассказывала, что иногда он почти не выходил из комнаты с утра до позднего вечера, и слугам приходилось носить ему еду прямо туда. Похвальная увлечённость для того, кто ещё несколько лет назад мечтал скинуть с антрекена власть Короны. Раньше все эти земли были отдельным государством. Небольшим, со сложными земельными условиями, но очень важным для соседей. Они останавливали тварей из Пустоши, не давая им пройти вглубь и достигнуть других королевств. Вкупе с удобными морскими путями это давало право повышать цены на свои товары при продаже их в ближние королевства. И устанавливать солидные пошлины на провоз грузов морем через здешний, самый крупный на побережье порт. А также только здесь можно было раздобыть редкие снадобья из крови и органов существ из Пустоши. Алхимики и лекари давно уж вывели многие их полезные или опасные свойства.

И до сих пор это составляло значительную часть доходов антрекена. И антреманна лично, потому как все сделки должны были проходить через него. Нет, существовал и чёрный рынок, но таких спекулянтов старались отлавливать. Обычно век их был хоть и богат, но недолог.

– Добрый день, Хилберт. – С глазу на глаз антреманн позволял себе простое обращение без условностей. Всё же жених сестры.

Правда, теперь уже, видимо, бывший. Хотелось бы надеяться, что это временно.

– Добрый день.

Он прошёл дальше, озираясь в непривычно светлом кабинете. Днём здесь даже свечей можно было не жечь: хватало света, что падал через большие стеклянные окна. Хилберт бывал здесь не раз, но каждый раз немного удивлялся. И завидовал, чего уж скрывать.

– Надеюсь, вы уладили все дела с наследством Маттейса без трудностей?

Феддрик встал и прошёлся, разминая, видно, уже отсиженные ноги. Расправил плечи, слегка наклоняя голову в одну и другую сторону. Приблизился и протянул руку для пожатия.

– Смотря что назвать трудностями. – Хилберт дёрнул уголок рта. Антреманн приподнял брови, ожидая продолжения. – Но для начала я хочу, чтобы ты подписал все документы, которые требуют твоего одобрения.

Феддрик кивнул и принял из рук толстую непромокаемую папку, отделанную той же гладкой кожей хагедиса. Без интереса он пробежался по первым листкам взглядом и тут же подписал, склонившись над столом – отложил в сторону, чтобы поставить печать после. Дальше тоже просмотрел документы молча, а вот на последних ожидаемо задержался.

– Интересно, – проговорил медленно. – Значит, ты теперь обязан жениться на Паулине дер Энтин, иначе лишаешься львиной доли земель в пользу Ордена?

Он положил листки обратно в папку и, выпрямившись, повернулся к Хилберту. Его лицо заметно заострилось, как у хищной птицы, а глаза потемнели.

– Такова воля отца. Но даже без такого условия я всё равно должен это сделать. Потому что так нужно. Не только Ордену, но и потомкам ван Бергов.

Феддрик покивал, едва сдерживая нехорошую улыбку, что дрожала сейчас на его бледных губах. Он вовсе не дурак, иначе не сохранил бы это место после всего, что о нём говорили при дворе короля. После всего, в чём подозревали: естественно, справедливо. И потому он прекрасно выстроил всю цепочку событий, что следовала за выполнением последней воли Маттейса.

– А как же Ренске? – К его чести, он не стал спрашивать обо всех выгодах, которые мог бы обрести антрекен, оставь Глава Стражей свою невесту на его попечение, – справился сначала о судьбе сестры.

– Мы с Ренске обо всём поговорили. Она должна понимать. – Хилберт пожал плечами. – И ты тоже.

– То есть она остаётся брошенной невестой? – Антреманн нехорошо прищурился, и его острые глаза стали почти совсем чёрными. – Ты подумал о её репутации? И о том, как она будет дальше устраивать свою жизнь? Мне казалось, ты любишь её.

– Я не собираюсь отказываться от неё сейчас. – Хилберт шумно вздохнул, начиная выходить из себя.

– Любовницей своей хочешь сделать? На две койки работать станешь? – Каждое слово Феддрика падало тяжелее предыдущего. Но он вдруг успокоился, его лицо расслабилось. – Кажется, я понимаю твою задумку. Ты хочешь получить нужное и довести до развода потом? Хилберт кивнул, но, кажется, не слишком уверенно. Что-то терзало его неправильностью во всей этой скверной вынужденной ситуации. Не так должна начинаться новая жизнь древнего рода. Совсем не так. Особенно на мрачной оконечности антрекена. Наверное, всё должно начинаться с искренних чувств. С любви, в конце концов – такой, чтобы пробивала тучи, как лезвия лучей Хельдова Ока. Не с обмана и мучения обеих сторон.

– Ты, как всегда, проницателен, – процедил он.

Вышло не слишком обнадеживающе, но Феддрик зацепился за его согласие, как за каменный выступ.

– Я хочу предложить тебе кое-что. – Он обошёл вокруг стола и опустил взгляд на стопку ещё не подписанных бумаг. – После того как род ван Бергов получит от мейси дер Энтин всё, что ему нужно, ты отдашь её мне. За это я обставлю ваш развод так, что никто и словом не осудит. Ещё и приплачу. Возмещу, так сказать, убытки.

– Всех убытков ты, боюсь, не возместишь. – Хилберт покачал головой и пошевелил листки, слушая, как они шуршат. – Но это и неважно. Просто... Зачем тебе? Ты не Страж. Тебе её умения ни к чему. Да и после ритуала они будут связаны со мной и моей кровью. А значит, тем слабее, чем дальше она от меня.

– Понравилась, – фыркнул Феддрик. – Разве это удивительно? Она красива, благородного происхождения. А семью мне заводить всё как-то недосуг.

– Можно подумать, ты не можешь затащить в постель другую девушку.

– А если хочу эту? – Феддрик заложил руки за спину. – Могу я иметь свои слабости? Я давно, так же, как Маттейс, наблюдал за мейси дер Энтин. Но опоздал. Вы оказались пронырливей и прознали о её способностях раньше. Я не стал вставать на пути твоего отца. Но это не значит, что откажусь от возможности приблизить её к себе после того, как она перестанет быть тебе необходима.

– В Ривервоте полно хороших шлюх по более низкой цене. – Отчего-то хотелось упрямитесь, хоть справедливость слов антреманна Хилберт и осознавал.

Но это было сродни чувству, когда, обретя что-то вымученно, потеряв всё удовольствие от приобретения в процессе, всё равно уже не хочешь с ним расставаться. Потому что трудозатраты, мать их, не восполнятся никаким золотом.

– Так мне нужна не шлюха. – Антреманн задумчиво глянул в окно.

– Я подумаю над твоими словами.

– Я хочу, чтобы ты ответил сейчас! Иначе, прости, не смогу сдерживать бурю негодования, которая поднимется после того, как ты бросишь Ренске. – Феддрик сочувственно развёл руками. Показательно фальшиво. – А сам знаешь, чем это может грозить. На примере своего отца знаешь.

– Я подумаю, – повторил Хилберт. – Подписывай бумаги, и закончим с пустыми пререканиями. Антреманн хмыкнул тихо и вновь повернулся к столу. Взялся за перо с золотым наконечником, повертел его в пальцах, нарочно растягивая время, чтобы аж внутри всё зазвенело от напряжения. Хоть Хилберт и знал, что деваться ему некуда – подпишет.

– Ван Бергам надо было идти в торгоши, а не в Стражи. Вы добились бы больших успехов, – почти весело проговорил он и поставил росчерк, показалось, чуть раздражённо.

Глава 8

Всё это никак не хотело укладываться в голове. Меня передали в наследство, как какую-то вещь. И моего мнения никто не спрашивал. Ничуть не радовало то, что мой будущий муж теперь гораздо моложе – при таких обстоятельствах это вообще не имело никакого значения. Мне не хотелось видеть Хилберта. Вообще никого не хотелось видеть. Если вчера я ещё держалась, то сегодня после завтрака просто заперлась в комнате, не пустив даже Лауру, которая стояла под дверью долго, наверное, больше часа, и причитала сначала отчётливо, умоляя открыть, а после всё более неразборчиво, почти завывая на одной ноте и сводя меня с ума. Так собачка скулит, когда её долго не пускают справить природную нужду. А я сидела на твёрдой банкетке у резного тяжеловесного трюмо и просто смотрела на своё отражение. Я ненавидела эту девицу, которая пялилась на меня в ответ с другой стороны зеркала. Стерва! Испоганила себе и другим жизнь – да и увистала. Меня точно не спросила, хочу ли оказаться на её месте, смогу ли вытащить всё, что на меня свалилось, и не надорваться. Лаура наконец замолчала. Но тихо было недолго, потому что скоро в дверь снова постучали: на этот раз более решительно.

– Мейси дер Энтин, откройте, пожалуйста! – Звонкий оклик Дине резанул по ушам, ослепил даже, словно после темноты я вдруг вышла на яркий свет.

– Я хочу побыть одна, – повысила голос и отвернулась от зеркала.

Видеть не хочу это лицо. Хотя бы какое-то время. Оно не моё и моим никогда не станет. Ещё отстали бы все... Но йонкери, похоже, моим отказом не удовлетворилась.

– Откройте, мейси. Нужно поговорить.

И о чём, интересно? О моей дальнейшей счастливой жизни рядом с человеком, которого я знать не знаю и дальше знать не хочу? Который терпеть меня не может, наверное, его даже тошнит от моего вида. А значит, это всегда будет выплёскиваться, как бы он ни сдерживался. И отравлять его существование – тоже. А может, он и вовсе захочет как-то от меня избавиться: знатному человеку с такими связями, когда он преспокойно ездит на чай к антреманну, ничего не стоит сделать так, чтобы меня вдруг не стало.

А значит, что? Значит, мне нужны друзья.

Эти витиеватые размышления и подтолкнули меня всё же встать и открыть дверь Дине.

Йонкери тут же оглядела меня с головы до ног внимательно, будто подумала, что я могу навредить себе. В общем-то, это было бы, наверное, в характере бывшей Паулине. Я же себе вредить не собиралась – я хочу вернуться домой. А без этого тела мне никак не справиться.

– Вы меня напугали, если честно, – с укором проговорила девушка, проходя дальше.

За ней было сунулась вроу Фенна, её то ли нянька, то ли компаньонка, но йонкери махнула рукой, показывая, что присутствие той сейчас не понадобится – и строгая немногословная женщина, недовольно покривив губы, молча ушла.

– Это очень странно, Дине. Я же могу звать вас просто по имени? – Если честно, все эти тяжеловесные титулы надоели мне до зубовного скрежета. Язык сломаешь, пока обратишься к кому-нибудь.

Йонкери призадумалась: похоже, с этим здесь было строго. Но, в конце концов, мы скоро должны были стать кем-то вроде родственников. Видно, Дине пришла к тому же выводу и кивнула.

– Конечно, можете. Что же вам кажется странным? – Она разгладила подол и, заметив вдруг на пальце маленькое пятнышко от краски, вздохнула. Достала из поясного кошелёчка платок и принялась его оттирать. – Всё давно шло к этому. Ключи стали большой редкостью, неудивительно, что теперь многие даже незнатные семьи зачастую добровольно желают продать невинность своих дочерей подороже. А ещё право стать их мужем и отпереть способности Стража, которые помогут ему стать сильнее. Есть и те, кто вовсе нуждается, но кому повезло родиться с силой Знака, хотя бы небольшой, – они просто продают невинность, право первой ночи – задёшево. Таких не берут в жёны. Но и дают они небольшие умения. Хотя что я вам объясняю, Паулине? Вы ведь всё это знаете не хуже меня. Потому я не понимаю, чему вы удивляетесь. И почему злитесь. Ведь так или иначе вас купили бы.

– Я не пришла продавать себя добровольно, – попыталась спокойно пояснить я и не выдать себя инаковыми рассуждениями. – Во всей этой ситуации я оказалась волей вашего отца.

– А он оказался здесь вашей волей и волей вашей сестры, – фыркнула Дине, но сдержалась от большей злости. – И где теперь Эдит? Разве её это довело до добра? Нет. Она погибла в Пустоши. Растратила свой дар попусту, хоть и могла хотя бы попытаться вытащить вашу семью из трудного положения. А Хилберт... Он резок бывает. Но он воин. И порой то, что внутри, даёт о себе знать. Вы поможете ему, и всё станет гораздо лучше.

Я заинтересованно покосилась на Дине. Её слова заставили вспомнить тот случай по дороге в Волнпик. Приступ, который напугал даже бывалого Алдрика. И следующий, свидетельницей которому я невольно стала.

– Что с ним происходит, Дине? – спросила я тихо, боясь, что мой вопрос вовсе не понравится йонкери.

Та неуверенно дёрнула плечом и вздохнула снова, убирая платочек обратно в кошель.

– Некоторые вещи лучше не знать. – Она улыбнулась виновато. – По крайней мере пока.

Видимо, это считалось не её тайной. А выдавать брата той, кому он и сам не доверял, она не хотела.

Очень жаль.

– Но, наверное, мне нужно знать. Я ведь должна стать его женой, – попыталась я надавить.

И почувствовала вдруг, как изнутри прокатилась слабая упругая волна. Приостановилась, накопившись в коже, и плеснула наружу, словно ветер. Неосязаемый, но осязаемый именно мной. Но, на удивление, Дине тоже его почувствовала. Она вскинула голову и прищурилась, снова напоминая мне Хилберта: в такие моменты её черты заострились, лицо становилось решительнее и жёстче.

– Не пытайтесь на меня воздействовать. – Её голос резанул, словно осколок стекла. – Я не тварь из Пустоши. Может, вы и не знаете, но я тоже родилась со способностями Стражей. Поэтому чувствую силу Знака в вас. И, конечно, неподвластна вашей воле.

Я качнулась назад, даваясь собственным сердцем, которое подпрыгнуло к самому горлу. Вот чего не хотела, того не хотела. Нет, мне было любопытно выяснить что-то о Хилберте, но вот заставлять Дине говорить какими-то особыми силами вовсе не собиралась.

– Простите, я не нарочно, – осторожно коснулась её плеча, и девушка, кажется, успокоилась. – Так вы, получается, Страж? Как такое может быть, ведь они все мужчины?

Наверное, все мужчины. Признаться, я вовсе не была в этом уверена. Но, по крайней мере, как ни много было Стражей в Волнпике, а ни разу ещё я не встретила среди них хотя бы одной женщины. Может, они просто выглядят как мужики? Я с сомнением оглядела Дине – в ней точно не было ничего от воина. Она походила на Стража меньше всего.

– Мои способности очень малы. – Йонкери печально улыбнулась. – И даже будь я мужчиной, то никогда не поднялась бы с низших рангов. А женщина-Страж была когда-то. Одна. За всю историю Ордена. Только об этом мало кто знает.

– Получается, и открыть в вас новые умения никто не может? – поинтересовалась я из любопытства.

– Как предрёк Хельд Светлый, для каждого Стража найдётся хотя бы один Ключ, – продекламировала Дине торжественно, но с ощутимым сарказмом. – А если будет на то воля Знака, то встретит он тот единственный, что предназначен только ему... Но вряд ли где-то есть мужчина с такими способностями. Потому ждать я его вряд ли стану. Хоть и хотела бы увидеть хоть раз.

Мы обе замолчали, опустив взгляды. Каждая задумалась, наверное, о своём, забыв, с чего вообще всё началось. И как-то незаметно я перестала обращать внимание на собственное негодование, на злость, что распирала меня изнутри, и обиду на всю несправедливость мира, в котором оказалась. Если подумать, здесь многие обижены жизнью не меньше меня. Дине, которая не может стать той, кем родилась по крови. Хилберт, внутри которого сидит некая заноза, не давая жить спокойно, а может, даже и угрожая ему. В конце концов – Маттейс, который погиб, в общем-то, рановато, да ещё не самой лучшей смертью.

– Если вы не станете усложнять всё ещё больше, – вновь заговорила Дине и поднялась с места, – то ваша жизнь будет не так плоха, как вы успели себе придумать от обиды и возмущения. Да, ваше положение сейчас не слишком высокое. Но вы всегда можете всё исправить.

– Наверное, вам легко говорить, мейси. – Я криво усмехнулась. – За вами не висит того, что давит на меня каждый день. Вас не презирает будущий муж.

– Начать что-то менять вы можете прямо сейчас. – Девушка легонько пожала моё плечо. – Если хотите, конечно. Или просто заняться подготовкой к свадьбе. Может, тогда что-то поменяется в вашей душе.

Она ушла, оставив меня наедине со своими размышлениями. Какое-то время даже удалось побыть одной, в настоящей тишине. Только, если прислушаться, можно было слышать за толстыми стенами призрачные отголоски чьих-то шагов и разговоров. Огромный Волнпик не спал, видно, никогда. Он и напоминал небольшой город, заключённый в толстой скорлупе стен. Честно говоря, о какую-нибудь из этих стен мне уже хотелось убиться.

Но слова йонкери неожиданно засели в голове рваными и порой даже обнадеживающими рассуждениями. Я вертела их и так и эдак, не желая верить в то, что это возможно. И в то, что мне придётся это сделать. Не сопротивляться Хилберту, не гнать коней в неизвестность вслед за весьма мутным Тейном Мейером, а попытаться как-то выровнять и наладить наши с йонкером отношения. Раз уж я должна стать его женой... Если он хочет видеть меня взбалмошной стервой, мне нужно быть другой – спокойной и рассудительной. Если ждёт от меня подлянок – попытаться быть честной. Вряд ли удастся остаться полностью смиренной, но надо хотя бы стараться не делать ничего на горячую голову.

А там... Может, именно он сумеет мне помочь? Когда будет готов выслушать правду о моём попадании сюда. А тем более – поверить в неё.

Я то уверялась в правильности своих размышлений, то вновь проникалась отчаянием. Но из нынешнего тяжкого уныния, которому раньше я поддавалась совсем редко, меня выдернул приход Лауры. Она, конечно, выдержала небольшую паузу, но ненадолго – и вот уже снова примчалась, чтобы выяснить, видно, не нужно ли мне чего.

– Мениэр ван Берг вернулся из Ривервота и просит вас спуститься к ужину, – осторожно заговорила она, не отходя далеко от двери.

Наверное, ждала, что я сейчас её прогоню, а то и запущу вслед чем тяжёлым. Нет, швыряться предметами и без того скудного интерьера – это не выход. Хоть мне и полегчало бы, наверное, хоть ненадолго. Я уже хотела было отправить Лауру обратно к Хилберту с ледяным отказом, но вспомнила, что мне нужно попробовать идти другим путём. К тому же в животе так утробно и жалобно заурчало, что пришлось отбросить мысль о маленьком и бестолковом бунте. Наверное, не случится у меня несварения желудка, если ужин я проведу за одним столом с йонкером.

– Хорошо, я спущусь, – бросила мрачно.

Лаура тут же оживилась, подбежала едва не на цыпочках и, схватив с трюмо редкий гребень, принялась расчёсывать мои волосы. Я отмахнулась от неё, как от мухи. Только посмотрела в зеркало, чтобы не выглядеть совсем уж растрёпанной – и решила, что сойдёт и так.

– Я провожу вас, – мягко проговорила Лаура.

Её тон, будто она говорила с буйнопомешанной, начинал раздражать. Но, наверное, в её глазах я и выглядела весь последний день притихшей истеричкой.

– Я и сама могу дойти до столовой. – Бывать там уже приходилось.

– Мне приказано проводить вас не до столовой.

Служанка развела руками, когда я гневно на неё уставилась. Не сказать, что это нравилось мне: от Хилберта можно было ожидать чего угодно – но деваться уже некуда. Пришлось идти за ней. И по дороге я не раз удивилась, как Лаура успела освоиться здесь за эти дни. Уж она-то

постоянно бегала по замку с какими-то делами, уже запомнила многие переходы и повороты, в которых я наверняка одна заблудилась бы. Бродить по Волнпику мне всё как-то было недосуг. Мы спустились на два этажа, прошли через длинную галерею, где вдоль стен стояли изваяния воинов в тяжёлых доспехах. Поначалу они показались мне одинаковыми, но через пару шагов я пригляделась: рыцари были вовсе не людьми, и к тому же головы их различались. У одних была львиная, у других – бычья, а у третьих – драконья. Похоже, скульптор – или их было несколько – неслабо заморочился, сотворив столько статуй на целый длинный проход. С расстояния казалось, что изваяния повторяют друг друга в точности.

В этой галерее можно было сойти с ума, пока идёшь от двери до двери! Но наконец она закончилась. Лаура вывела меня в другой ход, уже пониже и покороче. А там распахнула освещённую единственным факелом дверь и впустила внутрь.

В этом зале я ещё не бывала, как и во многих других комнатах замка. Он был небольшим против вытянутой огромной столовой, в которой уже приходилось ужинать и где могла бы поместиться рота солдат. Или Стражей, если угодно. А эта оказалась очень компактная и на удивление уютная комната с небольшим – не больше чем на восемь человек – столом, белёными стенами, деревянными панелями на них и вполне изящными коваными светильниками, в каждом из которых горело по толстой свече. У дальней стены слабо тлел почти потухший камин, тепло от него медленно струилось вдоль комнаты, трогало лицо даже у двери, где я встала, совершенно опешив. Это был какой-то островок уюта среди огромного полого камня меж двух пустынь: травяного бескрайнего поля с лентой дороги на нём – и Пустоши.

Хилберт сидел во главе стола, и перед ним не было ничего, кроме тонкого серебряного кубка – уже пустого – и вытянутого кувшина. Только сделав пару шагов внутрь комнаты, я заметила, что у другой двери стоит слуга – совершенно неподвижно, а потому он почти сливался со стеной и казался статуей. Йонкер взмахнул рукой – и тот быстро вышел. А не успела я ещё дойти до стола, как в комнату потянулись служанки с подносами.

– Желаете вина из Гроенвелля? – осведомился Хилберт и кончиками пальцев подвинул ко мне ближе только что поставленный перед моим носом кубок.

Эх, не отравит же он меня, в самом-то деле! Хотя я и знать не знаю, где находится этот Гроенвелль. Кивнула, посматривая на Хилберта, и он налил мне из кувшина благородно бордовый напиток. Надеюсь, это и правда вино. Наблюдая за тем, как служанки ставят на стол глубокие глиняные посуды и кладут приборы, я отпила из кубка и едва удержалась от того, чтобы не замычать удивлённо и удовлетворённо – нужно ведь принять всё как данность. Но это было изумительно! Правда, подобный привкус, немного травяной, у вин я не встречала ни разу – но он только освежал, заставлял перекачивать напиток по языку, смакуя.

– Гроенвелльское вино чудесное. – Голос Хилберта, на удивление мягкий и спокойный сегодня, смешался в голове с лёгким опьянением, которое вихрями заструилось по телу. – Когда его пьёшь, кажется, что за окном старое поместье ван Бергов. Стормастайг.

Я невольно улыбнулась, отчего-то слегка умиляясь его ностальгично-меланхоличному виду. Кажется, он просто устал: после дороги – или, может, донимать меня.

– И вы позвали меня сюда, чтобы я тоже это почувствовала?

Йонкер пожал плечами, поглядывая на меня чуть искоса, покрутил в пальцах ножку кубка и кивнул служанке, которая положила ему на тарелку большой кусок поджаристого мяса. Какого – я и предположить не бралась. Но похоже было на ножку ягнёнка или другой домашней живности, вполне себе обычной.

– Наверное. – Он кивнул, чуть поразмыслив. – Мы же родом из одних краёв. И познакомились в Шадоурике. Отец любил Шадоурик. Любил те места и всё, что было с ними связано. Жаль, что не смог закончить жизнь там. Хотя... Для Стражей это и так непозволительная роскошь. Особенно сейчас. Когда брешь прорывается всё чаще. И когда все ждут, что новый Глава вновь всколыхнёт в Стражах опавшую силу.

Вот чего не знала, того не знала. Что Паулине и Хилберт были, как у нас называется, земляками. Горечь в голосе йонкера заставила приглядеться к нему лучше. Кажется, наследство отца тоже не слишком его радовало. В конце концов, его можно было понять: он собирался жениться на другой девушке, которую, наверное, любит. А я невольно встала между ними – и хотела бы отойти в сторону, но не могла. Сейчас не могла. А он не мог оставить свой долг перед Орденом да и бог знает, перед кем ещё.

– Значит, свадьба не будет отложена из-за недавней гибели вашего отца? – осторожно поинтересовалась я. Отсрочка для меня была бы кстати.

– Нет. – Хилберт покачал головой. – Напротив, она станет благим знаком. Надеждой на скорое облегчение для всех.

Больше о том я ничего спрашивать не стала, расслышав в голосе йонкера лёгкое раздражение. Несмотря на это, ужин оказался действительно приятным и вкусным: не соврать – как в ресторане. Видно, повар нынче расстарался очень уж сильно. Меня, конечно, удивляло то, что к нам так никто и не присоединился, хоть раньше все господа замка собирались за одним столом вместе: Дине, её наставница Фенна и Ренске – с тех пор, как приехала. И я всё ждала, что вот-вот вскроется какой-то подвох в этом умиротворённом вечере. Мои нервы буквально звенели от напряжения. Но время шло, а ничего особого не происходило. И это как раз казалось особенным.

Ни я, ни Хилберт, похоже, не желали говорить о свадьбе. Больше я слушала, как проходила жизнь в Волнпике: порой напряжённо, а иногда и спокойно – тогда можно было выехать до старого имения ван Бергов, проверить, как идут там дела. Без хозяев-мужчин. Чаще всего в Стормастайг навещалась всё же Дине, она и вовсе не была привязана к этому месту. Но неизменно возвращалась, чтобы быть рядом с братом и отцом. О сестре Хилберт говорил особенно тепло – приятно было слушать, – как будто для него она до сих пор осталась маленькой девочкой, о которой надо заботиться и за которую он невероятно тревожится. Потом, уже когда унесли пустые тарелки, мы замолчали, задумавшись над своими наполненными вином кубками. В голове приятно кружило, а по телу бегало дурманное тепло. И на глаза почему-то наворачивались слёзы, хоть я и гнала прочь мысли о доме: зачем постоянно себя мучить? Я и так знала, что мне надо вернуться. Пока настоящая Паулине не забрала у меня мою же жизнь окончательно. Хотелось хоть одним глазком ещё раз заглянуть туда, чтобы успокоиться, но я не знала, возможно ли это. Надо бы попытаться разузнать, есть ли безопасный способ вынуть ещё какие-то воспоминания из подкорки Паулине и соприкоснуться со своим миром снова.

Я встряхнула волосами, за небрежным жестом пытаюсь скрыть попытку выбросить из головы тяжёлые мысли.

– Мениэр ван Берг, – вновь заговорила, подняв взгляд на мужчину. – Могу я задать вам личный вопрос?

– Можете. – Он откинулся на высокую спинку резного кресла. – Но отвечу ли я на него, будет зависеть от того, насколько он личный.

В груди неровно толкнулось сердце. Как будто почувствовало вдруг, что в этот самый миг он сделал какой-то важный шаг. Переступил через что-то, что казалось непреодолимой преградой. Возможно, он ломал себя, так же, как и я сегодня. Пытался быть вежливым, хоть и не хотелось. Глаза Хилберта были спокойными и чуть хмельными. Он высматривал на моём лице реакцию на свою небольшую милость – и наверное, ничего особого не находил.

– Если позволите... Тот приступ, что случился с вами по дороге в Волнпик... И после. Здесь. Наверное, я должна знать, что это было?

Я не понимала, зачем спросила. И на что надеялась. Вряд ли такой человек, как он, даже немного опьянев от вина, станет вдруг добрее и говорливее. Особенно если дело касается его давних секретов и слабостей. Но вино развязало язык если не ему, то мне точно. Йонкер слегка приподнял брови и резким жестом отодвинул от себя только что опустошённый кубок.

– Если я с кем-то решу об этом поговорить, то явно не с вами. – Его голос снова затвердел, растерял всю лёгкую доверительность, что в нём появилась во время этого уединённого ужина. – Вам, мейси, достаточно знать, что после свадьбы вы этих приступов, надеюсь, больше не увидите. И для вас они не несут никаких опасностей.

– Я думала, вы готовы доверять мне чуть больше.

– Я готов привыкнуть к тому, что буду видеть вас за этим столом каждый вечер. – Йонкер подался вперёд, его глаза сузились, прошивая меня блестящими лезвиями светлых радужек. – Затем и позвал вас. Готов терпеть вас и мириться с вашим присутствием. Но доверять – увольте. Я собралась было сказать ещё хоть что-то. Возможно, попытаться уговорить, хоть и почувствовала, как стена, которая как будто бы стала чуть тоньше, снова обросла слоем льда. Рано расслабилась. Но тут дверь в столовую тихо приоткрылась, и внутрь заглянул слуга. Хилберт перевёл на него гневный взгляд.

– Там мениэр Видбри... – виновато пробормотал тот.

Похоже, перед ужином приказ йонкера не беспокоить был строже некуда.

– Пусть заходит, – бросил Хилберт.

И вслед за пропавшим слугой в комнату вошёл лекарь. Встал у двери, не пытаясь пройти дальше, вежливо ответил на приветственный кивок йонкера, а затем и мой.

– Если вы не против, мениэр ван Берг, я хотел бы осмотреть мейси дер Энтин перед сном. Проверить её рану. Она, конечно, зажила, но желательно ещё некоторое время убеждаться в этом.

– Не скажу, будто мне нравится мысль, что вы продолжите заглядывать под платье моей невесты, – кисло усмехаясь, попытался пошутить Хилберт, – но если это необходимо, то пожалуйста.

Я поспешно встала со своего места и, распрощавшись с ним скомканным реверансом, едва не бегом бросилась за Геролфом, который уже вышел из столовой.

В моей комнате лекарь быстро проверил рану, которая совсем уже меня не беспокоила, и, удовлетворённо кивнув своим мыслям, собрался уходить.

– Скажите, мениэр Видбри, вы не могли бы показать мне, где здесь находится библиотека? – задержала я его у самой двери.

Лекарь задумчиво посмотрел в окно, за которым давно уже ничего нельзя было разглядеть, и в этот миг, наверное, задался вопросом, на кой мне сдалась библиотека в такое позднее время.

– Тяга к знаниям, конечно, очень похвальна. – Он мягко улыбнулся. – Но что вы хотите там узнать?

Я откровенно замялась. Вот почему-то не успела подготовить внятного ответа на подобный вопрос, хоть его и можно было ожидать. Но спросить дорогу у мениэра Геролфа вдруг показалось мне менее подозрительным и опасным, чем, к примеру, у Дине, которая, несмотря на молодость, вовсе не была наивной простушкой.

– Понимаете, скоро свадьба. И мне нужно к ней подготовиться. Ведь большая доля забот ляжет на меня... – начала я нащупывать верную дорожку. – Потому я хотела бы почитать о старых свадебных традициях. И о ритуалах. Оказывается, я мало о них знаю.

Мениэр Видбри кхекнул тихо и озадаченно, будто я сейчас предложила ему на мне жениться.

– Наверное, это очень важное для женщин дело, – согласился, не скрывая снисходительной улыбки. – Тогда пойдёмте. Я как раз буду возвращаться к себе через нужную часть замка.

Сегодня, после такого странного и тяжёлого дня, я, конечно, не собиралась ничего читать. Но путь до библиотеки хотела хотя бы просто запомнить, чтобы после дойти туда самой. Конечно, был страх, что масштабы замка и его витиеватые переходы мне не удастся постичь с первого раза, а особенно на чуть хмельную голову. Но, к счастью, дорога не оказалась долгой и путаной. Мениэр Видбри скоро оставил меня у солидной тяжёлой двери и, распрощавшись, ушёл.

Я постояла немного, поглаживая массивную ручку в виде драконьей головы с длинным изогнутым языком, и всё же потянула её на себя.

И с этого момента библиотека стала для меня хоть каким-то убежищем от свадебных хлопот, которые навалились, как мешок с мукой на плечи – и нести надо, и не хочется, и надорвёшься. Такое случилось со мной в первый раз: чтобы будущая церемония – неважно, своя или чужая, – совершенно меня не интересовала.

Благо Хилберт уехал в другой гарнизон на несколько дней, и никто моему посещению библиотеки особо не препятствовал. Даже Алдрик куда-то пропал, хоть порой мне и казалось, что он за мной всё же приглядывает.

Хранитель Наут Хетбок – так представился мне долговязый и худой, как книжный корешок, мужчина, – поначалу посматривал на меня с удивлением. Похоже, женщины появлялись в его владениях не так уж часто. Но уже после пары визитов привык и здоровался более приветливо: наверное, я как-то скрашивала его достаточно унылую работу.

Первым делом я выведала, в какой части библиотеки могу найти сведения о самых древних обрядах. А затем начала перебирать все книги и свитки, что мне попадались. Конечно, рациональнее было бы спросить у хранителя, где искать конкретно. Но тогда он точно задался бы вопросом, зачем мне выведывать что-то об оудах и ритуалах переселения душ.

Очень скоро я поняла, что отыскать нужное среди кучи самых разных трудов на эту тему – задача непосильная. Несмотря на кажущуюся тёмность этого мира, у них была невероятно богатая и древняя культура. То и дело я застревала на любопытных легендах и не могла

оторваться, пока не дочитаю до конца. Наткнулась даже на сказ о единственной женщине-Страже, которую упомянула тогда Дине. Судьба у неё, признаться, была невесёлая. Такой я не хотела бы пожелать юной йонкери.

И многие из тех ритуалов, о которых я прочитала мельком, были связаны с магией Стражей. Вообще, как удалось понять, особыми способностями в этих краях обладали только служители Ордена, Ключи и загадочные пока оуды, о которых только и довелось раскопать, что их племя было прародителем воинов особой силы. Там родились первые защитники земель антрекена – а когда-то свободного королевства Бевелегинг, – но потом невольно отделились от него. Когда Пустошь начала разрастаться, отрезая часть земель с севера, будто клинок – и эти времена называли Вздых Шада.

Незаметно я увлеклась изучением истории Стражей. Оказывается, они и правда были разными, с разной силой и способностями, и удерживали тварей за стеной гор, не давая им перебираться через неё. Это была сложная вязь заклинаний, замешанных на их сущности, переплетении трёх Обликов-защитников, создающих особый щит. Но существовала и брешь: нечто вроде слабого места, там, где Пустошь пыталась просочиться дальше, где воля её была сильнее всего – чтобы завоёвывать новые земли. Закрыть её не могла даже сила всех Стражей. И на месте её поставили однажды Волнпик. Служить в нём считалось больше наказанием, чем честью. Но почти каждый Страж проходил здесь закалку и Посвящение. А затем они расходились по разным гарнизонам вдоль горной гряды.

Читая о Стражах, невольно я пыталась понять Хилберта и, кажется, всё же что-то поняла. Может, помогла и данная мне сила Ключа. Ведь я чувствовала в нём нечто, не дающее находиться рядом с ним спокойно – помимо, естественно, его недоброго отношения ко мне. Но что-то постоянно ускользало. То, что мог познать, увидеть лишь тот, кто родился здесь. Ведь за несколько часов чтения не сумеешь стать своим даже в незнакомой стране, а тут – целый мир.

И, казалось, вот-вот очередной кусочек знаний о Стражах выведет меня к оудам, вместе с которыми пропала значительная часть мудрости и силы Ордена, но каждый раз нить обрывалась. Как будто кто-то нарочно прятал их следы.

– Вы отдохнули бы, мейси. – Голос хранителя прозвучал так неожиданно, что я даже икнула.

Мениэр Хетбок поставил передо мной кружку с горячим волрейном и улыбнулся обеспокоенно, когда я подняла на него взгляд.

Потом он окинул взором все свитки и книги, что лежали передо мной, и слегка помрачнел.

Похоже, сразу догадался, что читаю я вовсе не о свадебных обычаях. И тут спохватиться бы, но меня сейчас разбирали такое нетерпение и азарт, что я решилась обратиться к знающему человеку, несмотря на то, какие вопросы это у него может вызвать.

– Простите, мениэр Хетбок... – Я отпила из кружки и судорожно сглотнула, обжегшись. – Не могли бы вы мне помочь?

Хранитель помылчал неопределённо, видимо, опасаясь того, что я могу у него спросить.

– Я постараюсь, мейси.

– Я всегда жила вдали от дел Ордена Стражей. А последние годы и вовсе... Оторвалась от жизни, если так можно выразиться. – Я улыбнулась, внимательно наблюдая за его лицом. Пока оно выражало лишь внимание. – А раз уж мне предстоит выйти замуж за Стража...

– За будущего Главу Ордена, – строго и почему-то гордо поправил меня Хетбок.

– Тем более. – Я степенно кивнула. – Так вот, хочу знать о Стражах как можно больше. Но

мениэра ван Берга сложно назвать разговорчивым человеком. А беспокоить мейси ван Берг как-то неловко. Скажите, неужто все знания оудов сейчас утеряны?

Хранитель ожидаемо возвёл очи горе. Похоже, посчитал меня совсем необразованной клушей.

Да и бог с ним. Пусть так. Вряд ли он станет кому-то об этом рассказывать.

– Основные знания, конечно, остались при Стражах. Скорее затерялись во времени те, которые для воинов имели наименьшую пользу.

– И что же, к примеру, способность неким образом менять душу и обращаться – она тоже была бесполезной?

Я захлопала ресницами, выражая пылкое любопытство. Играть в дурочку, чёрт возьми, так играть.

– Скажем так, она была опасной, – строго покачал головой хранитель и вдруг сел рядом со мной, готовясь, видно, к долгому рассказу. – И со временем привела к тому, что среди Стражей появились химеры. Потому что сущность сдерживать очень сложно. Особенно тем, кто не

обладает достаточной силой. Раньше эта привилегия была только у старших родов – прямых потомков оудов.

– Как ван Берги?

– Да. Есть и другие древние фамилии. Но только ван Берги достигли самых больших высот. И удерживают их очень давно. Хотя не менее давно появились желающие сместить их с вершины. Отсюда опасные эксперименты других Стражей – и ошибки как следствие. Поэтому попытки обращаться через замену души с Обликом, да и другими способами, давно уж запрещены. Потому как результаты их порой непредсказуемы. И только расшатывают баланс силы Стражей. Даже ван Берги начали слабеть от поколения к поколению.

– Так что же, получается, мениэр Хилберт ван Берг значительно слабее своего отца? – продолжила я допытываться, поймав кураж. Пока Хранитель не растерял болтливость и не понял, что я веду разговор в нужную мне сторону.

– Я бы так не сказал. Просто он тратит много сил на... – Вот тут-то до мениэра Хетбока начало доходить.

– Из-за его недуга, да? – попыталась я ухватиться за самый кончик его недовысказанной мысли.

– Тут много причин, – уклончиво отговорился хранитель.

– Я, получается, смогу ему помочь? Смогу сделать его сильнее?

– Вы – Ключ Воли, – усмехнулся мужчина. – Благословлённая Хельдом Светлым. Вы кого угодно сделаете сильнее. Потому что дадите возможность управлять тварями Пустоши. В определённых рамках, конечно. Но в каких – зависит от ранга Стража. Мениэр ван Берг станет Главой. И в сложившихся обстоятельствах вы, можно сказать, подарите ему почти забытое Орденом могущество.

Я задумалась, пытаюсь осознать. Пытаясь вновь прокрутить в голове мысль о том, что во мне и правда есть нечто, во что раньше я ни за что не поверила бы. Значит, если Хилберт откроет с помощью меня в себе некие силы, то он станет, возможно, самым влиятельным Стражем. Истинным Главой. От этого кружило в голове – какой-то пьяной гордостью и одновременно страхом. Да только не окажись у Паулине такое низкое положение среди окружающих, было бы ещё лучше. Ведь, как мне удалось узнать, раньше Ключи имели очень высокий статус и уважение. Но со временем способности Ключей начали мельчать, а девицы, которые готовы были продать свой небольшой дар, едва не как шлюхи, очень подорвали их престиж. А уж про ту ситуацию, в которой оказалась я, и думать не хочется.

– А что происходит с Ключами после ритуала?

– К сожалению, они теряют почти всю силу. Большинство из них. – Мениэр Хетбок развёл руками и поднялся, видно, не собираясь больше ничего мне рассказывать. – Но если связанный с ним Страж погибает – а такое, к сожалению, случается, – сила возвращается Ключу. И начинает очень быстро разрушать его, если не передать её кому-то другому. Другими словами, сводит с ума. Разве вам не говорили всего этого в Храме перед инициализацией?

– Не так подробно. – Я скупой улыбнулась и покусала губу.

Вот такие перспективы вовсе не радовали. Быть привязанной к Хилберту, зависеть от него и прятаться за его спиной. Не то чтобы мне было жаль чужой силы, от которой мне всё равно нет никакого прока. Просто мысль быть чем-то вроде отмычки, которая к тому же может потом сломаться, изрядно гадила в душе.

Хранитель уже сделал шаг прочь, прошуршав своей хламидой до щиколоток. Я вскинулась, боясь, что он сейчас уйдёт. А в голове осталось ещё столько вопросов, что не знаешь, какой выбрать. Только одно хотелось выяснить у него немедленно, пока не пропала возможность.

– А оуды... неужели они исчезли совсем? После Вздоха Шада?

Мениэр нахмурился: похоже, на этот раз мой вопрос совсем уж его насторожил. Показалось даже, что отвечать он и вовсе не станет, но, почесав переносицу, мужчина всё же заговорил:

– Говорят, они ещё живы. Но добраться до них через Пустошь, на ту сторону – почти то же самое, что перейти на другой берег Туманной Реки и вернуться. Бывали смельчаки. Даже целые отряды. Никто не вернулся.

На сей раз разговор и впрямь оказался окончен. Хранитель кивнул мне напоследок и плавно пошёл между стеллажами на своё место.

Я перебрала в голове ещё раз все его слова. Как будто непривычную одежду примерила. И вновь вернулась к свиткам и книгам. Но как будто перестала видеть смыслы в ровных строчках: они ускользали от меня, искажались и расплывались совсем.

Ведь теперь мне не давало покоя новое необычное желание, настолько ясное и острое – как сияние бриллианта на солнце. Я хотела узнать всё о сущности Хилберта. Тревожное это чувство, оказывается: желание познакомиться с тем, от кого собираешься сбежать в итоге. Казалось бы, это мне не нужно. Но так и тянет, словно крюком, засевшим в мыслях. Как будто в этом заключено всё самое важное. И рано или поздно, но тайна его мне откроется. Если только никто не решит перекрыть мне кислород в виде походов сюда и чтения книг, которые, наверное, и на глаза мне попадаться не должны.

Я дочитала очередной отрывок труда некоего Ветенда о Стражах и откинулась на твёрдую спинку скамьи, что стояла вдоль всей длины массивного стола. Попыталась было отпить из кружки, но та оказалась пуста. В тишине огромного, уставленного высокими стеллажами зала послышались вдруг далёкие размеренные шаги. С неожиданной стороны. Я быстрыми резкими движениями собрала в кучу все свитки, подгребая к себе и пряча под ними книгу, которую только что читала. Отыскала в ворохе что-то о свадебных ритуалах в южных широтах Бевелегинга и положила сверху – мол, очень увлечена чтением.

– Вот где меньше всего ожидал вас увидеть, мейси, так это здесь.

Я думала услышать чей угодно голос, но только не этот. Даже не узнала поначалу – не успела, знаете ли, привыкнуть, – а потому резко повернулась, опасаясь новых неприятных знакомств. Но совершенно неожиданно увидела перед собой аарда Тейна Мейера. Надо же, совсем позабыла о нём за последние дни. Зря, очень зря... Наверное, потому, что шальную мысль о немедленном побеге успела отбросить, как опасную. Но снова облил меня горячим сиропом взгляд мужчины, чуть заискивающий и ожидающий – как будто он только и делал, что ждал этой встречи. И оттого становилось совсем не по себе. Слыхала я не раз об одержимых поклонниках. Так вот Тейн на подобных очень сильно походил.

– Добрый день, мениэр Мейер. – Я улыбнулась слегка, настороженно его оглядывая.

И дёрнуло меня тогда к нему обратиться! Где была моя голова?

– Я же обещал устроить встречу перед свадьбой.

Он подошёл ещё ближе, встал за спиной и опустил ладони мне на плечи.

Я вскочила так резко, будто мне на колени опрокинули кипяток. И, похоже, это стало большим шоком для Тейна – он даже отшатнулся.

– Вы с ума сошли? Тут же рядом мениэр Хетбок, – возмутилась я сдавленным шёпотом. – Как вы тут вообще оказались?

Немедленно захотелось позвать хранителя. Поднять шум, чтобы он уж точно пришёл справиться, что происходит. Та скрытность, с которой ко мне подобрался аард, только ледяное смятение нагоняла. Как он вообще сюда вошёл? Но откроюсь – и ко мне появится очень много неудобных вопросов.

– Я хотел увидеть вас, – чуть растерянно буркнул аард. – А мениэр Хетбок отошёл по важному делу. Его не будет достаточно долго.

– Достаточно долго для чего?

– Чтобы обсудить, при каких обстоятельствах я заберу вас.

Я хлопала ресницами так медленно, будто каждое моё веко весило по килограмму. В голове билось горячим молотом только одно слово: «Чёрт! Чёрт! Чёрт!» Мои-то планы поменялись, а вот планы Тейна остались прежними. И я, однажды поддавшись панике и отчаянию, невольно только подкрепила их.

– Я думаю, это будет неразумно. – Еле удалось заставить шевелиться собственный язык. Но с каждым словом тон мой становился увереннее. – За мной постоянно следят. И вы попадёте в большие неприятности. Из-за меня.

– Гораздо большие неприятности ждут вас, если вы останетесь рядом с Хилбертом. – Тейн упрямо поджал губы. – Не нужно бояться за меня, мейси.

Я тревожно сложила руки у груди, собираясь настаивать, уговаривать и молить о благоразумии, если придётся. Хотя понятия не имела, как повела бы себя в этот миг настоящая Паулине. Судя по реакции мужчины, который чуть снисходительно улыбнулся, примерно то же самое она и сделала бы.

– Знаете... Я много думала над этим. Эта опасная игра затянулась, мениэр. Я не смогу принести вам счастья. Вы постоянно будете в опасности рядом со мной. Ведь мениэр ван Берг не отступит, не упустит то, что его отец получил с таким трудом. – Я опустила взгляд на свиток, который упал со стола от моего порывистого движения.

Наклонилась, чтобы поднять, и вдруг едва не столкнулась лбом с Тейном, который тоже решил вернуть листок на место. Мы уставились друг на друга – и по его губам пробежала лукавая улыбка. Не успела я отпустить из пальцев поднятый свиток, как он снова шагнул ко мне и, поймав пальцами за подбородок, развернул лицом к себе.

– Самое большое счастье – быть с вами. А на ван Берга найдётся управа. Поверьте.

Он не стал ждать ответа или очередного возмущения, просто сомкнул наши губы, чуть дёрнув меня к себе. Неожиданно его дыхание обдало мятой. А ладонь, что скользнула по талии в попытке прижать меня сильнее, – теплом. Может, просто показалось так – в чуть промозглой прохладе библиотеки, не знаю. Я глухо вскрикнула и рванулась прочь. Едва не опрокинула скамью и не рухнула сама – кувырком через неё.

– Хватит ребячества! Нашли место! – зашипела, уставившись на пылко дышащего аарда. А потом только поняла, что он, наверное, не ожидал такой реакции.

По крайней мере, недоумение на его лице читалось ясно.

– Что с вами творится, Лине? – Он свёл брови и раздражённо откинул от лица волосы. – Вы же говорили, что любите меня. А может, вы снова поддались былым чувствам к ван Бергу? Тому, кто вами пренебрёг? Снова таете, как только он оказался ближе к вам, чем я? Так вот он не станет ценить вас так, как я. Никогда. Это циничная тварь... Он выбросит вас из своей постели в чужую. Продаст...

– Откуда вам знать? – Я невольно смяла пальцами попавший под руку листок.

Слова аарда казались только мстительной чужью. Но разве так не может быть? На самом деле? Ведь как ни крути, а Хилберт для меня та ещё головоломка.

– Я неплохо знаю ван Берга. А вам, похоже, застит разум возможность всё же стать его женой.

– Не говорите о том, о чём понятия не имеете. – Я повысила голос чуть больше положенного, и он гулко разнёсся под сводами зала. – Я сказала, хватит. Оставьте глупости и подумайте над тем, как будете дальше устраивать свою жизнь.

– Без вас?

– Без меня, Тейн. Так будет лучше.

Странно было рвать чужие отношения. К тому же те, о которых я толком ничего не знала. Но для меня они несли больше опасностей и неизвестности, чем благих перспектив. Может, когда-то я осознаю ошибку, если всё же совершила её. Но сейчас на душе становилось легче оттого, что я не пошла дальше по пути лжи и обмана чужих надежд. А союз с Хилбертом давал мне больше уверенности в том, что я сумею найти к нему подход, чем возможность вернуться домой, сбежав с Тейном.

– Надеюсь, вы ещё одумаетесь... – хмыкнул аард, уняв вспышку негодования и гнева, что пронеслась по его лицу, заострив до каменной твёрдости черты.

Он коротко кивнул мне и скрылся среди громадных стеллажей. Видно, ушёл тем же ходом, что и появился – наверняка тайным. Я присела на край стола, бездумно шаря взглядом вокруг. Это сущий кошмар. Сплошное минное поле, по которому я иду без карты – ещё немного, и разорвёт на куски.

Глава 9

День свадьбы неумолимо приближался, а об обрядах оудов, которые были бы мне полезны или хотя бы навели на нужные мысли, я так и ничего не развела. Наверное, знания о тех ритуалах, что могли привести к обмену душами, вовсе не хранятся в библиотеках. А если и хранятся, то не там, где их легко можно найти. Но надежда какое-то время ещё теплилась во мне, хоть каждый раз, обводя взглядом бескрайние стеллажи, битком набитые книгами и свитками, я становилась на шаг ближе к отчаянию. Мне никогда их не прочесть! За всю свою жизнь не перелопатить и десятой части.

В конце концов я так себя загнала, что последнюю ночь перед возвращением Хилберта в Волнпик почти не спала. А под утро и вовсе на меня навалилась лихорадка. Я лежала под одеялом и тряслась хуже, чем в мороз без одежды. На короткий миг, кажется, задремала, но этот обрывочный сон не принёс отдыха. В голове не переставая металась обрывки новых и непривычных для меня знаний о Стражах, их силах. Об оудах, вместе с которыми была утеряна

некая мудрость – что, наверное, и привело к угасанию Ключей, а с ними и воинов, которые не могли уже в полную силу сдерживать наступление Пустоши. Я пыталась понять, но многое ещё не понимала. Пыталась найти место для себя в этом мире – и осознала, что, не обретя согласия с доставшимся мне телом, я никогда этого не сделаю.

Кажется, я плакала даже – не помню. Очнувшись от этого странного полубреда, по которому неслась, как по каменистой дороге в тумане, сотрясаясь от лихорадки, только тогда, когда утром пришла Лаура. Лишь при звуке её шагов меня отпустило. Служанка последние дни вообще поглядывала на меня подозрительно. Может, о чём-то даже докладывала Дине, но та так увлеклась подготовкой к свадьбе брата, что не обращала на меня почти никакого внимания – только иногда спрашивала совета. Но из её слов я понимала, что участие невесты во всей этой суматохе не слишком-то требуется. Всё совершалось по старым, давно устоявшимся обрядам. На женщинах лежала только обязанность подготовить нужное для приёма многих гостей, собрать пир: ведь женится не просто йонкер, который вовсе не один в антрекене, а уж тем более в королевстве – а будущий Глава Ордена. Тот, кто дальше поведёт за собой тех, на чьих плечах – тяжесть защиты людей от опасностей Пустоши.

Лаура помогла мне собраться к завтраку. А затем Дине позвала меня с собой, как она сказала – на посиделки. Девичник, что ли?

Но на последний разгул перед свадьбой это вовсе не походило. Йонкери привела меня в большую светлую комнату с непривычно огромными окнами и высокими сводчатыми потолками, которую можно было спутать с лавкой «Всё для рукоделия». Если честно, вид нескольких ткацких станков у стен меня напугал: я и подойти-то к ним не знала, с какой стороны! Но Дине всунула мне в руки объемный мешочек с чем-то мягким внутри, и я с облегчением обнаружила в нём пряжу и спицы. Ну этому-то делу научилась ещё в детстве, да и потом с удовольствием обращалась к вязанию. Только последние год-два мне стало не до того. Хотя в этом не ударю в грязь лицом.

– Вы можете приготовить себе что-то к свадьбе. В качестве символического приданого, – пояснила йонкери. – Ведь своего у вас, по сути, нет.

Да уж, я ещё и бесприданница. Как-то не думала об этом.

– Спасибо, – только и сумела выдать.

В голову тут же пришла мысль, что можно было бы связать шаль: в здешней промозглости она была бы кстати. Вряд ли получится сложный узор, но я и не собиралась поражать окружающих исключительными умениями.

Позже к нам присоединились другие женщины и девушки. Закипела работа, потекли неспешные разговоры: больше о родственниках, которые жили в других районах антрекена, о том, как идут у них дела. Все эти женщины были либо жёнами Стражей, которые несли здесь службу, либо наемными работницами. Они заканчивали рукоделие быстро и спешили заняться другими делами: похоже, сидеть в праздности тут не полагалось, да и вообще было зазорно. Незаметно мы с Дине остались одни. Она вышивала узоры на каком-то шелковом полотнище, напоминающем будущий кушак, я сосредоточенно считала петли. Как бы не опростоволоситься: уже многое успела подзабыть.

Свет ещё щедро падал в высокие ажурные окна, мутноватый, но достаточный для кропотливой работы. Между делом Дине напомнила мне, что сегодня ближе к вечеру вернётся и Хилберт, а там всего несколько дней до самого, как она это назвала, важного дня. Я промолчала на её слова. Самый важный для меня день должен был случиться в моём мире. Там я должна была надеть платье, которое полюбила ещё на этапе эскиза, стать женой человека, которого хорошо знала и который был дорог мне, потому что стал родным. А сейчас я о нём и думать боялась, чтобы не изодрать себе душу в клочья. Но всё равно вспоминала: перед сном или глядя на себя в зеркало с мыслями о том, как он сейчас живёт с той, которая отобрала моё тело, засунув в другое и оставив после себя целое озеро дурно пахнущего прошлого.

Но не успели мы с йонкери закончить рукоделие на сегодня, пока не начало темнеть, как в комнату почти ворвался Хилберт. Одного взгляда на него хватило, чтобы понять: с ним явно творится что-то неладное. Знакомая уже пепельная серость расплзалась по его лицу, а глаза всё больше темнели от расширенных зрачков. И казались такими бешеными, что страшно становилось.

Дине вскочила с места и уставилась испуганно сначала на брата, который судорожно хватался за ручку двери, а потом на меня, будто я что-то могла ей объяснить.

– Выйди, Дине, – чужим, жутким голосом прогудел Хилберт.

Шагнул дальше, отступая от двери и пропуская мимо себя сестру, которая безропотно метнулась прочь, тихо всхлипнув. Она едва не ударилась в дверь, будто забыла, что её надо дёрнуть на себя, а не толкнуть, и пропала за ней. Я невольно сделала несколько шагов к Хилберту, впиваясь взглядом в его меняющееся лицо. Оно было точно воск на солнце: ещё хранит форму, но стоит тронуть, как поплывёт. Тяжёлыми рывками йонкер сдвинул себя с места на пару шагов, я качнулась ему навстречу – и его пальцы вцепились мне в предплечья с такой силой, что я вскрикнула и рефлекторно попыталась вырваться.

– Мениэр! – только и успела сказать.

Хилберт завалился вбок, утаскивая меня за собой. Я рухнула на него, чувствуя, как его сердце ударяется как будто в мою грудь: бешено, на грани срыва. Так не может биться сердце человека – разве что только в агонии. Прямо перед моим лицом дёрнулся кадык, замер, словно Хилберт перестал дышать. Едва удалось сползти с раскаленного йонкера, как он поймал мои ладони и прижал к своим вискам.

– Что вы делали тогда, мейси? – еле слышно срывались слова с его губ, как шорох осенних листьев. – Сделайте сейчас.

А говорил, что я больше не увижу его приступов. Самоуверенный гордец.

В мои ладони словно широкие острия впивались. Всё глубже и глубже, нагреваясь, плава кожу.

И я вдруг вспомнила, что ощущала в момент нападения на карету при возвращении из Ривервота. Человек и нет – две сущности в одной, но только на этот раз вторая – невыносимо сильная и опасная. И то же самое я чувствовала в первый приступ Хилберта, но тогда совсем ничего не понимала. Не могла осознать, что такое вообще возможно.

Ладони стали влажными от пота, которым покрылось лицо йонкера; он напрягся всем телом, словно одеревенел. Как скрученная в баранку неведомо какими силами сосна.

– Я не знаю, что делать, – зашептала, склоняясь к нему ближе. – Не знаю, как тогда сумела.

Он стиснул мои руки пальцами, начиная теперь вырывать из них – пришлось держать, смагивая мутную пелену ужаса, что застилала глаза. Но тут йонкер одним мощным рывком перевернул меня на спину и придавил своим телом. Его сжатые на моих запястьях пальцы костяшками ударились о пол. Он вжал меня в шершавые камни, будто замуровать решил, и его взгляд обрушился на разум тяжёлым булыжником, давя нужные мысли, словно муравьёв. Я выгнулась, пытаясь нащупать опору. Упёрлась пятками в какой-то выступ, шире развода ноги для устойчивости – но Хилберт тут же вжался между моих бёдер своими. Совсем неловко... Жар хлынул по шее к щекам – не только от пыла борьбы с тем, кто меня несоразмерно сильнее. Я взвизгнула, кажется, на миг его оглушив. Качнулась вперёд.

– Лежать! – рывкнула, задышав.

И – чудо! – сумела вновь перевернуть его, слегка ослабевшего, на лопатки.

Так. Соображать надо быстро. Что я делала тогда? Что? В голове один только сумбур. А в ладонях – страдающий, борющийся со своим страшным недугом Хилберт. И ещё очень агрессивный.

Я снова обхватила его лицо ладонями, прикрыла веки – и как будто стала лучше видеть, лучше чувствовать, что ворочается под моими руками, стараясь отодвинуться от них подальше, потому что ощущает угрозу. Я просто погладила колючие щёки йонкера, касаясь кончиками пальцев уголков его сухих губ. Словно вдавила себя в него, пытаясь заменить собой то, что мучило его.

– Тихо... Тихо, – шёпот как будто со стороны.

Спокойный, размеренный – чужой. Но нет – мой. Прокатился по горлу, щекоча, и растворился в голове. И Хилберт помалу успокоился, а то, что билось в его разуме и по всему телу, отступило в тень. Но, наверное, ненадолго. И неожиданно для себя самой я опустила голову на его грудь, как будто даже сидеть у меня не осталось никаких сил. Просто упёрлась лбом в его расстёгнутую куртку, чувствуя, как давят на кожу фигурные пуговицы, как йонкер дышит, чуть хрипло, но всё медленнее и тише с каждым мигом.

– Мейси... – Он положил тяжёлую ладонь мне на спину, слегка надавливая – и я отшатнулась.

Минутка слабости окончена, и не хочется, чтобы она переросла в минутку непрошеной близости. Хватило уже. Йонкер слегка привстал, опираясь на локоть, покачиваясь даже в таком положении.

– Если вы хотите, чтобы я и дальше помогала вам, то говорите, мениэр! – Я откинула со лба мелкие прядки волос. – Что там сидит?

Ткнула ему в грудь пальцем. Он опустил взгляд на мою руку и криво усмехнулся. Надо же, и вид такой, словно ничего только что не произошло.

– Разве вы ничего не знаете о Стражах? И о том, какими они бывают? Что порой «сидит» в них и что ждёт их, если это подтвердится? Вы же провели в библиотеке много дней. Расспрашивали хранителя. Рылись в старинных свитках. Так расскажите мне, что я скрываю...

Вот же упрямый гадёныш, едва не сказала я вслух. Встала, поправляя мятый теперь подол и убирая за спину упавшие на плечи волосы. Не желает говорить, признаваться сам – чёрт с ним. Пусть живёт с этим, как хочет. Надеюсь только, что когда-то уже без меня.

– Если я не всегда смогу быть рядом? – проговорила, наблюдая, как Хилберт тяжело встаёт с пола, одёргивает куртку, пытаясь привести себя в надлежащий вид. Как будто это сотрёт из моей памяти всё, что я видела сейчас. Вынет из тела все ощущения, что до сих пор отголосками перекачивались по нему.

– После свадьбы и ритуала в Пустынном Храме вы всегда будете со мной, – он улыбнулся странно, как будто и сам не мог понять, нравится ему эта мысль или нет. – Спасибо.

Да неужто! Его светлейшество йонкер Хилберт ван Берг соизволил меня поблагодарить. Да этот день надо запомнить и отметить красным в календаре! Но ехидные мысли тут же схлынули, когда мужчина просто повернулся и вышел прочь, оставив меня одну в пустой комнате.

И кажется, только в этот миг, увидев вернувшегося из гарнизона Хилберта, а потом оставшихся в тишине и одиночестве, я наиболее ясно осознала, что у меня через несколько дней свадьба.

Свадьба, раздери меня гарг! А как избежать её и в то же время достичь желаемого, за эти дни я так и не придумала. Теперь, наверное, в библиотеку меня и вовсе не пустят: Хилберт прикажет. Однако как быстро ему донесли о моих туда визитах – едва на порог ступил.

С возвращением йонкера слуги как будто засуетились ещё больше, совсем уж взволновалась Дине, не давая мне прохода. А скоро привезли и моё платье. Лишь несколько штрихов добавил мастер в его окончательный облик – и наряд заиграл всеми гранями дорогой узорной ткани, богатой отделки, красивого, надо признать, кроя: с открытыми плечами и заметно выросшим шлейфом – как у какой-нибудь эльфийки, если я вообще что-то в этом смыслила. Но только вот роднее мы с ним не стали. Оно отдельно, а моя душа – совсем в другой стороне.

Меня так закрутило за последние дни перед церемонией, что я даже ни разу не встретилась с будущим мужем. И ни разу не вспомнила о том, чтобы пойти в своё привычное книжное убежище. Думается, теперь меня и там достали бы.

Очнулась я только в тот миг, как гладкий костяной гребень в руке Лауры медленно и ласково заскользил по моим бережно вымытым и высушенным волосам, чтобы собрать их в причёску. Я ожидала, признаться, чего-то фееричного и немало удивилась, когда служанка заплела мне обычную косу. Конечно, в руку толщиной и длиной ниже пояса, она всё равно смотрелась роскошно, а уж когда её украсили цветами и тончайшими цепочками – и вовсе.

Вокруг меня щебетали другие служанки, готовясь надевать на меня То Самое платье, всё нахваливая его тихонько, но и так, чтобы я услышала. От них хотелось отмахнуться, как от мух, назойливо жужжащих над ухом. По всему телу разносилось какое-то горячее биение, будто кровь просто остановилась в сосудах и запульсировала на месте. Как такое случилось? Я выхожу замуж. За средневекового феодала с раздвоением личности, которое земным психотерапевтам и не снилось. А там, дома, уже осталось не так много времени до моей настоящей свадьбы. И Антон спит с другой девицей в моём теле. Она пудрит мозги моим клиенткам и моим ассистенткам. Но, что самое главное, её там хотя бы никто не хочет убить. А здесь того и гляди нападёт какая-нибудь страшная тварь.

Смутный шорох ткани, лёгкие прикосновения заботливых тонких рук. Звон голосов в ушах. На грудь ложится тяжёлый кулон с каким-то драгоценным камнем в тон вышивке платья. Он охлаждает в первый миг, а затем нагревается от моей кожи и пропадает, как будто утонув вместе со всеми другими ощущениями в глубоком чувстве неправильности происходящего, от которого мне становилось невыносимо тяжело.

Но вдруг всё смолкло. Просто все, кто сейчас меня дёргал, касался и нахваливал, вмиг исчезли, как растворились. Я вздрогнула, увидев в зеркале отражение Дине. Видно, это она всех разогнала, а я и не заметила сразу.

– Не волнуйтесь, Паулине. – Девушка погладила меня по плечам. – Вы очень красивы. Хилберт не слепой, он всё видит. И, я уверена, он будет вас беречь. Что бы ни было раньше.

Я едва удержалась от того, чтобы не хмыкнуть скептически. Беречь... Как бы он сразу после свадьбы и каких-то там ритуалов не задумался, как от меня избавиться. Ведь его по-прежнему ждёт другая девушка. Да, она уехала с двоюродным братом и не будет присутствовать на свадьбе – оно и неудивительно. Но что-то подсказывало мне, что такие, как она, не отцепятся просто. И легко их не забудешь.

– Уж не знаю, что будет дальше. – Я отстранилась от рук Дине.

Мне не нужно её участие. Мне нужно только найти путь домой. Я не доверяла никому здесь до конца. И не должна доверять Хилберту, наверное, но деваться было некуда.

Вместе с Дине мы вышли из комнаты. Она проводила меня вниз, а там и к парадному входу в замок, где уже ждала карета. Не обычная, повседневная, в которой не раз приходилось ездить, а тёмно-бордовая, как подсохшая кровь, украшенная узорами и лёгкой позолотой на фонарях и ободах колёс. Не помпезная, но заметно роскошная. Я даже приостановилась на миг, прежде чем сесть в неё. От неё пахло деревом – как будто она была совсем новой.

– Её сделал каретный мастер в Ривервоте, который выполняет заказы Феддрика ван Стина и других знатных людей. Совсем недавно. Нарочно для вас, – подсказала мне Дине, которая, видно, должна была поехать в другом экипаже, что стоял в стороне, тоже запряжённый двойкой лошадей.

Такие уж традиции. Невеста одна до встречи с женихом и соединения с ним в Храме.

– Какая красивая. И цвет, – я задумалась, – необычный.

– Она сработана из шавелейского дуба. – Дине гордо улыбнулась. – Его можно рубить только раз в году. Всего несколько деревьев по разрешению самого короля. Это натуральный цвет его древесины.

Эксклюзив, значит. Решил Маттейс – ведь карету наверняка собрали ещё по его заказу – пустить всем пыль в глаза. Показать, что на невесте не экономит. Хотя, если задуматься, на мне и правда не сэкономили. Я ни в чём не нуждалась. Но мысль эта была какой-то чужеродной в голове. Я настолько привыкла, что мужчины дома ван Бергов относятся ко мне с пренебрежением, что хорошее, в общем-то, положение в Волнпике, благополучная жизнь как-то ускользали от внимания.

Лакей подал мне руку, помогая подняться в карету, а напоследок, прежде чем отпустить, почему-то легонько пожал её. Встретил невольно брошенный на него взгляд и улыбнулся одними уголками губ, даже не пытаясь потупить, как было бы, наверное, более должно слуге. Со смешанными чувствами и нарастающей тревожностью я уселась на стёганный диван экипажа, разглаживая юбку платья, расправляя бездумно, чтобы не помялась. Я уехала вперёд, а Дине в своей карете – следом. Гостей в Волнпике почти не было, только те, кому удобнее через него добираться до Ривервота. Но и они уже уехали вслед за Хилбертом, который первым покинул замок – так тоже положено.

Вот теперь и я катила по дороге в сторону столицы антрекена, готовая ко всему. А там... Там я заставлю Хилберта поверить мне и помочь. Разузнаю больше об оудах, найду способ вернуться в свой мир!

Сегодня было как будто немного светлее. Привычные тяжёлые тучи слегка разошлись, пропуская лучи солнца к земле. Заиграли луга бледным золотом, засияли яркими жёлтыми пятнами цветы, как будто ещё больше стремясь теперь к необычайно милостивому небу. На миг я даже задумалась, не связано ли это как-то со свадьбой нового главы рода ван Бергов. Ведь они сильно связаны с Волнпиком. Но это казалось слишком уж нереальным: чтобы и природа реагировала на события, творящиеся с людьми. Наверное, просто повезло.

Этот лучший каретных дел мастер в Ривервоте явно не зря ел свой хлеб. Экипаж не только выглядел роскошно, но катил на удивление мягко, так что колдобины на дороге почти не ощущались. Ещё чуть мягче – и как в автомобиле премиум-класса. Я сначала внимательно смотрела в окно, всё вспоминая странный взгляд лакея и пытаясь распознать хоть какие-то необычные черты в поведении Стражей, что меня сопровождали, торжественно приодетые в суконные штаны, начищенные сапоги и куртки в тон кареты – поверх белоснежных рубашек. Но они смотрели перед собой, даже головами не слишком часто крутили.

Незаметно доехали и до Ривервота. Промелькнула уже знакомая деревушка, а за ней раскинулось озеро. Небо очистилось совсем, радуя сочной синевой. Я устала на него,

слегка шурясь и не глядя, по каким улицам пустилась карета. Только почувствовала, как слегка трясёт на брусчатке. Вдруг экипаж свернул с главной улицы. Оно бы и ладно. Но и Стражи вмиг куда-то пропали, будто растворились. Обеспокоенная их исчезновением, я немного высунула голову в окошко, чтобы посмотреть, где карета Дине. Даже увидела её позади: растерянный кучер пытался быстро ту развернуть, чтобы поехать за нами. Похоже, такого поворота событий он не ожидал и не мог понять, что заставило его собрата, который сидел на козлах моей повозки, вдруг изменить маршрут. Очень интересно... Но тут дорогу им преградил другой экипаж. Неловкая заминка, когда кучеры пытались разобраться и не дать лошадям столкнуться друг с другом. Ещё один поворот – и они пропали с моих глаз.

Что это было? Как будто меня стремились отделить от сопровождения. Экипаж тем временем запетлял по таким закоулкам, которые вряд ли вели к главной храмовой площади. Уж больно дремучие и не всегда светлые. То и дело через окна долетал слабый запах нечистот, хоть на главной улице я такого не замечала. Крыши плотно стоящих друг к другу домов почти смыкались наверху.

Резко стало страшно. Не то чтобы я хотела замуж за Хилберта, но и на подобное не подписывалась! И потому захотелось вдруг, чтобы всё вернулось на обозначенную дорожку: ту, на которую я решилась, вступив в договор с собой.

– Что происходит?! – Я снова выглянула в окно. – Куда вы меня везёте?

Кучер не ответил, как и лакей. Только подогнал лошадей, карета промчалась по очередному узкому переулку, едва не шаркая боками о стены домов и заставляя редких прохожих прижаться к ним, а меня – спрятать голову. Затем свернула – и ещё. Ещё. Пока я не перестала считать повороты и следить за ними.

Я даже подёргала дверцу экипажа в надежде, может, выпрыгнуть на ходу: по городу он ехал не так уж быстро. Но та оказалась заперта. И вторая, конечно, тоже.

– Помогите! – крикнула я что было силы, снова высовываясь в окно, как только улица стала шире.

Но вокруг, как назло, никого не оказалось. Прямо перед лицом щёлкнул хлыст – и я отшатнулась назад.

Вдруг Ривервот оборвался, словно цветная салфетка, и карета выкатилась на широкую дорогу, которая уводила вдоль озера в даль. Ясную, солнечную, хоть и неизвестную мне. В груди пронеслась очередная волна смятения напополам с подступающей к горлу паникой: во что меня только что втянули? Ведь когда Хилберт узнает...

Божечки. Я закрыла лицо руками, упревшись локтями в колени. Выпрямилась, ударила кулаком в обитую мягкой тканью стенку кареты – и вернулась в то же положение.

Я даже представить себе не могла, что ждёт меня дальше. Постоянно выглядывала то в одно окошко, то в другое – в надежде, что скоро покажется погоня. Но, похоже, улизнули мы из города так ловко, что нас, возможно, теперь вообще не найдут.

Тот, кто решил меня похитить, позаботился и о незаметности тоже. Как только карета отделилась от Ривервота на несколько километров, мы съехали на боковую дорожку и скоро остановились в заросшей густым кустарником глуши. Там ждала другая карета, не такая роскошная и бросающаяся в глаза.

Мужчины спрыгнули с козел и едва не волоком вытащили меня из экипажа. По-другому не могло получиться, потому что я упиралась всем чем можно, выворачивалась из рук, хоть и не знала толком, что буду делать, если вдруг освобожусь.

Меня запихнули в другую повозку, захлопнулась дверца – и мы снова тронулись. Покружили по каким-то давно не езженным тропкам и выкатились на хорошую дорогу.

Всё становилось только хуже. Теперь я вообще представить не могла, в какой стороне Ривервот. И от этой мысли тянуло где-то внутри, царапало. Отчего-то представилось, как ждёт меня в храме Хилберт, и ему сообщают вдруг, что я снова сбежала. Можно было только предположить силу его ярости. Но сейчас я хотела, чтобы он отправил кого-то на поимку меня. Пусть! Я выдержу его взгляд, выдержу упрёки и, может, сумею убедить в том, что на этот раз не виновата. Только бы не эта глухая неизвестность впереди.

Я ёрзала на сиденье, то и дело цепляясь пальцами за край окошка и выглядывая в него. Но всё проносилось перед глазами лишь неразборчивой желтовато-рыжей полосой, не занимая внимание. Тогда я откидывалась на спинку и глядела в обтянутый бархатом потолок, водя ладонями по гладкой коже дивана, надавливая на пуговицы и проводя пальцами вдоль

прострочки. И в голове становилось совсем пусто. Мелькали мимо даже какие-то деревеньки, где мы не останавливались. Сельчане только провожали заинтересованными взглядами стремительно мчащийся экипаж, подобные которому, наверное, редко появлялись в окрестностях.

Но наконец мы всё же остановились – можно сказать, в лесу, посреди усыпанной листвой дороги. Последняя деревушка проскочила мимо окна с полчаса назад: я наблюдала за этим очень внимательно, неизвестно на что надеясь. В карету заглянул тот самый загадочный лакей, поклонился почтительно, храня на губах вежливую улыбку, поставил передо мной какой-то ящичек и парой движений соорудил из него походный, но всё же достаточно большой столик. Только и ахнуть остаётся. Не то чтобы я не видела никогда раскладных столов, но почему-то здесь меня факт их наличия немало удивил.

– Простите за скромную трапезу, – начал оправдываться мужчина, который так пока мне и не представился: наверное, не считал нужным. А может, это было просто предосторожностью – кто знает. – Надеюсь, к вечеру мы доберёмся до нужного места, а там вы сможете отдохнуть и поесть как следует. Нам не велено останавливаться в селениях. Пока что.

– Кто меня похитил? Сейчас-то можно сказать! – Я постаралась сохранить спокойствие хотя бы в голосе.

– Узнаете. Когда придёт время.

С этими словами мужчина выложил передо мной горшочек с чем-то вроде жаркого – ещё слегка горячий. Солидный кувшин, обёрнутый слоями ткани, чтобы хранил тепло – там оказался уже знакомый мне напиток, похожий на чай, но опять же с необычным привкусом какого-то фрукта. Рядом с посудой положил тканевую салфетку и чистые деревянные приборы. Я только и наблюдала за его быстрыми ловкими движениями, медленно и по возможности незаметно наматывая шлейф на запястье.

Лакей так увлёкся своим занятием, что перестал обращать на меня внимание. Вот тогда-то я пинком опрокинула столик на него. Оттолкнула, когда он полетел обратно в меня. Сорвалась с места и, неприлично задирая подол, выскочила из кареты, не боясь даже свернуть себе шею. Кучер выругался на всю округу, а лакей – ещё громче, вываливаясь вслед за мной. Я понеслась через заросли вглубь, стараясь всё же не обезуметь совсем и не потерять ориентир – дорогу. Только по ней я смогу вернуться в деревню, а там уж попросить помощи.

Одновременно я пыталась высмотреть какое-то убежище, чтобы спрятаться, ведь в тяжёлом платье с длинным подолом, который цеплялся за что ни попадя, особо не побегаешь. Но пёстрый лес вокруг меня размывался жёлтыми солнечными бликами – и совершенно ничего нельзя было разглядеть в этой ослепительной ряби. И в красном наряде меня было, наверное, очень хорошо видно. Позади, к счастью, ещё в отдалении, звучали тяжёлые шаги и треск валежника. Мужчины ругались на чём стоит свет, окликали меня постоянно, пытались образумить.

Ну уж нет. Впутываться в неизвестную заварушку я не собиралась. Что бы ни двигало тем, кто меня похитил с собственной свадьбы, это точно не доведёт до добра. С таким-то подходом. И странно – мне хотелось к Хилберту. Непонятному, опасному и неизведанному – но уже даже немного привычному. Уж лучше с ним. Пока что с ним.

Вдруг до слуха донеслось будто журчание воды. Наверное, где-то рядом река. Я кинулась на этот звук с новыми силами, пытаясь задрать подол ещё выше, уже едва не до пояса – но так бежать удобнее. Едва не рухнула вниз с обрывистого берега. Обернулась. Где дорога? В какой стороне?

Найду по солнцу: отметить, с какой стороны оно было, я тоже успела. Было время.

Я сползла почти к самой воде и побежала вдоль русла, по мягкой, проминающейся земле – в укрытие невысокого обрыва. Даже, кажется, в сторону дороги. Не замечала, сколько уже несусь так: до ломоты в ногах и страшной сухости в горле. В голове гудело, а тело покрылось липким потом. В какой-то миг я просто рухнула под высоким, клонящим ветви к воде кустом, посреди острой травы мне по пояс, напоминающей осоку. Отползла в тень. Всё. Больше ни шагу сделать не могу!

Прислушалась: вокруг почти тихо. Только шумит лес кругом. Словно стекляшки в калейдоскопе, перебирает ветер листву и обрывки солнечных лучей. В груди тяжело ворочалось жгучее дыхание, казалось, что меня сейчас просто разорвёт на части, сердце остановится – и всё. В голове пульсировал влажный жар. По вискам тёк пот, а платье прилипло к спине.

Не знаю, сколько я сидела так, остывая и помалу начиная дрожать от озноба. Показалось, почти уже задремала, совершенно вымотанная этим кроссом через лес. И, наверное, поэтому не сразу услышала, как ко мне приблизились осторожные шаги.

– Кто это тут у нас?

Я вздрогнула, открывая глаза.

Меня схватили, поднимая с земли. Сковали кольцом рук поперёк груди и потащили наверх, из речной низины. Там ждал кучер. Завидев меня и своего товарища, он оживился и быстро пошёл впереди. Я жестоко, самыми последними словами, укорила себя за слабость. Что не смогла совладать с усталостью и потеряла бдительность. А сейчас только и оставалось, что хотя бы не расплакаться от досады.

– Пустите! – то и дело вскрикивала я, вырываясь. – Я не хочу никуда ехать!

По коже раз за разом прокатывались упругие волны уже знакомой силы, за использование которой меня однажды укорила Дине. Но пленители её даже не чувствовали, кажется. По крайней мере, их поведение никак не менялось. Значит, обычные люди. И им на силу моей воли плевать.

– Вам никто не желает зла, – уговаривал меня лакей, продолжая подталкивать, а иногда и волочь за собой.

Скоро показался просвет, деревья расступились – и мы вышли к оставленной карете. Меня усадили обратно. Выгребли из экипажа остатки неудавшегося обеда и оставили одну. Карета снова тронулась. Но проехала немного, может, всего пару километров, как начала замедляться. Хотя я и не видела своих сопровождающих, а всё равно ощутила, как они напряглись.

Мужчины обсудили, что делать, но решения толкового, похоже, не нашли. Я, уже опасаясь того, что увижу, выглянула в окно: вдалеке прямо посреди дороги стояло с десятков всадников. И чем ближе мы подъезжали – всё медленнее и медленнее, – тем ослепительнее становилась радость, которая хлынула от сердца по всему телу, измочаленному беготней. Всё-таки задержка оказалась не бесполезной. Потому что это были не просто всадники, а Стражи. И впереди них стоял Алдрик. Одетый по-парадному, в короткий светлый камзол, украшенный вышивкой, с блестящими, может быть, даже золотыми, пуговицами. В мягкие штаны из явно дорогого сукна. И в сапоги, начищенные до благородного тусклого блеска. Он даже остриг бороду, чёрт возьми – теперь она только аккуратно обрисовывала его широкий подбородок. Но всё это сияние скрадывал мрачный взгляд Стража. Гораздо более мрачный, чем раньше.

Карета остановилась вдалеке от встречающих её мужчин. И чего я точно не ожидала, так это того, что кучер с лакеем резко прыгнул с козел и бросится в разные стороны. Метнулись они к кустам так быстро, что я и сообразить ничего не успела. В тот же миг Алдрик вскинул висящий у седла лук и выстрелил. Кучер со стрелой в спине едва не кувыркнулся через голову, пропахал лицом землю и замер, распластавшись у обочины. Второй же успел скрыться.

Страж парой резких жестов отправил трёх подручных следом.

– Не убивать, – бросил им в спины. – Как изловите – везите в Ривервот.

И всадники скоро скрылись между деревьями. Стих топот копыт.

Я наблюдала за всем этим, словно в кино аймакс. Всего несколько мгновений – и чьи-то судьбы решились так легко. Алдрик спешился и медленно пошёл ко мне. Я вздохнула с облегчением и, выпрямив спину, открыла дверцу.

– Я очень рада вас видеть, мениэр! – попыталась улыбнуться, хоть и понимала уже, что, несмотря на спасение, ничего хорошего меня пока не ждёт.

– Правда? – усомнился Страж.

Только я опустила ногу на первую ступеньку кареты, как Алдрик поймал мою руку, позволяя опереться на его ладонь. Прохладный ветер пронёсся вдоль дороги и, тронув мою чуть оголённую спину, заставил поёжиться. Всё ж не май месяц на дворе.

– Поймай я вас раньше, мейси, я возможно, и не сказал бы мениэру ван Бергу о вашем побеге, – спокойно проговорил Алдрик, глядя на меня с высоты своего роста. – Сразу. Не стал бы портить вам день свадьбы. Которому вы, судя по всему, вовсе не рады. Но теперь она сорвана. И все гости уже знают о вашей выходке.

– Я не сбежала. Меня похитили. Если хотите, можете снова запихнуть меня в ванну с соком шадрумы. – Я чуть сильнее вздёрнула подбородок, пытаясь выказать упрямство и скрыть лёгкий страх.

Главное, чтобы мои слова были убедительными. Но сложно убедить в своей правоте того, кто уже заранее верит в мою вину. Хоть, если приглядеться, легко можно заметить мой потрепанный вид.

– Нет. Второго раза вы не вынесете. – Страж помолчал, а после склонился к моему лицу. – Кто вам помог сбежать?

Я плотнее сжала губы. Вот сейчас та задница, в которой оказалась, значительно углубится. И хотелось бы обвинить кого-то. Скорей всего, Тейна Мейера. Но, не имея доказательств, я не могла пойти на такой шаг. А вдруг он не виноват?

– Я не знаю... – начала говорить было, но мужчина хмыкнул, заставив замолчать.

– Ничего. Может, знает ваш сбежавший подручный?

– Он не мой подручный.

– Думаю, мы скоро это выясним. Но в любом случае тот, кто всё устроил, достаточно влиятельный человек. Заказать вторую карету у мастера, чтобы она подменила ваш экипаж и отвлекла погоню, – на это не каждый сподобится. В итоге она приехала к месту церемонии пустая. Без стражи. А кучер тут же сбежал и затерялся на улицах Ривервота. Его ищут.

– Повторяю. Я не знаю, чьих это рук дело. – Я дёрнула плечом. – Так и передайте мениэру ван Бергу. Я не виновата.

Наверное, в моем голосе было больше усталости, чем напора. Но сил на яростный спор уже не осталось.

– Вы сами обо всём ему расскажете, – покачал головой Алдрик. – И, боюсь, ваша жизнь после свадьбы может стать теперь гораздо сложнее. Потому что таким злым я мениэра ван Берга ещё никогда не видел. Но вы встретитесь с ним чуть позже. А сейчас сядете обратно в карету и поедете в Ривервот. Церемония перенесена на завтра.

– Наверное, я не смогу пойти на церемонию в таком платье? Не находите? – Я расправила подол, показывая, в каком он плачевном состоянии.

Страж окинул меня взглядом – наконец-то более внимательным, не подёрнутым пеленой гнева и раздражённой усталости.

– Хотите сказать...

– Хочу сказать, что я больше часа бегала от этих мужиков по лесу! – резким взмахом руки указала в сторону мёртвого кучера. – Посмотрите, ну! И я понятия не имею, кто меня увёз. Понятия не имею, куда подевались те Стражи, что меня сопровождали. Это же были ваши люди. Вы назначали их, разве не так? Спросите Дине! Она должна была что-то видеть! Хватит считать меня козлом отпущения во всём, что творится вокруг вас! Как же вы все меня достали! Алдрик вскинул брови.

– Козлом отпущения? – переспросил слегка растерянно.

Я махнула рукой: забыла, что здесь таких выражений, конечно, никто не знает, и смысл их для местных непонятен.

– Вы считаете меня виноватой во всём! И тыкаете пальцем в первую очередь в меня. Сколько можно? Послушайте меня хоть раз!

Страж поднял ладонь, пытаясь меня остановить.

– Хорошо. Успокойтесь, – сказал он обречённо. – Дождёмся поимки второго беглеца. Его привезут в Ривервот, а пока прошу вас вернуться в карету. Пока мы доберёмся до города, будет уже совсем поздно. А вам и всем остальным надо ещё отдохнуть.

Ну что ж. Хорошо, что он всё же остудил голову и включил мозг. На негнущихся, словно сухие палки, ногах я вернулась в экипаж. Даже спину ломило от того, как хотелось обернуться на Алдрика, убедиться, что он и правда здесь. Что это не сон, и всё закончилось. А значит, не будет встречи с неизвестностью впереди. Зато будет встреча с Хилбертом, ещё одним упрямым.

Весь обратный путь я сидела в карете, как бездумная кукла – мысли погасли. Скоро совсем стемнело, а дорога всё никак не заканчивалась. И уже, показалось, глубокой ночью шаткая загородная колея сменилась наконец сначала хорошо укатанным трактом, а затем и вовсе твёрдой мостовой. Тело, вконец измученное беготнёй, долгим сидением и постоянной, пусть и не такой, как обычно, сильной тряской, почти в голос застонало, требуя отдыха. Пусть меня вывалит сейчас на эту брусчатку, а я лягу и усну, не пошевелюсь даже, чтобы принять более удобное положение.

Мы остановились у какого-то постоянного двора, кажется. Хотя я рассчитывала, что меня привезут к дому антреманна – как минимум. Алдрик открыл дверцу и отошёл в сторону, помогая выйти.

– В доме Феддрика ван Стина нынче очень много гостей, которые должны были разместиться в Волнпике, но вынуждены остаться здесь, – предугадав мои мысли, пояснил он.

– Мениэр ван Берг тоже там? – вяло поинтересовалась я.

Наверное, важного гостя антреманн пожелал оставить при себе.

– Нет, он встретит вас здесь.

Вот тут-то меня и ударило холодной колотушкой между лопатками. Похоже, после долгой дороги меня сразу ждёт ещё и совсем не приятный разговор. А ведь хотелось оставить его хотя бы до утра. И убедить в чем-то злого Хилберта будет гораздо сложнее, чем отдохнувшего. Страж провёл меня внутрь, а его сопровождающие двинулись за нами на некотором расстоянии, тихо переговариваясь. Миновав харчевню на первом этаже, мы через боковой ход вышли сразу на лестницу, что вела к номерам. Этот постоянный двор выглядел гораздо лучше, чем тот, где приходилось останавливаться в прошлый раз. Его можно было бы даже счесть за стилизованную под старину гостиницу, попадись он мне в моём мире. Всё аккуратно и чисто – даже в коридоре. И светло – что позволило заметить тёмные пыльные разводы на светлом костюме Алдрика.

Я старалась не волноваться. Хилберт всё равно ничего мне не сделает: я нужна ему по-прежнему. Но и потреплет нервы изрядно, даже если поймёт, что я не виновата. И потому сердце колотилось, как ошалевшее, гоняя по телу адреналин. Становилось то жарко, то холодно. По мокрой спине бегал озноб. Я даже обхватила себя руками за плечи – и Алдрик покосился на меня с лёгкой насмешкой во взгляде. Он коротко постучал в одну из дверей. Отрывистое разрешение войти, тон, которым оно было произнесено, не оставили даже доли сомнения в том, что Хилберт крайне разозлён. Что делать, придётся готовиться к крепкой стычке, потому как отступать без боя я сегодня не собиралась. Хватит с них моей доброты и терпения!

Страж открыл дверь, пропуская меня мимо себя, а потом сразу затворил её, войдя тоже. Ван Берг сидел у большого круглого стола посреди комнаты, закинув ногу на ногу, и раздражённо покачивал носком сапога. Алдрик подошёл к нему, склонился и что-то тихо сказал. Хилберт, приподняв бровь, окинул меня внимательным взглядом и встал.

– Можешь идти, Алдрик. Позвольте узнать, что привело вас в столь плачевный вид, мейси? – спросил без издёвки, будто ему и правда было интересно.

– Сбежать пыталась. – Я подошла ближе, весьма удивлённая его спокойным тоном. – Только не от вас. А после того, как меня похитили по дороге на церемонию.

Взгляд Хилберта ещё раз скользнул по моей фигуре сверху вниз, медленно, оценивающе. Конечно, видок у меня был не ахти. Но всё равно на миг представилось, как смотрел бы на меня Антон, когда увидел бы первый раз в свадебном платье. Какие чувства отражались бы на его лице? Сейчас я видела в глазах Хилберта – странно! – восхищение. Только, наверное, отравленное горечью от осознания, что церемония была сорвана.

– Несмотря ни на что, вы очень красивы в этом платье, – вынес вердикт йонкер. – Очень. Жаль, момент вашего появления в храме теперь испорчен. Завтра будет уже не то.

Он обошёл вокруг стола, а мне только и оставалось стоять и наблюдать за ним, всё сильнее поражаясь. И гадать, что ждёт меня дальше. Пока, кажется, ничего страшного не происходило.

– Не суетитесь, мениэр. – Мой голос печальной насмешкой разлился по комнате. – На вас невозможно смотреть. Я очень устала. Как и вы, наверное.

– Вы сейчас можете думать что угодно, мейси. – Хилберт не остановился. – Но я беспокоился не только о том, что лишился невесты. Но и о вас.

– Быть того не может! – Я невольно провела кончиками пальцев под краем лифа. Показалось, даже тесьма, которой он был обшит, начала колоть кожу.

Хилберт проследил взглядом за моим жестом.

– Представьте себе. Мне всегда казалось, ваша взбалмошность так или иначе доведёт вас до самых больших бед. Теперь понимаю, что не так уж и ошибся. Сбежать в лес от похитителей было неосмотрительно. Вы могли заблудиться или пострадать. Но, с другой стороны, это помогло Алдрику быстрее вас нагнать. Получается, я должен сказать вам спасибо?

– Можете попробовать. Это для вас непривычное слово, как я поняла.

Хилберт усмехнулся.

– Я повременю. Потому что всё случившееся даёт мне право думать, что о многих ваших знакомствах я не знаю. И это грозит мне новыми проблемами. Я буду вам благодарен гораздо больше, если вы мне о них расскажете.

– Я не знаю, кто меня похитил, мениэр. Но, думаю, у вас много недоброжелателей.

– И вы правда не сбегали сами? Платье – не слишком хорошее доказательство. Его можно было испортить нарочно.

– Можете посмотреть на меня поближе. Наверное, по мне видно, что я достаточно долго отсутствовала в карете. Когда убегала.

Ван Берг остановился напротив, ударил взглядом исподлобья. Медленно он поднял руку, вынул из моих волос сухой листочек и повертел его в пальцах. Покрывил губами, выражая сомнение и в этой улке. Я буквально ощущала его колебания, как упругие волны, что касались меня по всему телу.

Вдруг Хилберт шагнул ко мне резко и сгрёб пятернёй за шею. Толкнул, откидывая мою голову – и его твёрдые, безжалостные губы ударились о мои, плотно сжатые. Он укусил меня – чёрт побери! – несильно, но, ошарашенная этим нападением, я невольно поддалась, одновременно пытаюсь отпихнуть мужчину от себя обеими руками. Я чувствовала ладонями его напряжённую грудь. Горячую под тонкой тканью рубашки, судорожно вздымающуюся от ещё не схлынувшего гнева. Он вжимался ртом, сминая мои губы, едва не вгрызаясь в них. И его дыхание запикивало воздух обратно мне в горло.

– Несносная, – прохрипел Хилберт, на миг отстраняясь. – Чтоб вас... – И впился в губы снова, грубо размыкая их языком.

Я вцепилась пальцами в его плечи, силясь вывернуться, но другой рукой йонкер крепко удерживал меня за талию. Сколько же в нём силы! У меня в голове будто взрывалось что-то. Наверное, мысли – ни одной разумной не осталось теперь: все умерли. На меня ещё никогда не нападали с поцелуем так уверенно и нагло, никогда так жестоко – на грани боли. На самом остром крае, за которым захочется кричать. А по другую его сторону – стонать от нетерпения. Жуткое чувство, когда не можешь понять, что происходит и почему бунт и негодование внутри сменяются вдруг чем-то невразумительно горячим. Неужто память Паулине и тут решила сыграть очередную злую шутку со мной? Подсунуть её ликование от близости когда-то желанного ею мужчины.

Разжались пальцы на шее – и я тут же сделала шаг назад. Откинула от лица растрёпанные волосы.

– Вы ошалели?! Что вы себе позволяете?

– Вы же моя невеста. Хотел вам об этом напомнить. – Йонкер пожал плечами, отводя чуть пьяный, а может, просто усталый взгляд. Ведь уже глубокая ночь. – Надеюсь, дальше от вас будет чуть меньше забот? А со своими недоброжелателями я попытаюсь разобраться сам. И отчасти этому поможет свадьба. Вы, кажется, раньше хотели, чтобы я стал вашим мужем?

– Всё поменялось. Мы поменялись местами – не находите? – Слова выплёскивались толчками из горла, будто кровь из разорванной вены. Я едва успевала переводить дух и осознавать. – Теперь вы хотите, чтобы Паулине дер Энтин стала вашей женой. А я не желаю стать только сосудом, из которого вы вычерпаете всё, что вам нужно. Не желаю ложиться жертвой на алтарь вашего честолюбия. И требую соответствующего отношения! Раз уж я ваша невеста.

Я едва удерживалась, чтобы не коснуться пальцами пульсирующих губ. И дыхание билось в груди, никак не желая успокаиваться.

– Моё честолюбие ни при чём! – Хилберт снова качнулся ко мне. – Стражи слабеют. Пустошь скоро выплеснется через стену гор. А вы говорите мне о честолюбии...

– Вы мне тоже говорите о многом, что было давно и не имеет теперь значения. – Я атаковала шагом навстречу. – Об ошибках, вспоминая которые мы ничего не исправим. Ничего! Только будем терзать друг друга, мучить новыми обидами, замешанными на старых. Которые давно протухли. Вот даже сейчас. Вы не хотите мне верить, хоть я не виновата! И вы это понимаете. Чёрт, как же тяжело дышать... Как хочется схватить его за грудки и потряхнуть – и пусть он даже не пошатнётся от моих усилий. Голову ощутимо кружило – наверное, мой предел выносливости близок.

– Прошлые ошибки привели к большим бедам, – немного спокойнее проговорил Хилберт, но голос его всё ещё вибрировал от ярости. Или ещё от чего? – Может, и сегодняшний случай – это их отголоски.

Он отворачивался от меня нарочно и хотел, видно, не смотреть, но никак не мог отвести взгляда. Я ясно чувствовала те усилия, с которыми ему приходится смотреть куда-то ещё. Хотя бы иногда.

– Как бы то ни было, когда вы вспоминаете их, вы мучаете и себя, и меня. Потому мне и правда было бы проще сбежать, чем терпеть всё это, хоть я и не сбегала. Проще кинуться с башни Волнника, чем жить там. Но я согласилась стать вашей женой, хоть могла отравить вам жизнь гораздо сильнее! И я всё ещё могу это сделать, если вы продолжите вести себя так же отвратительно.

Я всё-таки коснулась губ, ещё ощущая на них непривычный вкус и следы грубых прикосновений.

– Проще... Не всё даётся просто. Многое нам приходится преодолевать. – Хилберт вцепился пальцами в ворот рубашки и дёрнул его, едва не порвав. – Наступать себе на горло и бороться каждый день с тем, что сильнее тебя. С тем, от чего бежишь, но что настигает тебя снова и снова.

Меня ощутимо затрясло – мелко, неудержимо. Как будто я стояла сейчас на автобусной остановке в минус сорок, одетая слишком легко для такой погоды. А мой рейс всё задерживается где-то. Пробки, наверное.

– Вы не хотите помощи. – Я сомкнула руки, переплетая пальцы, усилием пытаюсь унять тремор во всём теле. – И мне не хотите помочь. Так чему удивляетесь?

– Именно что я не удивляюсь. – Мужчина вздохнул, дёрнув уголком рта в кособокой улыбке. – Всё же... кто он?

– Мне не сказали. – Я задумалась на миг. Чем мне грозит намёк на моего главного подозреваемого? – Но на вашем месте я поразмыслила бы над дружелюбностью отношения к вам семейств ван Стинов и Мейеров.

– Значит, слухи об отношении к вам младшего Мейера могут быть правдой? Или вы желаете настроить меня против Ренске? Что ж, я учту ваши догадки, мейси. – Йонкер всё же кивнул и махнул рукой на дверь: – Отдайте платье прислуге. Его почистят к церемонии. Я не хочу, чтобы завтра вы выглядели, как побирушка. Думаю, его можно спасти.

Глава 10

Хорошо поспать перед церемонией не удалось. Раным-рано меня разбудила Дине, которая, оказывается, ночевала на том же постоялом дворе. Признаться, я опасалась, что йонкеры затаят на меня обиду, и удивилась, когда увидела её перед собой, сморгнув последнюю сонливость с глаз.

– Нам многое нужно успеть, мейси. – Она махнула рукой двум служанкам, которые топтались у двери.

Те оживились, окружили меня и захлопотали, одна вперёд другой пытаюсь оказать мне какую-нибудь услугу. Я, всё ещё плохо соображая после почти бессонной ночи, проглотила какой-то завтрак, умылась, только и успевая выполнять все эти мелкие действия. Почти машинально.

Не иначе чудом одна из девушек привела мои волосы в порядок: тщательно расчесала и нанесла какой-то отвар, от которого они заблестели, будто только что вымытые. По комнате полился приятный цветочный аромат.

– Вы не злитесь на меня, мейси? – Я взглянула на Дине, когда она снова вернулась ко мне, уже почти готовая выезжать: только платье ещё не надела, оставалась в сорочке.

– А за что мне на вас злиться? Ведь вас хотели похитить. Конечно, в первый миг все решили, что вы сбежали. Но сейчас... Ночью привезли того мужчину, которого поймали в лесу. Он подтвердил ваши слова. И о том, что вы хотели улизнуть от него. И что скрывались.

– А имя? – Я тут же оживилась. – Имя того, кто всё это устроил?

– Сказал, что не знает. Что всё решалось через третьих лиц, – с сожалением вздохнула девушка. – Я лично выпарапала бы ему глаза, если бы узнала, кто он!

Она фыркнула тихо, выказывая негодование, и тем вызвала у меня улыбку. Сложно было представить, чтобы Дине вдруг кинулась выцарапывать кому-то глаза.

– Только после меня, – подыграла я ей.

– Еще ночью приехали те Стражи, кого Алдрик назначил вам в сопровождение. – Йонкери заглянула в зеркало, придирчиво осматривая меня и себя заодно. – Оказывается, их опоили. И вместо них, видно, поехали другие. Чьи-то подручные.

– И что же, никто не заметил, что это не те люди? Или половина Волнпика – продажные шкуры? – Я и хотела бы удержать яд, что прозвучал в голосе, но не смогла.

Обида на Алдрика была слишком велика. Этот громила постоянно был рядом, когда незримо, когда нарочно заявляя о себе. А в самый важный день предпочёл уехать с ван Бергом. Лично меня это наводило на определённые подозрения. Но, похоже, только не Дине.

– Что вы такое говорите! – возмутилась она. – Это скорее исключительный случай. Видно, кто-то очень давно готовился к такому ходу. Даже я не могла заметить незнакомые лица. Стражи сменяются в Волнпике достаточно часто. Алдрик был очень раздосадован таким поворотом. Его репутация пострадала. А для Стража его ранга это очень плохо.

Она набрала в грудь воздуха, чтобы сказать ещё что-нибудь в его защиту, но, заметив мой пристальный взгляд, остановилась и покраснела мгновенно.

– Хилберт не разрешает вам отношения с Алдриком, да? – Я понизила голос.

Йонкери махнула рукой, давая понять, что эту тему она обсуждать не собирается.

– Сегодня ваш день. И лучше поговорить об этом.

Служанка, которой вечером я отдала своё платье, и правда привела его в порядок. Оно выглядело теперь будто ни разу не надетое: чистое, даже по подолу, которым я успела смести достаточно древесной трухи с травы и зацепить прилично веток. Уж не знаю, сколько времени девушка на него потратила. Только и удивляться тому, какими такими хитростями ей удалось его спасти.

Когда я надела его – словно вернулась на день назад. И показалось даже, что не было всего этого. Не было неизвестности и беготни по лесу. Одно только казалось реальным: разговор с Хилбертом ночью. Вот он вёлся как будто в самую подкорку.

У крыльца постоянного двора меня снова ждала та самая карета. Казалось, она ещё пахнет свежим осенним воздухом тех лесов и полей, через которые довелось вчера проехать. Что на колёсах её, пусть и начищенных снова до блеска, ещё осталась пыль тех дорог. Но сегодня меня дожидался и экипаж Хилберта. Сам йонкер, ещё отстаивая какие-то обрывки традиций, не вышел ко мне, сохраняя положенную отстранённость, но и без присмотра, похоже, оставлять не собирался. А меня разбирало жуткое любопытство: так хотелось его увидеть.

Только перед самой площадью карета йонкера отделилась, вырвавшись вперёд – чтобы жених добрался до храма первым. Пока ехали до места, я сидела в повозке, закрыв глаза. Ничего не хотела видеть, ничего – запоминать. Запомнить на всю жизнь я должна была другую свадьбу. С другим мужчиной. Но всё же пришлось разомкнуть веки, когда экипаж остановился и открылась дверца.

– Мейси дер Энтин? Вы будете выходить? – решился окликнуть меня лакей, осторожно заглядывая внутрь.

– Нет, – ответила я из вредности, изрядно напугав этим слугу.

Но всё же выбралась из кареты, хватаясь за поданную мне руку. И тут же взгляд сам метнулся вверх, пытаясь объять весь массивный каменный храм разом. Показалось, он приходится младшим братом Волнпику. Те же тяжеловесные толстые стены, и башня – остроконечная, с арочными окнами на самом верху. Только вместо мутных стёкол в окнах – цветные витражи. Огромное крыльцо, совершенно пустое: никаких тебе толпящихся в предвкушении гостей. Никаких тёток с голубями и детворы, готовой подбирать монетки. Всё чинно и строго: ни пылинки на ступенях, ни одного опавшего листика, хоть поблизости и стоят деревья. И даже прохожие как будто обходят храм, стараясь не переступить без надобности некую невидимую черту, что отделяла его от остального мира.

Лакей отпустил мою руку, позволяя дальше идти самой. Неожиданно у дверей, куда, наверное, могло проехать целое стенобитное орудие, меня встретила прислужница храма. Остановила, сдержанно, но приветливо улыбаясь. И отчего-то её лицо, ещё не слишком старое, но уже выдающее солидные годы, показалось мне неприятным. А особенно маленькие глаза, острые, тёмные, как две дыры в червивом яблоке.

– Церемония начнётся, как только вы переступите порог, мейси, – проговорила она степенно. – Просто идите к жениху. А когда остановитесь у алтаря и служитель закончит слова Единения, отдадите мужу вот этот ключ.

Она протянула мне на раскрытой ладони небольшой золотистый ключ, подвешенный к чему-то вроде браслета. Назначение его я осознала плохо, даром что бегала в библиотеку якобы для изучения свадебных обрядов – было не до них. Но раз сказали сделать так, значит, надо так сделать и не задавать лишних вопросов. Женщина сомкнула браслет на моём запястье, и я повертела его, разглядывая застёжку: не сразу поймёшь, как её потом открывать. Какой-то больно хитрый механизм. Не случилось бы неловкой заминки, когда придёт срок отдавать его Хилберту.

От мысли о йонкере внутри что-то ещё раз перевернулось, вздрогнуло – и меня обдало жаром. Не к месту полезли в голову воспоминания о вчерашнем поцелуе – о, как он был на меня зол! Но неведомым образом это будоражило: лёгким страхом с привкусом запретности. А ещё эта утренняя его загадочность – и рядом как будто, и на расстоянии.

Пока я рассматривала браслет, женщина куда-то пропала, словно и не было её вовсе. Я огляделась на всякий случай и вошла в храм. Медленно, протискиваясь между широко распахнутыми створками дверей, как в горлышко бутылки. Заставляя себя идти – шаг за шагом. Тихо играла музыка внутри. Приятная, переливчатая – совсем не похожая на наш марш Мендельсона. Звучала она удивительно деликатно для такого торжественного дня. Обстановка оказалась неожиданно сдержанной, даже аскетичной. Никакого золота, как в храмах моего мира, никаких фресок или икон. Только два мужских силуэта без лиц у дальней высоченной стены, что возвышалась за алтарём. Один, видно, из белого мрамора, держал в руках солнце, другой – выполненный из тёмного камня – луну. Они соприкасались, одеждами и светилками, которые смыкались, образуя нечто единое. Наверное, как Инь и Ян. Через удивительным образом встроенные в арочном своде витражи на солнце и луну падали лучи света, заставляя сиять, почти как настоящие.

Я всё шла по широкому проходу, между гостей, которые сидели вдоль рядов широченных квадратных колонн, строгих, гладких – без украшений. Откуда именно доносилась струнная музыка, так и не могла понять, как ни крутила головой. Будто она лилась со всех сторон разом, струилась сквозь сам камень, из которого был сложен этот храм.

Никто не толкал меня в спину, не заставлял идти, но всё происходило будто не со мной.

Красное платье слепило глаза, играя совершенно невероятным закатным оттенком в чистом и густом свете, который наполнял всё вокруг. Легонько бился о ладонь ключ, висевший на запястье. Я чувствовала кожей его завитки, его прохладу и гладкость золота. На миг обхватила пальцами, сжимая до боли – чтобы отрезветь. Но не получалось. Вновь начало чудиться, что это сон, который вот-вот закончится. Что я очнусь хоть где-то, но дома. Да хоть на помойке среди бомжей. Но в знакомом мире, среди понятных людей. А может, и на собственной церемонии. И передо мной будет стоять Антон.

Я попыталась вспомнить его лицо. Но непроницаемая завеса, сила этого места как будто даже образ жениха – настоящего – не пускала в голову.

Подняв взгляд от гладкого каменного пола, на фоне которого подол моего платья казался лужей крови, я увидела наконец Хилберта. Перед аркой из переплетённых ветвей какого-то дерева, смутно похожего на дуб. Йонкер стоял как будто у входа в другую жизнь. Наверное, так и было. Он ждал меня, чтобы ступить в неё вместе – а я почти спотыкалась на каждом шагу.

Хилберт был ослепителен в этом алого цвета камзоле из тончайшей замши. Богатая серебристая вышивка на груди и по обшлагам сверкала на свету, словно драгоценная. На поясе висело оружие в красивых ножнах, начищенное, без единого отпечатка пальцев на сияющих рукоятках: меч и тот кинжал, что я уже видела раньше. Мягкие, как будто даже бархатные брюки обрисовывали его бёдра; жёсткие сапоги до колен придавали ещё больше твёрдости позе.

Я оглядывала его беззастенчиво, потому что – кого обманывать? – было на что поглазеть.

Словно я вдруг оказалась в выставочном зале и теперь могла вдоволь рассмотреть экспонат.

Про таких мужчин подруга говорила «глаз отдыхает», потому что не может зацепиться ни за один видимый изъян. Пусть они и есть, если присмотреться внимательнее, отдельно к каждой черте – но вместе выглядят настолько гармонично, что и не хочется этого делать.

И отчего-то мне казалось, что многие девицы, что были среди гостей в храме, сейчас разделяют моё мнение.

Я остановилась напротив него, всё стискивая в ладони ключ – и казалось, что от него на коже навсегда останутся следы. Из-под неожиданно густой тени углубления в стене, где, наверное, скрывалась некая дверь, степенно вышел пожилой служитель со свитком в руке. Развернул его, расправляя на кафедре, украшенной цветами. Удивительно, но они совсем не пахли, будто искусственные. Я даже присмотрелась украдкой – нет, живые. Может, от волнения просто притупились все чувства?

И тут гости вздохнули тихо все разом. Кажется, пытались сдержать удивление, но не получилось. Мы с Хилбертом одновременно повернулись ко входу в храм: на мгновение задержавшись в светлой арке ворот, внутрь вошла Ренске. В красном платье. Конечно, несравненно более скромном, чем моё свадебное, но недвусмысленно выдающем задуманный ею эпатаж. Вот это номер! На свадьбе бывшего жениха её точно никто не ждал.

Она не смотрела ни на кого, кроме Хилберта. И всё это эффектное появление было спектаклем в первую очередь для него. Я только успела заметить, как на миг он сжал кулаки и коротко втянул носом воздух. А потом просто отвернулся, безжалостно разрывая их с Ренске зрительный контакт. И тогда взгляд девицы обратился ко мне. Может, она хотела убить меня им на месте, да не рассчитала сил – но то, что она хотела в него вложить, я прекрасно прочитала. И сильной раздражающей волной прокатилось по спине её нарочитое внимание. Я улыбнулась Ренске, надеясь, что вышло достаточно гаденько – и прежде чем отвернуться, увидела, как презрительно искривились её губы.

Она уселась рядом с антреманном, который оглядывал сестру с яростью и негодованием. И вновь стало тихо.

Служитель заговорил как ни в чём не бывало: размеренно, но вдохновенно. О том, что из мудрости и любви Хельда Светлого родились однажды необычные мужчина и женщина. Они дополняли друг друга, чтобы защищать мир от гнева Шада, от порождений его тяжёлого дыхания. Страж – сильный воин, способный победить существа, которые обычный человек одолеть не сумеет. И Ключ – женщина, которая одаривает его своей благодатью, открывая в нём способности, которых он раньше в себе не ведал. Они остаются связаны на всю жизнь. И Ключ в руках Стража – и должно хранить его, потому как силён воин в полной мере, только когда тот жив.

Наверное, поэтому Маттейс утратил некоторые силы после смерти жены. Потому и беспокоился сначала тем, чтобы сын его взял в жёны Ключ, а затем и сам решил жениться, как старший рода, чтобы поделиться своей силой с остальными. Ключи смертны, как и другие люди. И задача Стража – продлить его жизнь так, как это будет возможно. Наверное, это сродни нашему обещанию поддерживать друг друга в печали и радости, в достатке и бедности – и тому подобное. Здесь эта клятва приобрела другое звучание.

Я слушала приятный голос служителя и смотрела в лицо Хилберта – казалось бы, совершенно невозможное и неподвижное. Он не отводил взгляд, но никак не удавалось понять, что он чувствует. Может, и ничего. Может, в его душе такая же пустота по отношению к Паулине, какая была несколько лет назад, когда она так хотела, чтобы он обратил на неё внимание и стал её мужем.

– Возьмитесь за руки, – мягко велел служитель.

Хилберт протянул мне ладонь, и я осторожно опустила на неё свою, всё так же разглядывая его. Не знаю, что хотела увидеть. Может быть, хоть единый проблеск эмоций, которым он поддался вчера. Ключ на моём браслете ударил по его запястью, соскользнул – и йонкер плотнее сжал губы, словно это ощущение показалось ему неприятным.

– Вы отомкнёте ворота, – торжественно продолжил служитель. – И отыщете за ними новые силы, омыв ваши руки в источнике Шада и Хельда. Только вместе. Только так – до самой смерти.

Хилберт отвернулся и повёл меня дальше, мимо смолкшего в ожидании мужчины – прямо к той арке, которая и правда была закрыта тонкими коваными створками. Однако и тут не без символов: церемония – она и есть церемония. Я даже на миг почувствовала себя на обычной русской свадьбе, где порой организаторы проявляют большую фантазию, чем ворота в «новый мир».

Хилберт приподнял мою руку, а другой взял ключ, не отпуская её. Вставил его в замочную скважину и повернул. Но ничего не случилось. Не раздалось никакого щелчка, ни даже намёка на него – и ворота, понятное дело, не отворились. Брови йонкера сошлись к переносице. Он

надавил на ключ сильнее. Ещё немного – и тот с тихим звоном сломался. Ажурная головка осталась в пальцах Хилберта, и тот уставился на неё с каким-то странным испугом. Не злостью или удивлением – а со страхом, который вспыхнул в его глазах и разлился по лицу лёгкой бледностью.

– Плохой знак, – тихо, но вполне отчётливо сказал кто-то из гостей.

Служитель, который наблюдал за нами со своего места, быстро спохватился. Подбежал и вынул из кармана своего одеяния другой ключ. Протянул его йонкеру, но тот не сразу заметил.

– Простите, мениэр, – забормотал мужчина почти шёпотом. – Видно, в ключе был изъян. Такое редко, но случается. Попробуйте этим.

Он почти силой всунул тот ему в руку, а Хилберт вдруг перевёл взгляд на меня. Прищурился слегка, сильнее стискивая мою руку.

– Изъян, – усмехнулся. – Какие изъяны ещё есть в вас, мейси, кроме тех, что я уже видел? Другим ключом он быстро отпер воротца без единого усилия. Они послушно и бесшумно распахнулись, впуская нас в огороженное пространство у самой стены храма, у подножия изваяний богов. У их огромных ступней и правда находилось два источника. Один с тёмной, будто подкрашенной углем водой. Другой – светлый и голубоватый, как в бассейне. Всё так же не выпуская моей ладони, Хилберт провёл меня сначала к одному – и мы опустили в него сомкнутые руки, – затем к другому.

Если вода в чёрном источнике была почти ледяной, то в светлом оказалась как будто подогретой. Когда мы вынули из него руки, прозрачные капли медленно потекли по коже, точно масляные, а на безымянных пальцах – моём и Хилберта – помалу проступили узорные кольца, словно вплавленная серебряная фольга. На этом месте ощутимо щипало и даже как будто резало – всё сильнее и сильнее. Я прикусила губу, чтобы не зашипеть от боли. А уж удивление и вовсе постаралась не выказать.

Потом мы снова вернулись в зал. Нас встретила приятная и слегка виноватая улыбка служителя и внимательные взгляды гостей. Не все они смотрели на нас с радостью и одобрением. Первым среди них я увидела Тейна. Хоть он и пытался скрыть разочарование, а всё равно не мог – того и гляди Хилберт заметит его подавленность и злость, если пожелает присмотреться получше. А там и до понятных подозрений недалеко.

Но мысли йонкера, видно, были заняты чем-то другим. После последних напутственных речей служителя он не слишком быстрым, но уверенным шагом вывел меня из храма – под свет солнца, которое к полудню разродилось мягким осенним теплом. Там нас снова настигли гости и уже от души принялись поздравлять, пока молодые не успели юркнуть в карету. Хилберт только рассеянно кивал и улыбался на пожелания друзей, соратников и каких-то дальних родственников. Более сосредоточенно ответил лишь Феддрику ван Стину, который сначала пропустил многих вперёд, а затем подошёл сам. Видно, чтобы не толкаться.

– От души поздравляю вас. – Антреманн пожал руку Хилберту и даже слегка хлопнул его по плечу. – И вас, мейси дер Энтин, тоже... Ох, простите! Теперь к вам нужно обращаться «вроу ван Берг». Надо привыкнуть.

Он обеими руками стиснул мою ладонь, которая была свободна. Другая всё ещё находилась в плену руки Хилберта. Тот ни разу так её и не отпустил, будто боялся, что я сразу же испарюсь. Показалось, антреманн задержал своё прикосновение чуть дольше, чем требовалось. Его внимательный взгляд ощупал лицо, шею и чуть открытые плечи.

– Благодарю. – Я натянута улыбнулась и дёрнула руку. Осторожно, чтобы не обидеть его слишком резким движением, но и дать понять, что пора бы уже заканчивать с поздравлениями.

– Надеюсь, мы станем видеться чаще. – Феддрик отпустил меня, переводя взгляд на моего новоиспечённого мужа.

– С чего бы? – У Хилберта хищно дёрнулись крылья носа, но больше он ничего не сказал, только поклонился.

А затем быстро утянул меня в карету, в которой я приехала к храму. Мы сели напротив, наконец, разомкнув руки. Смотрели друг на друга долго и неотрывно, пока экипаж выезжал по главной улице прочь из Ривервота – в сторону Волнника. Там днём соберутся все гости, и начнётся веселье. Наверное, весьма относительное или показушное – кому как. Мне уж точно праздновать не хотелось. Хотелось выброситься из кареты к чёртовой матери и сбежать – теперь уж самой. Но это уже за гранью глупости.

Трепыхайся не трепыхайся, Поля, а ты уже жена. Жена, так его растак! И теперь надо детально подумать, как правильней и безопасней поступить дальше в обновлённых обстоятельствах. Я, уже было отвернувшись к окну, снова взглянула на Хилберта. Скорее можно расшибить себе голову о камень, чем манипулировать им. Давить на его зависимость от меня и моей близости? Угрожать? Или пытаться скорее подружиться, чтобы потом вывалить на него всю правду и заставить наконец поверить... Но пока отстранённый вид и холодный взгляд Хилберта не оставляли надежд проверить всё поскорей. Знать бы ещё, что на самом деле творится у него в голове.

Иногда мне казалось, что за всеми этими вечными тревогами я упускаю что-то важное. И просто забываю о том, зачем вообще мне нужно вернуться домой, потому что всё, что там осталось, начинало казаться незначительным и тусклым. Как будто, вечно гоня адреналин по крови, я уже начинала нуждаться в нём. Нуждаться в присутствии рядом этого мужчины, который непредсказуемее пороховой бочки. Нуждаться в опасностях, которые упирались бы ножом в спину.

Оказывается, мне с моим вечным цейтнотом дома жилось вполне себе спокойно. Уютно рядом с Антоном, у которого характер хоть и не сахар, но далёкий от этих полудиких нравов, что присущи местным мужчинам. И Хилберту – во многом больше других. Сейчас я вдруг осознала, что уже много месяцев, а может, и пару лет не испытывала рядом с любимым мужчиной никаких острых эмоций. Всё было спокойно – даже в постели. Случались, конечно, ссоры – а как без них, – но и те стихали быстро, чаще всего сходили на нет. Случались и романтические дни, наполненные нежностью и оторванные от окружающего мира. Порой я ловила себя на мысли, что Антону просто удобно... Удобно рядом со мной – привычной уже за шесть лет знакомства. И мне с ним тоже. Когда не надо ни о чём думать рядом с ним, задаваться вопросами и... гореть. Можно сказать, что это нормально. У всех так. Невозможно фонтанировать эмоциями всю жизнь и сношаться, как кролики, по три раза в день из года в год до сердечного приступа. Но сейчас я вдруг поняла, что потеряла ту грань в нашей с ним жизни, когда спокойствие и гармония превращаются в безразличие. Может быть, после возвращения в свой мир что-то удастся исправить, изменить? Или уже поздно?

– Привыкаете? – Голос Хилберта выдернул меня из размышлений.

Я не сразу поняла, с чем связан его вопрос, но догадалась, что просто-напросто всё это время сидела и смотрела на него неотрывно. Он уже слегка ослабил шикарный белоснежный платок, повязанный вокруг шеи, и расстегнул несколько верхних пуговиц рубашки. В дороге так удобнее, конечно.

– Приходится, – ответила, пожимая плечами.

Хилберт покачал головой с таким выражением лица, будто заранее знал ответ. Было сложно представить, как сложилась бы семейная жизнь его и Паулине, будь она сейчас на своём месте. Наверное, кто-то кого-то в итоге убил бы. Но волновать меня это не должно. Я надеялась, что именно замужество позволит убедить Хилберта в том, во что он верить никак не хотел.

Не слишком торопясь, мы добрались до Волнпика. В том зале, где уже однажды случилась поминальная трапеза после погребения Маттейса, теперь всё было украшено цветами, как и в храме. Удивительно! Ведь на дворе почти середина осени. Похоже, привезли откуда-то с южных краёв, а уж как сохранили – наверное, этого секрета мне не разгадать. Или вырастили в оранжереях, как бывает у нас? Несмотря на кажущуюся отсталость, этот мир хранил много сюрпризов, неподвластных моему уму.

Теперь на возвышении стояло два огромных кресла: одно чуть побольше, другое – всё же поменьше – для меня. На твёрдое сиденье заботливо была уложена подушечка – а то и правда за время пира зад превратится в кирпич.

Собрались гости, музыканты настроили инструменты – и веселье, нарастая с каждым глотком горячительного, скоро заполнило огромный зал. А я сидела рядом с Хилбертом, чувствуя, как он продолжает держать меня за руку, – и невольно прислушивалась к этим ощущениям.

Показалось, скоро я уже начала чувствовать каждую чёрточку отпечатка его ладони собственной кожей. Твёрдые мозоли на подушечках, небольшие заусенцы на пальцах. То и дело мы оба отвлекались, чтобы хоть что-то съесть или выпить – пусть аппетита не отражалось ни на лице мужа, ни на моём, наверное. Но стоило признать, повара расстарались нынче на славу: на столах стояла запечённая дичь с овощами и фруктами. Рыба – самых разных видов:

и неудивительно, ведь, как я поняла, недалеко отсюда море. Отчего-то остро захотелось его увидеть: похоже ли оно на то, что в моём мире? Наверное.

Пахло – чуть кисловато – вином. И пряно – особым, как я нарекла его про себя, пивом со специями. А местные называли его «инбьерт». С одной стороны, мне хотелось напиться. С другой – я понимала, что так окажусь совсем беспомощной перед тем, что будет происходить дальше.

Удивительно, но, несмотря на оживлённую музыку, поначалу никто не танцевал. Только позже несколько раз все гости прошлись вокруг зала с поворотами и кивками друг другу. Хилберт и меня повёл в этот круг, хотя я и понятия не имела, что надо делать, – благо разобраться оказалось несложно. А потом мы больше не вставали из-за стола на танцы.

Правда, этим не ограничилось. Как начался второй круг этого не слишком зажигательного шествия, от противоположного стола, за которым сидели женщины, к нашему подошла Ренске, ловко проходя между готовящимися к «танцу» гостями.

Её окликнул сначала Федрик, затем – кто-то ещё, но девица не обратила на предупреждение и малого внимания. Совсем потеряла то ли страх, то ли стыд.

– Позвольте и мне поздравить вас с обручением, – заговорила она издалека. – Я ещё не успела. И показалось, сейчас схватит со стола вилку и попытается воткнуть мне в лицо.

– Благодарю, мейси ван Стин. – Первым заговорил Хилберт, хоть у меня уже язык зачесался ответить ей как можно язвительней.

Может, выпитое вино всё же ударило в голову, а может, раздражение от вызывающего вида этой соплячки. Её красное платье я видела весь вечер. Оно впивалось мне в глаза, будто выедало их. Как мозг выедала мысль, что свадьба, кажется, не разорвала связь Хилберта с бывшей невестой. И она будет ждать мига, как я исчезну из его жизни. Или даже захочет помочь мне это сделать.

– Вроу ван Берг, – Ренске остановилась напротив, отделённая от нас столом, – если вы не против, то могу я попросить о милости пройти с вашим мужем круг ванделинга? В знак, так сказать...

– В знак чего? – Я прищурилась. – В знак вашей скорби об упущенном?

Хилберт сжал мою руку крепче, но вмешиваться не стал. Самые ближние к нам гости заметно притихли, с любопытством прислушиваясь к завязавшемуся разговору.

– ...в знак моего большого расположения к вашей чете. И давнего знакомства с Хилбертом. Я слегка подалась вперёд.

– Позвольте узнать тогда, в знак чего вы оскорбили меня сегодня, нацепив платье цвета, который предназначен только для невесты?

– Это напоминание. Всего-то, – беспечно пожала плечами Ренске.

– Думаю, здесь ещё никто не успел забыть. Потому ваши фортели бессмысленны.

Девица нехорошо улыбнулась, и тут Хилберт встал, отпустив мою ладонь. Неужели пойдёт с ней танцевать? Мало мне унижения на сегодня! Я подняла на него взгляд и встала тоже.

Поманила Ренске к себе взмахом руки. Девушка наклонилась, оперевшись о стол рукой.

– Хватит, мейси, демонстративно выражать вашу обиду на несправедливость этого мира. И пытаться меня задеть, – задушевно произнесла я, качнувшись ей навстречу. – Нельзя бросать в кого-то грязь и при этом не замараться. От ваших выпадов пострадаю не только я. Но и вы. А если вам плевать на нас, то подумайте хотя бы о Хилберте. Вы, кажется, ещё хотите заполучить его назад?

– Решили проявить участие?

– Просто хочу, чтобы вы от меня отстали. И не становились врагом самой себе. Это бесплатный совет.

Я старалась говорить спокойно, чтобы не показать, какая невероятная злость распирает меня.

Хотелось швырять посуду со стола, и желательно так, чтобы та летела прямо в эту наглую девицу. Не удивлюсь, если заминка с ключом в храме – её рук дело. И, кажется, Ренске немного, но всё же прониклась моими словами. Вот только не отступилась: с места не сдвинулась ни на шаг.

– Идите, мейси, – дав нам обменяться несколькими фразами, завершил эту сцену Хилберт.

Однако приятно меня удивил! Похоже, потакать ей он всё же не собирался.

– Но, мениэр... – начала было она заискивающе.

– Зря вы приехали в храм, – бросил йонкер и снова сел.

Его пальцы сомкнулись на моём запястье, и он потянул меня вернуться на место. Я повиновалась, буквально обливая Ренске ядовитым взглядом. Она улыбнулась коротко и присела в реверансе, после чего удалилась. Наверное, выслушивать укоры от брата, который всё это время наблюдал за нами с явным напряжением на лице.

Гости ещё некоторое время разговаривали тише обычного, потом всё снова вернулось к притихшему было гомону. Но вот к окнам зала подступил вечер, а там и ночь. Все уже навеселились и наелись до упада. Разговоры и смех начали стихать.

Хилберт склонился ко мне.

– Можно уходить.

Ладонь его скользнула чуть выше по предплечью. И захотелось отдёргнуть руку, как будто я неосторожно сунула её в кипяток. Стоило только пошевелиться, как все гости повернулись в нашу сторону, и их внимание тут же переключилось с разговоров обо всём на свете – на то, что должно было теперь случиться в супружеской спальне.

– Не затягивай там, Хил, – хмельно крикнул кто-то из мужчин. Довольно панибратски. – Покажи, что значит быть Стражем.

Но йонкер не разозлился, кажется. Не стал одёргивать и ставить на место зубоскала. Только усмехнулся, бросив взгляд в сторону, откуда прилетело пожелание, и повёл меня прочь из зала, как только я сумела протиснуться между столом и креслом.

Боже, это всё-таки меня настигло... Нет, а на что можно было надеяться?

Показалось, чем ближе мы подходили к покоям, которые теперь считались нашими общими, тем сильнее гневился Хилберт, хоть весь вечер хранил удивительное спокойствие. Его шаги становились резче и твёрже, а дыхание жарче. Он не смотрел на меня и сжимал мою руку в своей всё крепче, пока я не вскрикнула – только тогда отпустил. Скоро мы всё же дошли до высокой резной двери с массивным кольцом вместо ручки, зажатым в бронзовой пасти льва. Она распахнулась передо мной, как будто сама по себе. Изнутри слабо пахло какими-то благовониями. Не душно, но ощутимо.

Я прошла дальше в комнату, а Хилберт закрыл дверь, изрядно ею хлопнув. Прозвучали его шаги, приглушённые брошенными на пол шкурами, вероятно, медведя, – и он прошёл мимо. Не посмотрел даже, будто я снова успела перед ним в чём-то провиниться. Вот прямо сейчас, на этой свадьбе. Или пока шли до спальни. Хоть всё это было нужно мне не больше, чем ему.

Йонкер сел в большое, уютное на вид кресло у камина, перегнувшись через подлокотник, взял поленце и бросил его в огонь. А я так и осталась на месте, неведомо зачем поглаживая вышитую юбку свадебного платья. Казалось, оно висит на мне пудовой тяжестью – так хочется избавиться от него. И тут же пришла подлая мысль, что как раз сейчас мне и представится хорошая возможность это сделать. И как прийти в согласие с собственной совестью? Считать это изменой или нет? Ведь я не хочу того, что так или иначе должно случиться!

Хилберт наконец поднял на меня взгляд и демонстративно вытянул свои длинные ноги, обрисованные хорошо сшитыми сапогами. Приподнял брови вопросительно, словно его вдруг взяло недоумение. Я едва удержалась, чтобы руками не развести: чего он от меня вообще хочет? И только через секунду догадалась, заметив стоящий рядом с креслом серебристый, наполненный водой таз. Похоже, он ждёт, что я разую его и ополосну ступни? Очень интересный поворот событий. Вот же грехи мои тяжкие...

Конечно, я слышала о подобных старинных традициях многих народов, но именно сейчас это показалось мне замшелой древностью. Хотя, кажется, ничего особенного. И как-то позабылось, что менталитет женщины двадцать первого века здесь никто не оценит.

Голова тут же словно вспухла, и в висках застучало глухо. Вот сейчас, Поля, ты хлебнёшь сполна должного в этом мире смирения. Если поддашься.

– Ну? – подогнал меня Хилберт. – Хотите вы или нет, а церемониал надо завершить. Так что давайте закончим поскорей.

– Смотрю, вы сами относитесь к условиям скептически. Так, может, обойдёмся без них? – Я улыбнулась как можно более очаровательно.

Но это не помогло. Хилберт сжал зубы – и на его щеках дёрнулись желваки. Похоже, этот день изрядно его утомил, и он правда хотел завершить всё как можно быстрее, но и спуску давать мне не собирался.

– Хватит юлить. Что нужно, должно быть сделано. И простыню с вашей девичьей кровью я должен показать свидетелям – от этого вы не можете отмахнуться. Не стоит тянуть время. Я хотел бы лечь спать поскорей. У нас обоих был трудный день. Не считаете?

Я тоже так считала. Такого трудного дня у меня не было, наверное, никогда в жизни. Даже вчерашний не мог с ним сравниться. Ведь никогда в жизни я не выходила замуж за малознакомого мужчину. Да и не думала, что такое вообще может со мной когда-то случиться. Похоже, стоило сейчас засунуть гордость куда подальше и сделать то, что от меня требовалось. А о том, что будет потом, и думать не хотелось. Это натуральный сюрреализм. Такое даже Дали во снах не снилось.

Но я всё же не могла сдаться без боя.

– Я очень чту ритуалы, мениэр. Но, если позволите, хочу предложить вам немного их изменить. – Любопытствующий взгляд Хилберта неожиданно меня обнадежил. – Вы правы, мы оба устали за этот день. А потому можем сделать друг другу приятное. И ничем не нарушить традиции. Тёплой воды хватит на нас обоих.

Я указала взглядом на завернутый в полотенце кувшин, который стоял на столике рядом – из горлышка его ещё поднимался пар.

Показалось на миг, что Хилберт просто рассмеётся мне в лицо и явно не разделит моих взглядов на партнёрские отношения. Но раз уж я решила попробовать с ним подружиться, то почему бы не начать с мало-мальского равноправия?

Йонкер ожидаемо вскинул брови, всем своим видом выказывая недоумение.

– После сегодняшней склоки с мейси ван Стин, после всех ваших побегов вы предлагаете мне мыть вам ножки? Устали, значит? – Он стиснул пальцами подлокотники. – Отдохнёте – и за старое?

Каждое слово било меня по щекам, словно прутьями. Не согласится, конечно. Но, может, хотя бы меня освободит от ответных обязанностей? Со злости.

– Мне надоело видеть пренебрежение в ваших глазах, мениэр! Сейчас я, кажется, ваша жена.

– Моей женой должна была стать другая. – Снова под дых.

– Я в том не виновата!

– Это ещё как посмотреть.

– Если вы так считаете, то я не думаю, что обязана вам чем-то. И мир не рухнет от несоблюдения ритуалов, которые не нужны ни мне, ни вам.

– Так, значит... – Хилберт резко встал и прошёлся до столика. Опустил взгляд на кувшин и вздохнул.

А потом вдруг обернулся через плечо и уставился в пламя камина, словно хотел посмотреть на меня, но передумал. Кажется, злость постепенно отпускала его, и даже почудилось, что необходимость совместной ночи просто-напросто тяготит его, а потому он срывает раздражение на мне.

– Так что, мениэр? – Я постаралась вложить в тон как можно больше миролюбивости и улыбнулась, чувствуя, как дрожат губы.

Неизвестно отчего: от страха или пьяной мысли, что он, кажется, сомневается. Первым ответом мне стал долгий взгляд, которым Хилберт окинул меня с головы до самого края подола, что скрывал мои ноги. Между прочим, весьма красивые, как я успела рассмотреть раньше.

Он цыкнул тихо, закатывая глаза.

– Хорошо. Давайте попробуем. – И вернулся в кресло. – Только вы первая.

Хитрец, однако. Как бы не облапошил. Но выбора у меня, в общем-то, нет. Я подошла, чуть приподняв подол тяжёлого платья, откинула длинный шлейф и присела на одно колено, не сводя с Хилберта язвительного взгляда, надеясь, что от этого у него хотя бы в животе закрутит – а там, может, ночь эту придётся перенести. Хотя слабое утешение, конечно. Медленно стянула с йонкера один сапог, а за ним – другой, поставила нарочито аккуратно возле камина. Да хоть бы сгорели они, что ли! От пакостной мысли немного полегчало. Но никогда я не чувствовала себя так глупо.

Хилберт изволил слегка мне помочь: придвинул ближе таз с тёплой водой и висящим на крае полотенцем. Я вздохнула тихо, не в силах теперь поднять на него взгляд. Намочила ткань и обтёрла одну его ступню, невольно отметив её красивую, даже аккуратную форму, хоть, конечно, и не самого маленького размера. Затем обмыла другую – неспешно – и странное дело, занятие это вовсе не показалось таким уж принижающим моё достоинство. Было в этом что-то

интимное, что настраивало на особый лад и протягивало как будто некую нить между супругами. Будь они ещё поближе знакомы...

– Теперь вы, – посмотрела на него исподлобья, закончив.

И быстро, пока он не передумал, села в кресло напротив. Мы посидели так немного, глядя друг на друга: неужто всё же обманул, согласился лишь для того, чтобы я заткнулась? В таком случае это фиаско.

Но Хилберт вдруг встал, снял камзол и повёл плечами, глядя на меня сверху вниз так, что щёки полыхнули жгучим румянцем. Взял таз и прямо босиком прошёл через комнату – выплеснул воду в умывальник. Я, будто в каком-то странном сне, неверяще наблюдала, как он наливает в него новую, как берёт чистое полотенце из комода.

– В конце концов, это тоже жизненный опыт, – пробормотал Хилберт, усаживаясь прямо на пол передо мной: как-то по-свойски, уютно скрестив ноги. – Только не знаю, для чего он пригодится мне дальше.

Я не сдержала улыбки и приподняла подол только немного – почему-то стало неловко. Никогда особо не скрывала свои ноги в юности. Да и потом носила юбки с удовольствием – только уже до колена. А тут лишь открыла щиколотки – и задохнулась от непрошенной стыдливости. Что за чудеса?

Йонкер склонил голову набок, оглядывая их внимательно, опустил полотенце в воду.

Как освободил меня от ботинок и чулок – я даже не заметила, а может, и забыла вмиг, потому что никогда не думала, что одно прикосновение мужской руки к обнажённой лодыжке пронзит меня будто лёгким электрическим разрядом. Антон часто касался моих ног, когда вечерами мы дома вместе усаживались на диване и мне удавалось положить их ему на колени. Он гладил, массировал и щекотал порой – чего уж. Но ни разу в те моменты я не испытывала таких ошеломляющих ощущений. Даже перед глазами помутилось. Может быть, просто от понимания, что так проникновенно меня трогает другой? Хотя и тело-то, строго говоря, не моё – а всё равно как будто через некую грань дозволенного и запретного переступаю. Хмельное и пугающее чувство.

Хилберт легонько обвел большим пальцем круглую косточку щиколотки, сжал, мягкими массирующими движениями поднимаясь всё выше, а затем плавно провёл ладонью до середины икры – и обратно вниз. Он словно приглядывался и размышлял, нравится ему увиденное или нет. Но в какой-то миг вдумчивого исследования словно одёрнул себя. И тогда его движения стали гораздо резче. Он ополоснул мои ступни торопливо, но ещё удерживаясь от откровенной халтуры, и бросил полотенце на кресло за своей спиной.

– Вы довольны? – спросил отчего-то хрипло.

– Вполне, – едва просипела я.

И до того сильно захотелось попросить, чтобы он не убирал руки, что я почти уже решилась. Но Хилберт поднялся, и мне пришлось тоже вставать. Я едва не задохнулась от того, как близко он оказался. Меня буквально разбило на осколки его пронзительным, чуть раздражённым взглядом. Конечно! После того, что пришлось делать, переступив через себя и вековые традиции. Но тут йонкер молча и быстро распустил шнуровку спереди на моём платье, ослабил её пальцами и парой рывков содрал верхний слой одежды с плеч, давая ему упасть к ногам. Я схватилась тут же за ворот нижней сорочки без рукавов, всерьёз опасаясь, что её постигнет более страшная участь. Но Хилберт резко опустил мои руки вдоль туловища.

– Даже животным нужно как-то возбудиться, – пояснил он, – прежде чем сношаться. Так что дайте на вас посмотреть. Того, что я увидел, очень мало.

Меня обдало яростным жаром с головы до ног. Ох, сейчас натворю глупостей... Я медленно вдохнула и выдохнула, усилием давя колыхнувшийся в груди гнев. Надо сосчитать до десяти. Раз, два...

– Если у вас с этим проблемы, скажите сразу, – проговорила елеинным голосом. – А лучше возбудите себя сами, раз жена вас не устраивает. Я подожду.

И хотела было уже направиться к креслу, но Хилберт хмыкнул тихо и поймал меня за руку, разворачивая снова лицом к себе. Обхватил подбородок пальцами, чуть приподнимая.

Скользнул взглядом вниз, по шее – задержался на груди, ещё прикрытой тонкой тканью невесомой сорочки. Его рука прошла следом, медленно, вдумчиво – и я задрожала. Вовсе не от возбуждения. Показалось, сейчас мои нервы начнут искрить, словно перегруженная проводка. Но я ещё пыталась терпеть, пыталась мириться с тем, что должно произойти, хоть и

задыхалась уже от разрывающего голову смятения. Йонкер шагнул ближе, а я упёрлась в его плечо рукой в бестолковой попытке остановить. Он и не обратил на это внимания: накрыл ладонью мою грудь, чуть сжал, обвёл поверх ткани пальцем твёрдую вершинку, заставив меня медленно прерывисто выдохнуть. Потом спустился по животу, надавливая – и между ног. Совсем немного, но и от этого я рефлекторно сжала бёдра сильнее. И губы Хилберта скривились – ну чисто лягушку перед собой увидал.

– Идите, ложитесь.

Похоже, теперь он вознамерился сделать всё, чтобы я почувствовала себя на приёме у врача.

– Вы так и будете морщиться? – Эти слова сорвались с губ раньше, чем я успела подумать, стоит ли вообще открывать рот. – Может, мне голову накрыть чем? Чтобы вы могли представить на моём месте кого угодно? Может, мы вообще прекратим это представление? Ни вы, ни я не хотим этого. В конце концов, имитировать пятно крови на простыне можно очень легко.

– Не говорите ерунды. Разве вам важно, чтобы я видел перед собой именно вас? – Хилберт усмехнулся с непонятной мне горечью. – Кажется, вам не должно быть до того никакого дела. И представление, как вы выразились, не прекратится. А если будете сопротивляться, мне придётся применить силу. Хотя я и не хочу.

Я насупилась, конечно, но следовало признать: если буду кричать и отбиваться – ничего не изменится, только синяки наживу.

– Не хотите, как же... Вам только и дай, что лишний раз показать силу.

Йонкер фыркнул, вновь отворачиваясь. Пуговицу за пуговицей расстегнул рубашку и сбросил её. Он двигался резко, слишком порывисто, как будто мысленно ворчал. Я смотрела на него, на мягкую игру мышц его спины в скупом вечернем свете, и в груди разрасталось смутное разочарование, как будто от неоправданных надежд, в которых сама себе не хотела признаваться. Хилберт только что ухаживал за мной почти терпеливо и даже ласково – а теперь снова злился, будто укорял себя в минутной слабости. Да я и сама себя готова была корить за то, что поддавалась необъяснимому очарованию этих мгновений.

Отбросив рубашку на кресло, Хилберт оглянулся через плечо – и возвёл глаза к потолку. Я так и стояла на месте, не сдвинувшись ни на шаг. Он не стал упрекать и подгонять: просто подошёл и, подхватив меня на руки, донёс до постели. Бросил слегка небрежно – я только взмахнула руками, взлетела низко и коротко, будто подхваченный ветром мешок на асфальте – и рухнула в мягкую глубину постели. В ней страшно было утонуть: в этой перине, словно облако. И в белоснежных, как в хорошем отеле, простынях.

– Осторожнее! – возмутилась.

– Сколько можно с вами возиться!

Хилберт почти упал сверху, уперевшись одной рукой в постель. Подол сорочки вдруг задрался до пояса, словно сам по себе – и голова опустела. Просто враз. Как будто я стала студенткой, которая, перебрав мартини на вечеринке, внезапно протрезвела в тот миг, как полужнакомый дружок стаскивает с себя джинсы. Мощнейший ступор: лишь взгляд всё цепляется за руки йонкера, крупные, сильные, с едва выступающими венками. Он и правда развязывал брюки. А я ждала – чего? Доказательства того, что «там» он столь же красив? Или повода презрительно хмыкнуть?

– Мениэр, может быть, не стоит? – Да кого я обманываю!

Как бы сбежать? Проломить дверь? Вышибить окно? Откуда такая паника, будто я и правда девственница и какие-то особые девственные гормоны разжижают мой мозг? Хотя девственница, наверное, – не знаю.

– Перестаньте, – неожиданно выдохнул мне в губы Хилберт.

Накрыл их своими, размыкая, нетерпеливо, но достаточно мягко проникая между ними языком. Ладонью – провёл по бедру так, что кожа съёжилась от мурашек. Я попыталась отползти назад, но далеко не получилось. Йонкер приближался, хоть и так был близко. Вжимался между моих разведённых ног и пытался, видно, хоть как-то скрасить этот миг, лаская кончиками пальцев нежную, остро чувствительную кожу.

Едва Хилберт убедился, что на пальцах его остаётся влага, убрал руку и в следующий миг вошёл рывком. Неожиданно, до самого конца. Не дал вскрикнуть слишком громко, продолжая владеть моим ртом. А я только окаменела на миг от прошившей низ живота, давно уж позабытой боли и ослабла совсем, цепляясь пальцами за мятую простыню. Йонкер задвигался

быстро, ровно, словно его тело работало само, отдельно от мыслей. Мыслями он, скорей всего, был со своей несостоявшейся невестой. Да чёрт бы с ним, лишь бы всё это закончилось поскорей!

Я мало что сейчас чувствовала, кроме скользящих рывков Хилберта внутри. И желания не чувствовать и этого. Он всё же посмотрел на меня, оторвавшись от горящих губ. Коротко прикусил нижнюю, чуть оттягивая – и спустил взгляд на груди, что колыхались под сорочкой при каждом толчке. Даже раздевать меня не стал – ему и того оказалось достаточно... Йонкер погрузил пальцы в мои волосы, сжал в кулаке до опасного натяжения.

Он смотрел долго прямо мне в глаза, дёргая на себя – и хотелось вцепиться в его лицо ногтями, провести вниз, оставляя алые борозды. Чтобы нарушить эту правильность и притягательность точёных черт. Я упёрлась ладонями в его ритмично бьющие бёдра, неосознанно стараясь оттолкнуть. Не хочу! Хватит! И отвернулась, чтобы хотя бы не видеть его перед собой. Его широкую напряжённую шею и рельефные плечи. Его глаза, которые впивались в лицо, будто считывали эмоции. Совсем ему ненужные и неинтересные – разве не так?

Но вопреки всему, вопреки моему нежеланию принимать этого мужчину тело моё всё же сдавалось под его напором. Под его касаниями – короткими, скупыми, но именно там, где нужно. Словно оно было создано именно для него. Словно сейчас он – Ключ. Снизу помалу поднималось тяжёлое, будто заволакивающая небо туча, томление, сотрясая меня мелкой отрывистой дрожью. Горячей, как раскалённая свинцовая дробь, которая сыпалась на кожу. Со злости на собственную слабость я ударила Хилберта ладонями в грудь – и сама почти оглохла от громкого шлепка. Он поймал мои руки, прижал к себе и выпрямился, навис, как атлант, продолжая брать меня. А я всё размякала, растворялась в нём, в этих диких нарастающих ощущениях, которым уже не могла противиться.

Так не должно быть. Не должно...

Я стиснула Хилберта коленями, запрокидывая голову, давясь непрошеным стоном, и впилась в его бока пальцами, почти уже отдирая от себя, прогоняя – зачем? Сейчас уже поздно. Только достигнуть пика мне не позволили. Всё закончилось неожиданно. Йонкер излился на простыню: наверное, и мысли не хотел допустить, чтобы та, кого он терпеть не мог, забеременеет от его высокородной особы. Оно и хорошо. Какие тут средства от беременности и есть ли вообще – только их богам известно. А стать брюхатой от этого высокомерного гада вовсе не входило в мои планы. Хотя это было бы неплохим подарочком для Паулине, если бы она вдруг решила вернуться в своё тело.

Хилберт встал, бросил на меня короткий взгляд, натягивая поднятые с пола брюки прямо на голое тело.

– Встаньте, – приказал, совершенно не заботясь о том, что я сейчас вообще ничем пошевелить не могла. – Вам нужно ополоснуться. Вы в крови.

– Оставьте меня в покое!

Он помолчал, но повторил:

– Встаньте!

Я заторможенно опустила взгляд, свела колени, успев заметить, что сорочка и правда слегка испачкана. Поднялась с трудом на дрожащие ноги, одёргивая подол одной рукой, а другой – поправляя сползший вниз ворот. Хилберт накинул рубашку, а потом несколькими рывками стащил с постели простыню с ярким алым пятном на ней – и направился к двери. Она хлопнула громко, когда он вышел. Я снова рухнула на перину и лежала немного, раздираемая на части противоречивыми и неожиданными ощущениями: болезненного удовольствия, пусть и неполного, от близости с мужчиной и жгучей обиды на его поведение.

Глава 11

Несмотря на всё, что случилось после торжества, я уснула быстро, так и не дождавшись возвращения Хилберта. Только ополоснулась и сменила сорочку. И моему сну не помешало ни лёгкое жжение между ног, ни раздражение от выходки мужа – настолько я устала. Только под утро, кажется, услышала тихие шаги и шорох одежды. Перина рядом со мной промялась – и я снова погрузилась в сон, совсем уж успокоившись.

Проснулась, как и всегда, рано. Повернулась медленно на другой бок и снова закрыла глаза: то ли от облегчения, что возвращение Хилберта мне не померещилось – а значит, он не бросил меня одну на всю ночь, – то ли от очередного разочарования, что всё случившееся за последнее время всё же не было бредом. И когда только смирюсь? Со мной рядом лежал не Антон, которого я привыкла видеть на этом месте каждое утро. И вокруг не наша с ним спальня, светлая, чуть тесноватая, но уютная. Нет, окружала меня вытянутая комната с высокими окнами и отделанными деревом стенами, сводчатым потолком и строго вырезанной мебелью. Значит, мир тот же. А передо мной в небольшом отдалении медленно вздымалась широченная спина Хилберта. Теперь можно было легко рассмотреть каждый шрам на ней: не так уж много, но даже столько в моём мире у мужчины явно не встретишь. Что удивило меня ещё больше, так это то, что в окно светило солнце, бросая яркое пятно света на плечо моего неожиданного мужа. Я даже обернулась неверяще – и правда ведь: по небу плывут облака, но теперь гораздо меньше, чем обычно. Даже видно сочно-голубые просветы.

– Чёрт побери... – протянула я шёпотом на своём языке.

Хилберт слегка шевельнулся, и я снова повернулась к нему. В голове не укладывалось до сих пор. Со мной в постели мужчина, с которым я познакомилась при весьма странных обстоятельствах всего-то пару недель назад. Увидь его Аня, она застонала бы от зависти. Да и любая моя знакомая, наверное, тоже. А вот я теперь даже и не знала толком, что мне с таким огромным «счастьем», которое накануне весьма неласково меня поимело, делать. Кажется, я решила с ним дружить. Да только как дружить после всего, что между нами случилось? Особенно после того, каким образом...

Но тело вдруг дало понять, что прекрасно помнит всё, что пережило ночью. И его, в отличие от моего разума, всё устраивает. Низ живота предательски налился тяжестью, а в губах запульсировала кровь. Что за ерунда? Ведь мне, кажется, не понравилось? Я неловко шевельнулась, пытаясь сбросить это постыдное наваждение – и йонкер вздохнул протяжно. Мягко перекатились мышцы между его лопатками, и, наверное, совсем спатив, я протянула руку и кончиком пальца провела по рубцу вдоль его позвоночника.

– Не нужно, Паулине, – хрипло одёрнул меня Хилберт. – Я переночевал здесь только из необходимости. Дальше мы можем, как и раньше, оставаться в своих покоях.

Так, значит... Ну что ж, тем лучше. Хотя бы буду ограждена от его злых посягательств в те моменты, когда ему захочется показать власть. Я откинула одеяло и встала с постели, стараясь двигаться как обычно, будто ничего не случилось. Но слишком громкие шаги и шуршание халата, когда я натягивала его поверх сорочки, всё же выдали мою невольную злость. Я повернулась к мужу – и натолкнулась на его внимательный взгляд. Он был ещё немного сонным, но выглядел вполне отдохнувшим и даже довольным жизнью. А что, у него, наверное, теперь всё хорошо. А вот я где была, там и осталась на своём пути домой. Даже казалось теперь, сделала шаг назад. Хотелось бы верить, что ошибаюсь.

– Злитесь на меня. – Он криво усмехнулся.

– Нет, что вы, – процедила я ехидно, складывая руки на груди. – Сущие пустяки. Вы всего лишь испоганили жене первую брачную ночь. Ну и вообще первую.

– Простите, если я был слишком груб. – Он вздохнул, волосы пятернёй и провёл ладонью по лицу вниз, будто и сам хотел сбросить груз вчерашней ночи.

– Не считаете, что извиняться поздно?

– Извиниться никогда не поздно.

Я скептически поджала губы – и он это увидел, но продолжил смотреть на меня ожидающе. Без ответа не отстанет. И пусть йонкер не выглядел подавленным и виноватым, но его попытка попросить прощения давала надежды, хоть и слабые, что такое больше не повторится. Но желание расколотить о его голову вот эту тяжёлую вазу на столе всё же осталось.

– Я попытаюсь обдумать и простить. Но ничего не обещаю. – Помолчала, давая понять, что точка в этом неприятном эпизоде поставлена. – Так что же будет дальше, мениэр?

Я налила себе воды в кружку и отпила, нарочно отводя взгляд от полубожажённого Хилберта.

– Можете теперь звать меня по имени, – милостиво разрешил он. Надо же, как бы не помереть от счастья! – А дальше мы с вами должны пройти через ритуал в Пустынном Храме, естественно. Где ваши силы раскроют мои, сокрытые.

– И где он находится? Этот ваш Храм? – Я с грохотом поставила кружку на стол.

И тут только поняла, что ляпнула глупость. Потому что брови Хилберта поползли вверх: наверное, я должна была это знать. Он сел повыше, оперевшись спиной на подушку, и оглядел меня всю, опасно нахмурившись.

– Я думал, вы знаете. – Сложил руки на животе, невольно заставив меня скользнуть взглядом ниже, до края одеяла, что прикрывало его бёдра. – Храм стоит в Пустоши.

Вот тут-то я и позабыла о всех прелестях тренированного мужского тела, на которые невольно всё же обращала внимание: не слепая ведь. Потому что это тело, похоже, собиралось тащить меня в Пустошь. И как ни мало я знала о ней, а идти туда мне, по понятным причинам, совсем не хотелось. Достаточно начиталась в библиотеке о тех чудовищах, что там живут. Заглядывала и в мифы о том, что выжившие Изгнанные тоже бродят там, и они не менее опасны, чем порождения Шада.

– И как же вы собираетесь пройти через Пустошь? – Я постаралась сохранить невозмутимый вид и не акцентировать пока внимание на незнании таких вещей. – С нами поедут Стражи?

– Нет, конечно. – Йонкер покачал головой. – Пойдём только вы и я. Пешком. Потому как лошади скорее привлекут хищников. Да и заставить их пойти в Пустошь – та ещё задачка.

Я улыбнулась недоверчиво. Он, наверное, шутит. Конечно, шутит – потому что это не может быть правдой. Пойти вдвоём туда, где, наверное, каждый куст опасен и может либо сожрать, либо отравить. Но Хилберт даже под моим пытливым взглядом остался серьёзным, не рассмеялся через пару мгновений, не поторопился разуверить в своих словах, укорив за наивность.

– А разве это не опасно? – Едва находя силы, я села на край кровати. Просто ноги начали вдруг подгибаться.

– Опасно, конечно. – Йонкер кивнул. – Но не настолько, как вы себе вообразили. В Пустоши много зла, но она не кишит тварями на каждом шагу. Особенно вблизи Волнпика. Проявив некоторую осторожность, мы вполне можем дойти до Храма, так и не встретив ни одну из них.

– А они разве нас не чувствуют?

– Чувствуют. Но я всё же Страж. – В голосе Хилберта почудился лёгкий упрёк. – И сумею защитить свою жену и Ключ. Иначе просто недостойн вас.

Это, конечно, немного успокаивало. Я ведь и правда позабыла, что Хилберт не какой-нибудь современный мне мужчина, который вряд ли сможет постоять за женщину так эффективно, как обученный опытный воин. Особенно перед лицом тех чудовищ. Но как бы он ни был силен, какими бы крепкими мне ни казались его твёрдые мускулы, а он ведь всё равно человек: мясо и кости – как и все. Что уж говорить обо мне: я так и вообще один большой комок страха теперь.

– Я чем-то могу вам помочь или буду только балластом, который нужно уберечь? – Захотелось всё же узнать. Может быть, немного успокоиться своей значимостью.

– Большой частью балласт, – жестоко усмехнулся йонкер. – Но если вы будете рядом, я так или иначе стану сильнее. Уверяю вас.

Я опустила голову, размышляя над всем, что ждало меня. Если мы выживем в этой необходимой аванюре, то наверняка Хилберт станет доверять мне больше. А уж если получит от меня, наконец, те силы, что ему нужны – может, внимательнее прислушается к моему признанию в том, что я не из этого мира. Перестанет считать, что эти слова – только способ избежать свадьбы и обхитрить в чём-то ещё. Иначе я так и буду дальше биться в эту закрытую дверь с табличкой «Хилберт ван Берг».

– И когда же мы отправимся туда? – Я невольно оглянулась на окно, хоть оно выходило на другую сторону от Пустоши.

– Завтра. – Йонкер вдруг улыбнулся, будто собрался в безобидный поход. – Сегодня нам нужно остаться в замке вместе с гостями. Ну и перевести дух, конечно.

– Ещё один пир? – Я упёрлась подбородком в плечо, отчего-то засмотревшись на преобразившегося Хилберта.

Так редко доводилось видеть его в столь благостном расположении духа: от этого и у меня внутри хоть немного успокаивалось негодование. Нормальный вроде человек, когда не пытается меня уколоть побольнее. Я одёрнула себя, конечно, но он, кажется, что-то всё же заметил, отчего его лицо приобрело особенно задумчивое выражение.

– Не пир, – махнул рукой, очнувшись. – Так, обильная трапеза перед тем, как гости начнут разъезжаться по домам.

– И что же? Никто не останется дожидаться результатов ритуала? – Я не до конца ещё понимала весь этот церемониал.

Значит, подтверждения моей невинности они ждали, едва не подпрыгивали, а более важное событие их уже не волнует?

– Это уже касается Ордена. Только его. – Голос Хилберта стал строгим.

И я решила больше пока ничего не спрашивать. Надо бы увериться теперь в том, что он и правда сумеет постоять за нас обоих в Пустоши, и удержаться от новых нападков на меня. Хотелось верить, что так и будет. Да уж, Поля, это тебе не поездка в Париж вместе с Антоном в честь пятилетия знакомства... И даже, блин, не банджи-джампинг на юбилей.

Скоро Хилберт оставил меня, а я с помощью подоспевшей будто по чьему-то приказу Лауры кое-как собралась к завтраку, при каждом резком движении вспоминая, насколько неласковой была моя брачная ночь.

Пока я спускалась по лестнице, меня неожиданно догнал Феддрик ван Стин. Он потеснил Лауру, которая хоть и глянула на него слегка возмущённо, но противиться, понятное дело, не стала, и пошёл рядом.

– Доброе утро, вроу. – Антреманн улыбнулся, когда я повернулась к нему, не слишком обрадованная таким сопровождением.

– И правда, сегодня оно невероятно доброе. – Я скупой улыбнулась. – Видели?

– Да, необычно для этого времени года увидеть здесь Око Хельда. – Он кивнул. – Это хороший знак. Значит, вы с мениэром ван Бергом провели нынче плодотворную ночь. И движетесь в правильном направлении.

Неожиданно запекло щёки, как будто меня голой застали в ванной. Судя по началу, Феддрик вовсе не был настроен на ханжество. Интересно, он со всеми так разговаривает? Или только со мной позволяет себе столь откровенное панибратство.

– Как вам спалось в Волнпике? – не стала я развивать поднятую антреманном тему. – Говорят, у него недобрая воля. А особенно он негостеприимен к чужакам.

– А я не чужак здесь, – загадочно ответил Феддрик. – Но кое-что меня и правда беспокоит.

Он явно выводил меня на некий разговор. И показалось даже, что наша встреча по дороге в зал не была случайностью.

Сейчас те, кто сопровождал антреманна, оттеснили Лауру и вовсе себе за спины: двое суровых мужчин, похожих на каких-нибудь телохранителей. Я обернулась, но их неподвижные лица остались непроницаемыми.

– Позвольте узнать что?

Ох, чувствовала я пятой точкой: все это не несёт мне ничего хорошего.

– Как вы знаете, конечно, ваш муж должен стать Главой Ордена. Но, – Феддрик притворно замаялся, – давно ходят слухи, что со здоровьем йонкера не всё в порядке. Как раз это и тревожит меня.

– Какая феноменальная забота, мениэр. – Как я ни старалась, а не смогла удержать сарказма.

– Понимаете, здесь задеты не только интересы самого Хилберта, но и интересы Стражей. Разве тот, кто имеет настолько большие слабости, может стать достойным предводителем? – В его тоне прорезался лёгкий пафос. – Но, сколько я ни расспрашивал мениэра Геролфа Видбри, самого близкого ван Бергам лекаря, а тот отказался объяснять мне истинную причину приступов йонкера, которым уже было достаточно свидетелей.

– Врачебная тайна, очевидно. – Я вздохнула. – На месте Хилберта я встревожилась бы, если бы мениэр Видбри всё вам рассказал. И не доверила бы ему больше лечение близких людей.

– Справедливо, вроу. – Антреманн серьёзно кивнул. – Потому я хотел бы попросить вас о помощи. Ведь вы супруга йонкера. А всему Ордену было бы весьма полезно узнать, что приступы будущего Главы не несут вреда интересам остальных. И престижу Стражей.

– О какой помощи речь? – Не хотелось произносить в его присутствии ни одного лишнего слова. Как будто каждое из них могло быть использовано против меня.

Да что там, мне уже хотелось просто сбежать. Но надо было выслушать до конца. Похоже, под Хилберта тут глубоко копали, готовили ему хорошую яму, а то и вовсе могилу. И неведомо почему антреманн увидел в моём лице возможную помощницу. Хотя чему удивляться?

– Я был бы очень благодарен, если бы внесли ясность в мои догадки по недугу вашего мужа, вроу.

Я сглотнула липкий горький комок в горле. На что это он намекает?

– То есть вы хотите, чтобы я намекнула вам на его слабые места? А то и открыто вам в них ткнула пальцем? Вы что, издеваетесь?

– Я просил не об этом, – покачал головой антреманн. Вот ведь хитрый жук. – Я просто высказал беспокойство о том, что Хилберт, возможно, зря молчит. Зная точно, что с ним творится, я мог бы помочь ему.

«Или утопить», – добавила я мысленно.

– У моего супруга нет слабых мест. – Я и хотела бы отодвинуться от Феддрика, но узкая лестница, по которой мы спускались бок о бок, не позволяла. – И то, что вы называете недугом, к тому тоже не относится.

– Это похвально. Так поддерживать мужа, учитывая то, при каких условиях вы оказались на этом месте, – слегка озадаченно проговорил антреманн и медленно потёр ладони друг о друга. Тихое шуршание его суховатой кожи пробежалось серпом по нервам. – Но я не советовал бы вам отказываться, вроу. У вас нет причин защищать и поддерживать своего мужа, насколько я знаю. Потому как ничем, кроме силы Знака в вас, он не дорожит. Мне неприятно говорить об этом. Но, возможно, вам стоило бы поискать других союзников.

Наверное, от Хилберта можно было ожидать чего-то подобного. Но я не торопилась верить всем словам Феддрика ван Стина, того ещё лицемерного ублюдка – судя по всему.

– Я подумаю, чем могу вам помочь. Но, конечно, не стану уверять, что сумею.

– Естественно, – с холодной улыбкой на губах согласился мужчина. – Но вы всё же постарайтесь.

– Вы не любите оставлять людям выбор, да, мениэр? – Я глянула на него искоса.

– Выбор есть всегда. Но зачастую стороны его не равнозначны. Разве не так?

Феддрик склонился к моему плечу. Слишком близко. Показалось даже, что сейчас коснётся его. Я едва руку не вскинула, чтобы отгородиться от антреманна. Так сильно меня сдавило недоброй волей этого мужчины. И колким интересом, что сквозил во внимательном взгляде. Как будто он имел на меня какие-то свои виды.

– Вы во многом правы, мениэр, – решила я пока согласиться с ним. Так будет безопасней. – Но и многое не видите. Прошу меня извинить.

Я пошла чуть быстрее.

– Надеюсь, вы понимаете, что этот разговор должен остаться между нами? – бросил мне в спину Феддрик. – Так будет лучше для всех.

Пришлось кивнуть и прибавить шаг, поманив Лауру за собой. Служанка поспешила следом, как только верзилы антреманна пропустили её вперёд. Скоро мы хорошо обогнали мужчин – и внутри словно ослабилась натянутая пружина. Но осталось чёткое понимание: теперь меня зажимают ещё с одной стороны. И так невыносимо захотелось сейчас увидеть перед собой мужчину, который сумел бы отгородить меня от всего этого. Сумел бы поделиться своей уверенностью в том, что всё будет хорошо. Что я всё сумею преодолеть, выползти из этого болота и остаться живой.

Я даже попыталась представить себе его, воззвать из памяти лицо Антона, который всегда казался мне надёжным и спокойным. Да, пожалуй, он всегда был спокойнее меня, хоть и ссоры у нас случались частенько – бытовые, ничего удивительного. Но сколько я ни ворочала эту грудку из вечных неприятностей и переживаний, которые норовили напрочь завалить собой мою память, а не смогла вспомнить его отчётливо. И стало страшно. Оттого, что этот мир и эта жизнь поглощали меня, словно росянка – муху. Переваривали, расщепляли. Смогу ли я когда-то стать прежней?

Зато лицо Хилберта, словно вырубленное из камня, буквально било по моему внутреннему зору, стоило только о нём подумать.

Почти не в себе я ввалилась в столовую – и тут же встретила недоуменные взгляды гостей.

Одним из первых – пыливый и наполненный раскалённой ревностью взгляд Тейна Мейера.

Наверное, он отчётливее других здесь осознавал, что ночью мы с Хилбертом вовсе не в шахматы играли. И это понимание ясно отражалось сейчас на его лице. Пришлось спешно отвернуться, иначе по моему растерянному виду всё и всем станет понятно. Я ещё мгновение шарила взглядом вдоль столов, накрытых к завтраку, прежде чем вспомнила, что мне надо сесть рядом с Хилбертом.

– Что случилось, Паулине? – Он наклонился ко мне.

– Ничего, – пришлось соврать. – Просто неважно себя чувствую.

Йонкер нахмурился, обводя взглядом лицо. Его ладонь снова накрыла мою, совсем как на свадьбе. И от этого – странно – стало намного легче. Пусть антреманн блефует сколько угодно: противопоставить Хилберту он ничего толкового не может. И я не стану помогать ему в его интригах.

– Это из-за меня? Может, вам показаться мениэру Видбри? – показалось, с искренним участием поинтересовался йонкер.

Надо же, и правда как будто тревога в голосе. Надеюсь, его всё же хоть немного мучает совесть за то, как он вчера себя вёл.

– Нет, – снова бросила я, не в силах произнести ни одного лишнего слова. – Пройдёт.

К счастью, Хилберт не стал допытываться правды, хоть во время завтрака я порой и ощущала на себе его внимательный взгляд. Даже отвечала иногда – и дивилась тому, что в нём нет обычной неприязни. Скорее некий вопрос, который он задавал сам себе. А вот какой – не выведешь никакими силами.

После утренней полуторжественной трапезы гости и правда начали разъезжаться. Пришлось долго стоять во дворе и прощаться с каждым, благодаря за то, что они пожелали разделить с нами столь радостный миг. У меня болели щёки от улыбки, которая, казалось, уже до самой смерти не сойдёт с губ – настолько въелась. Хилберт кивал, как болванчик, на каждое слово прощания от каждого гостя, а его глаза становились всё более пустыми. Я и не заметила даже, что, оказывается, на свадьбе было столько народа. Я вчера вообще мало что замечала, конечно. Но вот наконец поток уезжающих иссяк – и мы вернулись в замок. Молча, бок о бок, прошли до общих покоев. И как-то странно стало от этого на душе, закололо мелко и непривычно непрошеным волнением. Спихнулись мы, только когда остановились у двери.

– Вы можете идти к себе, – буркнул Хилберт, отворачиваясь и явно намереваясь направиться в свою комнату.

– Как скажете. – Я пожала плечами нарочито безразлично.

Похоже, вчерашняя ночь и правда была первой и последней совместной в нашей супружеской жизни. Что ж, ну и отлично. Так моя совесть со временем успокоится, и я перестану считать себя изменницей, а эта близость будет всего лишь вынужденной мерой.

И мы разошлись в разные стороны.

Чуть позже я снова отправилась в библиотеку, чтобы на сей раз побольше узнать о Пустынном Храме и ритуале, что ждал меня там, – и теперь моё любопытство не вызвало у хранителя никаких вопросов: он прекрасно знал, что мне предстоит дальше.

Оказалось, Храм построили на том месте, когда полоса Пустоши ещё не придвинулась вплотную к стене гор. В нём с самых давних пор проводились ритуалы по соединению Ключей со Стражами. Но потом пришлось отступать в глубь земель, прятаться за щитом скал и строить в самом уязвимом месте Волнник. Храм остался на месте. А к ритуалу соединения добавилось ещё и немалое испытание: дойти до стен обители вдвоём.

Она стояла не так уж далеко от замка, но и этот путь был опасен: ведь не знаешь, когда именно твари решат напасть. Как описывали летописи, очень редко случалось, что пара не возвращалась из Пустоши. Всего с десяток раз за полторы сотни лет. Правда, меня это мало успокаивало. Не то чтобы я не доверяла Хилберту, а всё равно опасалась, что он может выкинуть что-то неожиданное. Вдруг снова начнётся его приступ?

От мысли об этом внутри болезненно сжалось. Жаль, он до сих пор не захотел рассказать мне о том, что с ним творится. Но последняя встреча с антреманном напомнила: это и правильно. Пусть лучше молчит, а я сама попытаюсь разобраться в его самочувствии. Может, ритуал в Храме поможет? Отчего-то хотелось облегчить его жизнь хотя бы в этом.

Я засиделась в библиотеке допоздна, едва не пропустила ужин. Но Хилберта на нём не оказалось, а Дине отказалась рассказывать, почему он не пришёл, хоть явно знала. Смутная тревога забила в сердце, заставляя по дороге до своей комнаты то решать не вмешиваться в дела невольного супруга, то немедленно пойти и вызнать, в чём дело. Я даже несколько раз останавливалась на лестнице и поворачивала было назад, но заставляла себя одуматься. Это его жизнь, отдельная от моей, хоть волею случая мы оказались связаны узами. Он сам так решил и обозначил мне границы достаточно чётко. Не нужно пока лезть туда, куда меня не просят: и так вляпалась по самое не могу. Касаться стоит только того, что в моих интересах.

Я тихо бормотала себе под нос уговоры, как мантру, пока не добралась до своих покоев. А ночью, едва уснув, вдруг пробудилась от гула в ушах. Накрыла голову подушкой, но он не

унимался. И только через несколько мгновений жгучего негодования осознала, что это не просто посторонний шум. Я снова слышу зов – и от него никуда не спрячешься. Но почему-то казалось, что зовут не меня.

Нет, конечно, я не думала, будто Пустошь может обращаться к кому-то конкретно, а уж тем более по имени, но звук сотен и сотен голосов, которые сливались в один, проходил по краю моего сознания. Я слышала, но не подчинялась. И даже не нужно было бороться, чтобы это делать. Может быть, просто научилась владеть собой лучше? Но он явственно мешал, раздражал, давил на нервы – и уже от этого становилось жутковато.

Я чувствовала себя собакой, что мечется по клетке под действием инфразвука, который не может уловить человеческий слух. Когда меня начало ощутимо тошнить, я не выдержала и встала. На ходу накидывая халат, вышла из комнаты. Постучалась к Дине, но та не открыла и не отозвалась – не настаивать же, не ломиться. Потому я, мгновение поразмыслив, отправилась к Хилберту. Да пусть посмеётся надо мной, пусть разозлится и отчитает, но казалось, что рядом с ним сейчас мне будет спокойнее. Рядом хоть с кем-то, кого я знаю дольше всего здесь. Только чем ближе я подходила к его комнате, тем громче становился зов в голове. А затем взвыл, как остановилась у двери, уже зажимая уши ладонями, словно это могло помочь. Меня явственно давило к полу, будто некая сила хотела размазать по этим камням, не оставив ничего целого.

– Хилберт. – Я постучала одной рукой, почти поскреблась – до того плохо мне стало. – Хилберт, прошу...

Я звала его то громче, то тише, дёргала запертую дверь, не веря в то, что он не откроет. Наверное, я кричала даже, уже оседая на холодные камни. И вдруг кто-то подхватил меня под локоть, поднимая с пола. Я повернулась, почти ничего не соображая: Алдрик смотрел на меня сверху вниз и что-то говорил, но ни единого слова нельзя было разобрать. За его спиной, кутаясь в огромную вязаную шаль, топталась Дине. Она боязливо выглядывала из-за его плеча и всхлипывала, то и дело вытирая слёзы, блестящие на ресницах.

Так и не добившись ничего вразумительного, Алдрик отпустил меня и сам дёрнул дверь в комнату Хилберта. Позвал его, кажется, раз и другой, а затем махнул рукой в сторону лестницы.

– Принесите другой ключ, мейси. Я не выбью, – обратился к Дине. Я едва расслышала его слова.

Девушка тут же умчалась, а Страж вперился в меня. Я еле-еле держалась на ногах, прислонившись плечом к стене, и смотрела на него в ответ.

– Это он слышит зов, да? – спросила, едва узнавая свой собственный голос.

Алдрик помедлил немного и кивнул.

– А вы слышите вместе с ним. Вы его Ключ. Проклятье...

Смутно всплыл в голове рассказ Дине о том, что каждому Стражу предназначен божественной волей один Ключ. Могут быть и другие, но если удаётся в жизни повстречать тот самый – это очень большая удача. Именно он даст Стражу наибольшую силу. Некоторые проживали до старости, так и не увидев его, не познав. То ли разводила судьба, то ли они чем-то гневили богов – и те не позволяли им обрести свои Ключи, но большинство Стражей довольствовались теми, которые находили сами, и были тому рады.

Пелена перед глазами становилась всё плотнее. Я и хотела бы уйти, но не могла сдвинуться с места. Отлеплюсь от стены – и рухну навзничь. Может, даже разобью себе лицо – это будет особенно обидно. Но наконец прибежала Дине, и Алдрик отпер дверь. Он первым вошёл в комнату, а уж за ним меня внутрь провела йонкери. Невероятным усилием Алдрик поднял с пола тяжеленное тело Хилберта и уложил в постель.

– Идите к нему, ну! – окликнул меня нетерпеливо.

Я, едва переставляя ноги, доплелась до кровати, уже не способная ни на сопротивление, ни на осознание своих действий. Смутно только поняла, что упала на перину и подползла к Хилберту, всему мокрому от пота. Онемевшими пальцами развязала ворот его рубашки, стараясь не смотреть в искажённое лицо, и с трудом, только при помощи йонкери, сняла её. А потом, путаясь в рукавах и подоле, стащила с себя халат, а за ним – сорочку. Услышала смутно, как хлопнула дверь, закрываясь за Дине и Алдриком. Я прижалась к Хилберту всем телом, обхватила его одной рукой и ткнулась лицом ему между лопатками.

– Всё... Всё... – зашептала, касаясь губами его влажных волос у шеи. – Всё хорошо, Хилберт. Слушай меня. Слушай... Я здесь.

Я погладила йонкера по напряжённой твёрдой груди – и провалилась в него, как в холодный пруд, освобождаясь от давления зова и освобождая его тоже. Тепло до самых кончиков пальцев прокатилось, когда он наконец расслабился, отступила скручивающая все его мышцы судорога. Сначала он задрожал, как в ознобе, стуча зубами, а затем замер и накрыл мою ладонь, лежащую на его животе, своей. Показалось, сейчас уберёт из вечного своего упрямства, но он переплёл свои пальцы с моими – и я потихоньку уснула, до странности остро ощущая себя настолько нужной – первый раз в жизни.

Утром почувствовала, как тёплая широкая ладонь скользит по моему бедру. Медленно – вниз, до колена, и снова вверх. Очерчивает ягодичы – и самые кончики пальцев касаются меня между ног, вызывая лёгкое содрогание и предвкушение. Похоже на сон... Может, это и был сон? Я дёрнулась невольно, просыпаясь, не понимая ещё до конца, где нахожусь и что происходит – и рука тут же пропала. И вдруг пришло осознание, что лежу совершенно обнажённая в постели, а судя по обстановке кругом – ещё и в чужой. И только за этим вспыхнуло воспоминание, как я здесь оказалась.

Послышались шаги босых ног – Хилберт встал передо мной и слегка небрежно бросил рядом мою сорочку и халат. Вот это накрыло вчера: содрала с себя одежду на раз-два и прыгнула к нему в койку.

– Доброе утро, вроу. Благодарю за помощь, – буркнул йонкер. – Только прошу впредь воздержаться от крайних мер.

Он отошёл, отворачиваясь, а я быстро натянула на себя одежду.

– А если без крайних мер нельзя? Вы хоть знаете, как сильно я вчера слышала зов? Зов, который слышали вы?

Села на постели, осторожно опуская ступни на прохладный пол.

Хилберт вздохнул, так и не глядя на меня, доставая из комода чистую рубашку: та, в которой он был ночью, наверное, вся насквозь пропитана потом.

– Ничего. – Он повертел её в руках и быстро надел. – Сегодня мы отправляемся в Пустошь. А там... Возможно, всё и правда станет хорошо.

В это мне верилось весьма слабо.

– А вы знаете, что ваше состояние очень сильно беспокоит многих в Ордене? Что некоторые спят и видят, как бы спихнуть вас с того места, что положено вам по наследству?

Хилберт повернул ко мне голову, завязывая ворот. Приподнял одну бровь, кажется, ничуть не беспокоясь из-за моих слов.

– Знаю. И даже подозреваю, кто вчера ввёл вас перед завтраком в такое смятение.

– Феддрик ван Стин... – начала я.

– ...не оставил ещё надежд отделить антрекен от Саллийского королевства, – продолжил за меня Хилберт. – Он давно пытался склонить отца к союзу против Короны. Но Стражи – не армия. Они не принимают участия в войне без особой необходимости. И уж тем более его возня никак не касается Ордена. Да только он этого не понял, кажется, до сих пор. Хоть и притих последние годы. Но, видно, не совсем.

– Он угрожал мне. – Я обхватила себя руками за плечи. Показалось, в комнате слишком прохладно.

– Скоро вы будете связаны со мной, Паулине, – взвешивая каждое слово, попытался успокоить меня Хилберт. – Тогда многие недоброжелатели растеряют большую часть своего пыла. И я глотку порву каждому, кто посягнёт...

Он не закончил, разглядывая меня так внимательно, что я даже дышать на мгновение забыла. Его брови сошлись к переносице, а светло-серые глаза погасли в тени, и йонкер отвернулся. Я и хотела бы тоже что-то сказать, но почти произнесённое им обещание отчего-то вогнало меня в лёгкое онемение.

– И что же мне брать с собой в Пустошь? – решила поговорить о том, что подступило к самому порогу. – Или...

– Возьмите только себя. – Хилберт улыбнулся, вновь окидывая меня взглядом, от которого захотелось спрятаться под одеялом. – Ну и оденьтесь соответствующе. Не на прогулку собираемся.

Я кивнула и быстро вышла из его комнаты: задерживаться в ней не хотелось. Лаура помогла мне собраться. И всё это время отчётливо ощущалось её напряжение вместе с некими внутренними колебаниями.

– Я не хочу вам зла, вроу ван Берг, – будто прочитав мои мысли, тихо начала Лаура, шнуруя на спине удобное шерстяное платье, которое я решила надеть для похода в Пустошь: жаль, какие-никакие штаны мне тут не положены – было бы гораздо удобнее.

– К чему вы это мне сказали? – Я покосилась на неё через плечо.

– Дело в том, что... Антреманн говорил со мной вчера. И попросил приглядеть за вами.

– Мениэр ван Стин вообще вчера был очень заботлив, – фыркнула я. – Что же, вы теперь будете шпионить за мной? И докладывать ему? Тогда зачем признались? Ведь антреманн, скорей всего, посулил вам что-то более значимое, чем дала я.

– Посулил. И мне пришлось согласиться, – укорила меня тоном служанка. – Знаете... Там, где я жила, не слишком-то много перспектив для хорошей жизни. И потому, когда вы предложили мне поехать с вами, пусть и в Волнпик, выбор был для меня очевиден. И я очень вам благодарна за это. И докладывать антреманну я ничего не собираюсь. Разве я плохо вам служила всё это время?

Нет, конечно. Никогда у меня не было такой эффективной и заботливой помощницы: служанкой даже язык не поворачивался назвать. Но теперь я знала, что ей тоже нельзя доверять до конца, а это изрядно портило мне нахождение рядом с ней.

– Вы служили очень хорошо. – Я шагнула вперёд, когда Лаура закончила. Отчего-то захотелось немного от неё отдалиться. На всякий случай. – Но если антреманн заплатит вам ещё больше? Если прикажет навредить мне – вы согласитесь?

– Нет, – уверенно помотала головой девушка.

– А если надавит и пригрозит?

Она замаялась, крепко задумавшись. То-то же. Я быстро оглядела своё отражение и нашла, что вполне готова идти хоть к чёрту на рога – уже всё равно, лишь бы поскорее закончить со всем этим.

После завтрака, на котором Хилберт тоже внимательно меня оглядывал и оценивал, он сразу распорядился взять ещё кое-какие нужные вещи и спуститься в его покои. Так я и поступила, захватив из своей комнаты только холщовую сумку, похожую на рюкзак, куда запихнула чистую сорочку, длинные обрезки ткани, огниво, баклажку с водой и снадобье для обработки ран, которое попросила у мениэра Видбри на случай, если всё же случится какая беда.

Пожалела, что здесь мне не положено никакого оружия, а то и его прихватила бы. Ноша получилась весьма увесистой, но с ней мне было немного спокойнее: нажитый в юношеских походах прагматизм не профукаешь.

Хилберт окинул меня внимательным взглядом, когда я зашла к нему – и на его лице отразилось одобрение.

– Вообще я взял всё нужное в дорогу для нас обоих, – усмехнулся, закидывая на плечо сумку побольше моей. – Всё же я рассчитываю не задерживаться в Пустоши надолго. Но вы молодец. Даже странно, что озаботились.

Не то чтобы меня разобрала гордость от его слов. Но стало приятно: за всё время, что я пробыла здесь, это оказалась первая похвала из его уст. Кроме той, когда он сказал, что я красива в свадебном платье, конечно. Но то был комплимент скорее не мне.

– Так я чувствую себя уверенней, – призналась.

– А ещё этой сумкой можно бросить в слангера. При случае, – улыбнулся йонкер. – Убить не убьёте, но хотя бы удивите его и успеете сбежать. Может быть.

Он протянул мне руку. Я вложила в его ладонь свою, и от лёгкого, но уверенного пожатия внутри будто улеглась некая буря. Успокоился невольный страх. Да что же, в самом деле! Хилберт ведь будущий Глава Стражей, а значит, самый сильный из них.

Наверное, я ожидала какого-то особого церемониала в связи с походом в Пустошь. Но нет, Стражи не выстроились в коридор почёта с оружием наголо, чтобы проводить нас с Хилбертом: только вышли некоторые из них в тесный двор с другой стороны замка, осыпали Хилберта напутствиями, попытались приободрить меня. Они были сегодня на удивление улыбчивыми и дружелюбными. Смотрели на меня с любопытством, будто гадали, способна ли я выдержать всё, что мне уготовано.

Отговорившись наконец от соратников, Хилберт повёл меня дальше, и мы через наружную дверь снова вошли в нутро Волнника, а потом двинулись по длинной, плавно изогнутой лестнице вниз. Моя рука всё так же лежала в руке йонкера, и не хотелось его отпускать. Мы спускались так долго, что я начала чувствовать, как тупею от этого бесконечного ряда ступеней, зажатого между обтёсанными стенами. Здесь не было никакой кладки, а значит, ход вырублен прямо в теле скалы – и какими силами это удалось сделать и сколько времени на это ушло, даже и представить себе не могла.

Но скоро в ноздри, кроме обычного запаха чуть сыроватой пещеры, начал ввинчиваться другой: пыли и сухой травы. Хилберт приостановил шаг, и в ушах, где-то на краю сознания, зазвучал знакомый уже гул.

– Вы в порядке? – Я осторожно тронула йонкера за плечо. – Может быть, стоило переждать день-другой?

Он обернулся на меня, отрицательно мотая головой, и его пальцы сжались крепче.

– Дальше может стать только хуже, Паулине. Я не могу больше ждать. Но спасибо, что беспокоитесь.

Чуть позже мы оказались перед низкой даже для меня дверью, толстой на вид, укреплённой металлическими пластинами с непонятными мне знаками на них. Хилберт протянул руку и приложил ладонь к едва заметному отпечатку по центру. Может быть, показалось, но слабая голубоватая вспышка очертила её по контуру, когда он пробормотал неразборчиво нечто вроде заклинания. И лёгкое покалывание передалось через него в мою руку. Дверь как будто вздохнула тихо и немного приоткрылась – совершенно бесшумно. Тут же внутрь влетел прозрачный поток пыльного воздуха.

Хилберт снова обернулся ко мне.

– Ну что? – качнул головой ободряюще. – Готовы?

– Пойдите... – шепнула я, невольно делая полшага назад.

И тут потянула йонкера к себе, а когда он поддался, недоумевающе вскидывая брови, обняла его. Не знаю почему: просто всю меня с головы до пят объяла вдруг страшная необходимость сделать это немедленно. Словно это придавало мне уверенности в том, что всё будет хорошо. В ровном и гулком стуке его сердца, в тихом шуме дыхания в его широкой груди я ощутила силу, на которую уповала всей душой, – и сама как будто стала чуть сильнее.

Хилберт опешил, конечно, но отталкивать меня не стал. Позволил подержать себя в объятиях, поглаживая меня по спине без особого рвения.

– Теперь всё? – поинтересовался, когда я отлепилась от него.

– Да. – Захотелось прочистить горло, до того хриплым оказался мой голос.

Йонкер отвернулся поспешно и толкнул дверь, распахивая её шире. Я вдохнула, будто собиралась прыгать с обрыва, и, пригнувшись, шагнула вслед за ним.

Глава 12

Дальше оказались ещё ступени, и только то, что я крепко держалась за руку Хилберта, удержало меня от падения, потому что опора вмиг ушла из-под ног. Я буквально повисла на плече йонкера, громко ойкнув, а он быстрым движением подхватил меня, приобняв за талию.

– Осторожнее, – выдохнул, ткнувшись губами мне в висок.

И я вдруг почувствовала себя неловко – до душной волны, что поднялась из груди до кончиков ушей.

Мы спускались с плеча холма недолго – под ногами хрустели обломки былинки и мелкий песок. Чем ниже оказывались, тем тяжелее становилось дышать. И глаза засыпало тухлой до жгучих слёз, которые, когда мы оказались внизу, уже ручьями текли по щекам.

Хилберт потянул было меня дальше, но я инстинктивно воспротивилась. Достала из сумки баклажку с водой и сполоснула горящие веки.

– Сегодня буря, – констатировал Хилберт, озираясь. Он тоже шурился, но, кажется, мусор, что летел в лицо, не доставлял ему таких неудобств, как мне. – Как назло. Но она слабая и скоро должна успокоиться.

Ничего себе слабая!

Он присел на корточки, выпуская мою руку, и тоже зарылся в свой увесистый рюкзак, скинув его с плеча. Достал две длинные плотные ткани наподобие шарфов. Одну протянул мне, а другую обмотал вокруг головы, прикрывая нос и рот, оставляя только узкую щёлку для глаз. Ну прямо бедуин. Понаблюдав за ним, я сделала то же самое – и сразу немного полегчало, хоть резь в глазах униматься не торопилась.

– Я почти ослепла, – пожаловалась невольно.

Не для того, чтобы меня пожалели, а просто предупреждая, что балласт может оказаться тяжелее, чем задумывалось.

– Ничего, это пройдёт. Привыкнете. – Хилберт взял моё лицо в ладони и большими пальцами вытер струящиеся из уголков глаз слёзы. – Отойдём от замка – станет чуть легче.

Я снова зацепилась за него, как вагон за локомотив, только в нём сейчас ощущая поддержку среди этого пыльного хаоса. Пустошь казалась мне чем-то сродни Вселенной – такая же необозримая и опасная. Судя по всему, край её где-то да был, но только дойти до него никто пока не сумел. Потому что, чем глубже, тем порождений Шада становилось больше.

– Так что же всё-таки за краем Пустоши? – заговорила я, как только немного отдышалась после первой волны бури, которая и правда чем дальше, тем больше ослабевала. – Вы верите в то, что там по-прежнему живут оуды?

Хилберт обернулся коротко, и я прибавила шагу, чтобы не так сильно его задерживать.

– Думаю, они и правда где-то там. – Его голос из-за тряпки на лице звучал приглушённо. – Хотите навеститься в гости?

Он глянул на меня снова, чуть прищуриваясь. И отдельно от остального лица его глаза показались даже хитроватыми и доброжелательными. Будто он хотел надо мной подшутить.

– А вы можете меня провести?

Послышалось то ли фыркание, то ли усмешка.

– Никто не может пройти через Пустошь. Рано или поздно увязнет. Потому что в глубине её даже обычным Стражам тяжело бороться с зовом. Он сведёт с ума или утащит туда, откуда точно не вернёшься.

– Так что же случается с Изгнанными? – не удержалась я от вопроса. – На самом деле.

– Кто-то гибнет. Кто-то скрывается в горах и существует на грани безумия. В любом случае их век недолог.

Я смолкла, то и дело озираясь. Казалось, что идём мы очень медленно, хоть Хилберт шагал широко и уверенно. Наверное, ему больше всего хотелось добраться до Храма поскорей. Буря понемногу совсем стихла, и стало можно снять платок с головы да чуть отдышаться. Всё отчётливее проступали кругом чёрные силуэты деревьев, которые когда-то тут росли. Подол то и дело драли сухие ветки кустиков и метёлочки мёртвой травы. Скоро вся ткань понизу оказалась облеплена чем-то вроде репья. Он неприятно цеплялся за чулки, но я не пыталась остановиться, чтобы очистить юбку: только время зря тратить, потому что через пять минут будет то же самое.

Порой я начинала слышать зов, и тогда шаг Хилберта сбивался. Становилось страшно оказаться беспомощной здесь, если вдруг его скрутит приступ. Но я вспоминала, что тоже не простая тушка, а значит, сумею ему помочь. В такие моменты йонкер просто крепче сжимал мою ладонь и устремлялся к цели с той же твёрдостью.

Я всё всматривалась вперёд, ожидая наконец увидеть стены Храма. Казалось, прошло уже часа два беспрестанной ходьбы, а конца и края было не видеть. Оставалось только поверить Хилберту и его словам, что обитель не так уж и далеко. Хотя это всё относительно, конечно. Может, ему и двадцать километров отмахать легко, а я подохну уже совсем скоро от переутомления.

Наверное, от таких мыслей я стала оттягивать руку Хилберта совсем сильно, потому как он вдруг остановился.

– Отдохнём?

– А можно? – Я попыталась успокоить дыхание. Всё же запыхалась, хоть и не хотела показывать. – Думала, надо постоянно идти.

– А я думал, вы захнычете раньше. – Йонкер покачал головой, озираясь. – Останавливаться, конечно, нежелательно. Но мне вовсе не нужно, чтобы вы рухнули по дороге и пришлось вас тащить дальше на руках. Передохнём немного. Если хотите, можете поесть.

Я отрицательно махнула рукой. Уж чего, а есть хотелось меньше всего.

Мы присели прямо на землю под каким-то огромным безлистным деревом, которое тихо, сухо поскрипывало на ветру. Не сказать, что отдых этот был приятным: над растресканной поверхностью носились холодные потоки воздуха. И хотелось даже встать поскорей, но телу нужен был хоть какой-то отдых. Пусть дома мне и приходилось порой проводить на ногах много времени, я не марафонец. К тому же пыльный воздух очень усложнял дыхание. В остальном казалось, что здесь действительно спокойно, а тревоги, связанные с Пустошью, большей частью игра воображения. У страха, как говорится, глаза велики. Всё то время, пока мы сидели, Хилберт почти беспрестанно смотрел на меня. И до жути хотелось узнать, о чём он сейчас думает. Если обо мне, то неплохо бы что-то хорошее. Заметив, что я обратила внимание на его пристальное изучение, йонкер встал и протянул мне руку.

– Не будем засиживаться. Надеюсь, вы отдохнули.

Я снова вцепилась в его ладонь и, мысленно пожелав себе удачи и силы, поплелась дальше. Но мы не успели уйти далеко от места привала, как из глубины рябой мути, что скрывала от взора всё дальше пятидесяти метров, послышался вдруг чей-то хрип. И я его узнала. Дикий ужас, пробежав вдоль позвоночника ледяным комом, сковал мышцы так, что я остановилась как вкопанная. Хилберт дернул меня было, но тоже прислушался. Тихо буркнул что-то: судя по тону – выругался.

– Кто это?

– Слангер, конечно. – Он усилием всё же сдвинул меня с места. – Пока один. Значит, не подойдёт близко.

– А если их будет несколько? – Я обернулась в ту сторону, откуда снова донёсся тихий хрипловатый рык. Показалось, уже чуть громче.

– Тогда мы пойдём немного медленнее, – с удивительной беспечностью успокоил меня Хилберт.

Хотелось ему верить, но не слишком получалось. А потому я решила не накручивать себя слишком сильно новыми расспросами и просто доверилась мужу.

Пыльный туман нехотя расступался перед нами и тут же смыкался за спиной, не давая оглядеться толком. Тот слангер явно нас преследовал, напоминая о себе томными вздохами и грудным хлопанием, как будто уже захлёбывался слюной, представляя, как будет нас пожирать. Меня уж точно. Хилбертом, наверное, он мог и подавиться. Но ещё страшнее стало, когда такое же рычание раздалось прямо перед нами, в невидимой дали.

Йонкер остановился, положил ладонь на рукоять меча, словно ещё раздумывал или не считал, что ситуация стала достаточно опасной. Я попыталась уцепиться за его запястье, когда он выпустил мою руку.

– Нет, – выдохнула, не в силах совладать с ужасом, от которого явственно шевелились даже мои тяжёлые волосы. – Хилберт.

– Если вы будете висеть на моей руке, как я буду вас защищать? – Он всё же высвободился. – Держитесь пока рядом. Поближе ко мне.

Да я лучше ноги себе отгрызу, чем отойду от него хоть на шаг! То и дело одёргивая себя, чтобы не цепляться хотя бы за плащ йонкера, я пошла за ним дальше. Идти мы стали и правда гораздо медленнее, но не остановились совсем. Напряжённая ладонь Хилберта всё так же лежала на черенке меча, и я обращала к ней взгляд снова и снова.

Тихий шорох шагов впереди стал громче, как и позади нас. Скрежет когтей по сухой глине – и навстречу нам размашистым прыжком вывалилась невероятного вида тварь. Совсем такая, какую я видела во сне. И тут же ещё с трёх сторон зазвучало нарастающее шуршание громадных лап. Слангер клацнул зубами и снова сорвался с места. Хилберт вынул меч, отталкивая меня за спину. Выбросил перед собой руку, и туман колыхнулся от упругой волны, что ударила в стороны от его ладони. Чудище, уже прыгнув, вдруг замерло, как будто остановили кадр – и, упав на лапы, отшатнулось. Заскребли когти. Из пасти твари вырвался разочарованный вскрик. Ещё рывок. Хилберт широко махнул мечом. Что-то зашипело, упало тяжёлыми каплями на землю.

Слангер прынул назад, скребя лапами по глубоко рассечённой груди. Взыл, словно испустил призыв. Хилберт ругнулся снова – и на нас с трёх сторон налетели другие противники. Такой скорости движений я не видела ещё никогда. Меня отшвырнуло прочь тяжёлым толчком в плечо. Я ударилась о ствол ближайшего чахлого деревца и вцепилась в него, чтобы не упасть. Чуть сползла, озираясь. Показалось, от Хилберта осталось только смещение блестящих полос

разящей стали и вихря, в который размазала его плащ, не поспевающий за всеми выпадами и уклонениями Стража.

Боже мой... Я прожила в Волнпике уже несколько недель, но только сейчас поняла, кто такие эти воины. Просто сгусток невероятной ловкости и силы, которая неподвластна обычному человеку. Только иногда я успевала выхватить взглядом его глаза, холодные, сосредоточенные – бесстрашные. Воздух то и дело пульсировал вокруг него, словно огромная мышца, отбрасывая тварей в стороны, задерживая и давая ему время поменять позицию.

Но, что самое невероятное, даже сильно израненные слангеры не торопились подышать. Тёмная кровь струилась по короткой шерсти, капала на растресканную землю, смешиваясь с пенной слюной, что хлопьями срывалась из их пастей. Но они нападали вновь и вновь. Спотыкаясь, взмахивая когтистыми ручищами. Их страшные буйволино-зубастые морды то и дело оказывались в опасной близости от Хилберта.

Я постоянно порывалась броситься к нему – но чем могла помочь? И хотела бы их прогнать, но не могла отыскать внутри те силы, которые можно было бы на них направить и заставить бежать.

Но вот упал один слангер, прохрипел последний раз и затих. О него споткнулся второй, тоже чуть не рухнул. Два других ещё бойко нападали, но и они уже начинали уставать. Я поверила было в победу, напряжённо наблюдая за невообразимой схваткой одного человека с несколькими противниками, в которой он одерживал верх. Но в глазах потемнело и уши будто заложило, а из глубины тугой глухоты потянулось бормотание, слова, нанизанные друг за другом, словно тяжёлые камешки на стальную нить.

Это был зов. Но он предназначался не мне и даже не Хилберту. Я сползла по шершавому стволу на холодную землю, пытаясь задавить этот жутковатый речитатив в голове, но он всё ускользал от меня, словно вода, просачивался сквозь пальцы.

Нет, нужно как-то унять его, ведь не будет ничего хорошего: об этом вопило обострившееся, словно провод под напряжением, чутьё. И я всё же пришла в себя, сумев затолкать проклятый зов в глубь сознания, будто пробку заткнула. Совершенно потеряв счёт времени, огляделась: кажется, прошло всего несколько секунд. И по спине словно когтями продрало, когда до слуха донеслись шаги сразу десятка лап.

– Хил! – вскрикнула я, наблюдая, как из мути вокруг нас прорисовываются новые очертания мускулистых нечеловеческих тел.

Одно. Два... Пять.

Йонкер отшвырнул от себя одну из тварей. Огляделся быстро и качнул головой. Но, кажется, ни тени страха или хотя бы смятения не промелькнуло в его глазах – будто он пребывал в некоем трансе, когда трудности перестают заботить, а в голове лишь отщёлкиваются пути решения проблемы, как костяшки на счётах.

– Не отходите оттуда!

Он влёк их, как фонарь в темноте: на меня чудища не обращали никакого внимания. И я раз за разом пыталась заставить их расступиться, как неумелый телекинетик пытается сдвинуть стакан, но ничего не выходило. Словно спичка зажигалась внутри и тут же гасла, оставляя только струйку пахучего дыма.

Зато Хилберт держал своё обещание: он защищал себя и Ключ. Будто невидимый щит образовался вокруг того дерева, где я стояла: порождения не чуяли второй жертвы, не смотрели в мою сторону. Но я понимала: как только Хилберт ослабнет, достанется и мне тоже.

– Какой ценный Ключ. – Шёпот за спиной заставил меня вздрогнуть. – Звала меня?

Крепкая рука обхватила поперёк горла, шершавая от очень густых волос на ней. Твёрдая, будто бревно. И нечеловечески сильная. Я не могла оглянуться, не могла вывернуться, хоть и пыталась. Тяжёлыми рывками меня оттаскивали прочь. Чужое дыхание посвистывало возле уха, будто меня обнюхивали.

– Хил! – попыталась окликнуть я мужа.

Но мой выкрик прозвучал глухо, потонул в ладони, что закрыла мне почти половину лица. Я только пискнула, увидев страшные когти на ней, почти звериные. Кто это?! Кто? Что ещё за тварь?

– Тише, малышка. – Запах влажной пыли забил лёгкие.

Фигура Хилберта, занятого схваткой с порождениями, постепенно тонула в густом тумане. Но он всё же обернулся – и глаза его стали из безразличных бешеными. Он вспыхнул невероятной

яростью в один миг так сильно, что она дотянулась до меня горячим ветром. Он метнулся ко мне, но у него на пути встал очередной слангер. Я упиралась ногами, как могла. Пыталась наклониться вперёд и хоть чуть-чуть протащить похитителя обратно, а то и на миг освободиться. Но моих скудных сил было явно недостаточно.

– Пусти, – почти промычала, становясь горячей с ног до головы, будто кипящий чайник. – Пусти, мразь!

И тут в ушах зазвенело, словно после выстрела. Я неловко качнулась вперёд, когда хватка того, кто меня тащил, вдруг пропала. Грохот тела – и облако пыли окутало низ подола. Я обернулась: незнакомец лежал, корчась от страшного мучения. И смотрел на меня.

– Воля, – шевельнулись его потресканные губы на жутковатом, каком-то не совсем человеческом лице.

– Встань и помоги ему. – Собственный голос словно извне прокатился внутри черепа. Если уж порождения не смогла прогнать, то пусть он сразится с ними вместе с Хилбертом. Мужик дёрнулся было подняться, неловко перевалившись на бок, как будто и правда собрался выполнять мой приказ. Я не понимала, откуда это знаю, просто словно чувствовала собственную хватку на его шее. Незримую, но от которой даже мышцы руки подрагивали. Только не успел странного вида мужик подняться – лишь на колено опёрся, – и на него в несколько широких шагов налетел другой. Высокий и светловолосый, будто перекисью обесцвеченный.

– А-а, – протянул, снова обрушивая того на землю. – Это мои слангеры, проныра. Где мои шкуры? Куда дел?

Он поднял голову, прижимая противника щекой к твёрдой глиняной корке, уже истёртой ногами, и, похоже, немало удивился, заметив меня. Я отступила на шаг. Глухой разозлённый рык Хилберта за спиной заставил меня мгновенно покрыться потом. Он ранен? Точно ранен!

– Что там? – Незнакомец попытался посмотреть мимо меня.

– Там мой муж. Мы идём в Храм, – затараторила я. – Нам надо...

– Держи его, Ключ. Он мне ещё нужен, – хмыкнул мужчина, вскакивая на ноги так ловко, что я едва успевала отслеживать его движения.

Второй попытался тоже встать, но я всеми силами удержала его на месте. Даже руку вытянула вперёд, не уверенная, что именно нужно делать, чтобы управлять своей неожиданной силой, которая повернулась благосклонной стороной так внезапно. Я чувствовала, как бьётся в моих пальцах чужеродная сущность, будто вшитая под кожу этого незнакомца с искажённым лицом, которое имело больше звериных черт, чем человеческих: тяжёлая челюсть, чуть выдвинутая вперёд, крупные зубы, от которых рот заметно растягивался, приплюснутый нос и едва заметная короткая шерсть по всей коже.

Он ворочался на месте, стараясь вывернуться из невидимых пут. А я, совершенно растерянная, стояла слегка поодаль и наблюдала за его попытками, одновременно сию секунду поняв, что делать дальше и как это вообще у меня получилось. Хоть и догадывалась, что передо мной скорей всего Изгнанный. Химера, которая уже настолько завладела человеческим телом, что начала проявляться снаружи.

Боже... Если Хилберт тоже носит в себе это... Он тоже станет таким рано или поздно? Если я не помогу? Глаза защипало от непрошенных слёз: то ли страха, то ли жалости, то ли напряжения. А в меня всё упирался неподвижно дикий взгляд этого мужчины. Его желтоватые, как у кошки, радужки будто прикуривателями прожигали кожу.

Только громкая брань того белобрысого ещё удерживала меня в некоем подобии реальности, но я слабела. Чувствовала, как силы уходят на слишком бестолковую – от неумения – борьбу. Вот пленник уже встал на четвереньки – я отступила.

– Лежи! – приказала громко, хрипло.

Пересохшее горло отказывалось издавать вразумительные звуки. Мужик чуть приник к земле, но снова начал выпрямляться.

«Хил... – взмолилась я мысленно. – Хил, ты нужен мне. Выбериайся».

Кто бы мог подумать, что он сейчас окажется единственным моим спасением. И что единственно его я захочу видеть перед собой.

До меня долетали ослабшие волны туго сбитого воздуха. Становилось тише. Но и мой пленник уже почти встал на ноги. И вот словно что-то треснуло внутри. Сломалась скорлупа – тонкая, ненадёжная – воли, которой я на время сковала его. Он снова двинулся на меня. А я просто

развернулась и бросилась прочь сквозь колючую муть – туда, где слышались голоса двух мужчин.

Он догонял быстро. Я оглянулась только раз, чтобы оценить свои перспективы. Не уйти. Мужик выбросил вперёд руку, чтобы меня поймать. Я поддёрнула тяжёлый подол выше, рванула вперёд изо всех сил, едва владея собственными ослабшими ото всех усилий ногами. И тут налетела на кого-то со всего размаха.

– Тише. – Крепкие руки обхватили за талию. Прижали к горячему телу, защищённому лёгкой кожаной бронёй.

Запах крови тронул мои жадно втягивающие воздух ноздри. А ещё запах Хилберта.

Оказывается, я уже запомнила его и могла распознать, даже ничего не видя перед собой из-за слёз и пыли, забившей веки.

Наконец-то.

В следующий миг меня отшвырнули в сторону. Я едва не упала, обернулась: Хилберт шагнул навстречу преследователю, который нёсся на него, не успевая затормозить. Йонкер вынул нож и коротким ударом насадил мужика на острие животом.

Я зажмурилась неведомо почему. В висках загромыхало сердце. Сдавленный вздох. Грохот тела, тяжёлый, безнадежный – и миг тишины, которая разрывалась в ушах только звуком собственного рваного дыхания.

– Добегался, гад, – почти весело констатировал неожиданный беловолосый помощник. – Уж сколько он под ногами у меня путался. Но зря ты его... Он спёр у меня шкуры и куда-то спрятал.

Я не видела его. И перестала слушать шутливое ворчание. Сделала пару шагов почти слепо и вновь повисла на Хилберте, беспощадно сгребая в охапку всё, что попадалось под руки.

– Хилберт, – всхлипнула, тыкаясь лицом куда-то в его шею.

– Всё закончилось, – сказал он так ровно, что даже в позвоночнике холодно сделалось.

Попытался даже оторвать меня от себя, но я будто окостенела, не желая отходить от него ни на шаг. Пусть думает что хочет. Но только так я сейчас могла справиться с ужасом, что разрывал мне голову. Одно дело знать о тварях и Изгнанных – людях-химерах, а другое – увидеть их собственными глазами в один день и в один миг. И Хилберт, кажется, понял меня. Медленно погладил спину, скользнул ладонями вверх, до шеи, осторожно касаясь её кончиками пальцев.

– Испугались?

– Ещё бы. – Я смяла пальцами плащ на его спине и замерла, боясь разрушить этот миг уверенности.

– Горячая женушка у тебя, Хил, – хмыкнул неунывающий незнакомец.

И я повернула к нему голову, открывая глаза.

Он сосредоточенно обшаривал тело убитого, вынимал из его карманов что-то. Разглядывал и убирал к себе в сумку. Прекрасно! Он ещё и мародёр. Как бы нас не задумал прирезать и обобрать.

– Ты мою жёнушку не трожь, – усмехнулся в ответ Хилберт. На удивление хитро.

Даже мурашки по спине побежали от его тона. И захотелось вынуть все его мысли из головы в этот миг, чтобы разобрать, разложить по полочкам и понять наконец, что с ним творится. Хотя понять бы для начала, что со мной.

– Вы знакомы? – Я наконец отлепилась от мужа, но не забыла ухватить его за руку.

И тут только поняла, что ладонь его липкая, будто в клею.

– Да, знакомы были когда-то, – хмыкнул белобрысый. – В прошлой жизни.

Но его слова я уже слышала глухо, вцепившись взглядом в Хилберта, обшаривая его всего, от головы до колен.

– Вы ранены, мениэр? – посмотрела в его лицо пылливо, не найдя видимых ранений.

Может быть, это кровь убитого мужчины? Но ведь нет, нож он держал другой рукой.

– Слегка. – Хилберт откинул полу плаща, открывая спину сбоку.

Его кожаный нагрудник был распорот, из прорехи торчали окровавленные обрывки рубашки. Я приложила к ней ладонь, будто одним только прикосновением желала залечить. Да куда мне! Я же не мениэр Видбри. И заставить ткани срастись только своей волей я не в силах.

Хилберт отстранился, поймав моё запястье.

– Слегка, – фыркнул безымянный пока помощник. – Ещё немного, и тот слангер вырвал бы тебе кусок мяса. Лекарей Ордена, конечно, в Пустоши нет, но помочь можно. Или хотя бы передохнуть. Моя временная хибара тут, неподалёку.

– Нам нужно к Храму, – возразил Хилберт.

Белобрысый задрал голову к небу, которое стелилось где-то там, за пеленой мрака и извечных туч, что над Пустошью были, кажется, ещё тяжелее и гуще, чем над Волнпиком и его окрестностями.

– Скоро начнёт темнеть. Не дойдёте. А в темноте да на запах крови твари найдут вас быстро.

Я была с ним совершенно согласна. Уж больно тревожно выглядела рана Хилберта: достаточно много крови, а он сам чуть кособочится, хоть и пытается скрыть. Йонкер поразмыслил немного, то оглядываясь туда, где валялись сейчас тела чудищ, то присматриваясь к неожиданному помощнику, который уже начал свежевать одно из них. Потянуло жуткой вонью, а вокруг слангера начала расплзаться тёмная лужа, как из прорвавшегося пакета с какой-то жижей. Я сглотнула мерзкую слюну, что немедленно наполнила рот в ответ на рвотный позыв, и отвернулась. Хилберт ободряюще коснулся моего локтя.

– Ты можешь ободрать их потом? – бросил он мужчине.

– Пока ты соображаешь, я успею с десятков их оболванить, – усмехнулся тот, посматривая на него через плечо и не глядя продолжая свое занятие.

– Идём. Показывай, где твоё убежище.

– Потом так потом...

Я наспех перетянула рану мужа прямо поверх мягкого нагрудника: на другое мне пока задерживаться не позволили. Йонкер взял меня за руку и повёл вслед за этим странным незнакомцем. Тот пошёл достаточно быстро, и мы скоро немного отстали: случайно или нарочно, но Хилберт держался от него на расстоянии.

– Кто он такой? – немного выждав, поинтересовалась я.

Надо же знать, хоть он и не представился: а значит, скорей всего, не хотел называть имён.

– Торговец на чёрном рынке, – тихо пояснил Хилберт. – Науд Месс.

– Он химера? – Я опасливо посмотрела в широкую спину белобрысого.

– Да. Раньше он служил в Волнпике. Но скоро его сущность проявилась. Может, оказала влияние Пустошь... Отец вынужден был отправить его сюда. Науд неплохо выживает. И сопротивляется зову дольше многих. А тот второй, если вы заметили...

– Заметила.

Если тот напавший выглядел уже отчасти по-звериному, то Науд совсем не отличался от обычного мужчины. Никаких видимых признаков, как мне показалось.

– И вы доверяете ему, мениэр? – Я вновь посмотрела в озабоченные глаза Хилберта.

– У нас нет другого выхода. Мне нужно хотя бы рану осмотреть. А вам – прийти в себя. Скоро и правда стемнеет. В Пустоши ночь наступает гораздо раньше.

– Значит, не доверяете?

– От какого ответа вам станет легче? – Йонкер покосился на меня, слегка улынувшись.

Я фыркнула и отвернулась, выказывая нарочитую обиду. Издевается ещё... Хилберт вдруг обхватил меня за плечо и коротко прижал к себе, но тут же отпустил. А я и вдохнуть забыла как будто. Да он со мной флиртует, не иначе? Раненный, измочаленный схваткой с семью слангерами, а строит мне глазки. Удивительно! Уж чего, а такого я от своего муженька не ожидала. Но после этого короткого проблеска вид йонкера снова стал невозмутимым, он ни разу больше на меня не посмотрел, пока мы шли сквозь серый в наступающих сумерках туман, не приближаясь к Науду, но держа его в поле зрения.

Достаточно скоро мы и правда добрались до холмов, что плавно изогнутыми горбами показались среди окружающей мути, словно мираж.

– Там легче можно устроить укрытие, – будто отвечая на мои мысли, проговорил охотник. – На равнине больше вероятности повстречать порождения.

– Вы тут, похоже, уже многое знаете, – попыталась я выказать ему уважение. – Большой удачей было встретить вас.

Науд обернулся на меня, криво усмехаясь – и вот тут-то стали заметны его всё же чуть искажённые черты. Уж больно жутковатая вышла улыбка.

– Захочешь выжить – узнаешь. – Он дёрнул плечом и снова отвернулся. – Я подыхать пока не собираюсь. А там кто знает...

Мы прошли между каменистыми громадами холмов, поросших почти сплошняком мёртвым лесом. Узловатые ветви деревьев здесь причудливо и жутковато переплетались между собой – и только знающий человек мог отыскать в этой густой, как угольная пыль, тени нужную дорожку. Охотник несколько раз свернул на развилках: показалось, вдалеке между стволами даже мелькнул свет – и вывел нас с Хилбертом к невысокому, грубо собранному домишке: как раз временно разместиться не больше чем пяти путникам – да и то вповалку.

К тому времени Хилберт заметно сбавил шаг, а Науд, заметив это, тоже стал идти немного медленнее. То и дело йонкер чуть резче взмахивал рукой, будто хотел дотронуться до раны, но останавливал сам себя. А я старалась не подавать вида, что замечаю это. Наверное, моё сочувствие и жалость не станут ему хорошим утешением, а больше разозлят.

Я торопливо вошла в дом вслед за хозяином.

– Здесь есть вода? – уточнила, хотя и понимала, что без воды вряд ли можно выжить в таком гиблом месте.

Науд кивнул, быстро развёл огонь в очаге и повесил над ним небольшой котелок. Хилберт тяжело опустился на грубо сколоченную лавку и тут только поморщился открыто. Я, рана пальцы об острые кромки, попыталась расстегнуть фибулу его плаща, но он оттолкнул мои руки.

– Сам, – бросил.

Парой движений освободил плечи, а там и стянул обшитый толстыми кожаными пластинками и полосками нагрудник. Охотник некоторое время понаблюдал за нами с любопытством, а затем махнул рукой.

– Ну, думаю, вы тут и сами справитесь. А я пойду шкуры сниму со слангеров, пока никто не упёр.

Можно подумать, тут оживлённый город, где то и дело можно кого-то повстречать из людей. Но, наверное, Пустошь всё же была не столь безжизненной, как казалось. Да и вообще хранила много сюрпризов. Даже – странно – порой приятных. Или хотя бы обнадёживающих: как, например, встреча с Наудом.

Охотник ушёл. Пока я ковырялась в своей сумке, выуживая снадобье, что дал мне мениэр Видбри, Хилберт снял и рубашку. Озадаченно осмотрел прореху на ней и вздохнул, как будто ему вдруг стало жаль испорченной вещи. Свою бы шкуру так жалел. Мысленно ворча, я повернула его к себе удобнее, стараясь не разглядывать, хоть взгляд то и дело цеплялся за руки, плечи, за широкие выпуклые пластины груди. И за что мне такое наказание?

Я перестала отвлекаться и промыла рану – она и правда оказалась не слишком глубокой, но неприятной. А потом осторожно намазала вязкой кашицей весьма скверного вида и запаха.

– Да я от этой вони подохну раньше, – буркнул Хилберт, пытаясь вывернуть голову так, чтобы видеть, что я там делаю.

– Потерпите. Если хотите идти дальше. А я без вас так и вовсе никуда больше не дойду.

Закончив, собрала оставшиеся после перевязки мотки ткани, закрыла баночку с лекарством.

Хилберт, озадаченно ощупывая бок, непрерывно смотрел на меня сверху вниз.

– Никогда бы не подумал, что вы возьмётесь обрабатывать рану так спокойно, – проговорил наконец.

Я подняла к нему лицо – и тут же оно оказалось зажато в его ладонях, слегка горячих.

– Откуда вам было знать, как я перевязываю раны?

– Я был уверен, что вы хлопнетесь в обморок. – По губам йонкера пробежала улыбка. – Вы же терпеть не можете вида крови и всегда об этом говорили.

Вот же незадача вышла. Но пусть. Пусть подумает крепче, отчего в Паулине произошли вдруг такие перемены.

– Всё зависит от ситуации. – Я попыталась отстраниться.

Хилберт, продолжая удерживать меня, провёл большим пальцем по моей нижней губе. Осевшая пыль будто наждаком прошла по нежной сухой коже. Я невольно опустила взгляд на слегка блестящую от пота шею мужа, плечи, напряжённые, чуть приподнятые. И будто горячий ручей побегал по груди, заставляя захлебнуться собственным дыханием.

– Мне кажется, я никогда не сумею до конца вас разгадать, – проговорил Хилберт.

Я подалась вперёд, приподнимаясь на коленях. Ладони йонкера спустились по щекам, пальцы обрисовали подбородок. Наши лбы соприкоснулись, а взгляды словно впились друг в друга.

Губы йонкера разомкнулись – и его дыхание растеклось по моим. Какое-то нереальное наваждение.

Но, словно опомнившись, Хилберт убрал руки и качнулся назад. А я плюхнулась задом на пятки, больно ударившись о каблук ботинок. Поморгала, будто и правда освободилась от некоего колдовства. И всё же, когда йонкер переставал быть колючим и холодным, как сосулька, его поведение вгоняло меня в ступор и полную дезориентацию. Что делать-то? Пришлось вцепиться в завязки рюкзака и резким движением затянуть их, скрывая, как дрожат руки, как дыхание мечется в груди. Хилберт тоже засуетился как-то, натягивая обратно распоротую рубаху. Страшная неловкость повисла между нами, словно мы были не супругами, а случайными любовниками, которые внезапно утром обнаружили себя в одной постели и никак не могли вспомнить, как такое случилось.

К счастью, скоро вернулся и новый знакомый, сильно перепачканный кровью освежёванных слангеров, но весьма довольный добычей. Понятно, конечно, что шкуры эти он собирался продать на чёрном рынке, но Хилберт, кажется, и не думал его останавливать и пытаться возвать к закону. За ту помощь, что он нам оказал, можно простить и не такое.

– Жаль, кровь уже начала сворачиваться, пока я ходил туда-сюда, – вздохнул Науд, сваливая отвратительного вида шкуры у порога. По дому тут же поползла нестерпимая вонь сырого мяса и какой-то тухлятины.

– Большая потеря, – саркастично протянул Хилберт. – Ты убрал бы их отсюда. Глаза выедаёт. Науд хмыкнул, но всё же вынес шкуры наружу.

– Потерь мне никто не восполнит, – оскалился он, вернувшись в тепло дома. – Я вынужден зарабатывать так, как могу. И выживать, как могу.

Хилберт кивнул и бросил свой мешок поближе к огню, будто предоставляя его в полное распоряжение хозяина дома.

– Я понимаю, – согласился спокойно. – В моей сумке есть провизия, чтобы ты не тратил свои запасы на нас. Мы не пробудем здесь долго. Завтра утром уйдём.

– Ещё готовить для вас буду? – буркнул охотник. – Или твоя жёнушка мне поможет? Мм?

– Думаю, вряд ли вроу ван Берг... – начал было Хилберт.

Но я резко встала и направилась к очагу. Конечно, меня нельзя назвать знатоком местных блюд, но я и не белоручка, которая ничего, кроме покупных пельменей, приготовить не может.

Антону, между прочим, всегда нравилась моя стряпня. Да и чего уж скромничать, готовила я вкусно.

Мужчины проводили меня недоуменными взглядами. Похоже, стоять «у плиты» аристократкам тут не полагалось. Но я вовсе не собиралась страдать от голода или отвратительного вкуса еды только потому, чтобы не выдать своих умений.

Не сказать, что выбор у меня оказался большим: кусок копчёного мяса, лепёшки и какая-то крупа, которая подозрительно напоминала просо. Но надо отдать должное Хилберту, он хотя бы об этом позаботился, пусть и сказал, что дорога будет недалёкой. Предусмотрел, однако.

Скоро мы поужинали жидковатой кашей с копчёностями и начали укладываться на ночлег. Я старалась не думать о том, в каком месте в очередной раз оказалась. И с кем придётся провести время до утра в одном доме. Науд выглядел доброжелательным и беспечным, но стоило посмотреть в его глаза, как становилось понятно, что в душе его мрак похлеще многих. И, наверное, только нарочитая весёлость ещё позволяла ему хранить присутствие духа.

После того, как легла, я ещё некоторое время настороженно прислушивалась. Хилберт вызвался помочь Науду почистить шкуры до того, как устраиваться спать. Они вышли наружу, прихватив их – и мужские голоса стихли. Невозможно было никак уснуть. Я ворочалась и так и эдак, а потом не выдержала – встала. Отыскала плащ и накинула на плечи. Пойти подышать, что ли. Тихо отворила дверь и тут же остановилась, услышав вдруг своё имя, что донеслось с той стороны, где мужчины сидели у огня и чистили шкуры.

– Мне показалось, она позвала слангеров, – неспешно рассуждал Науд. – И я слышал её голос. Не так сильно, как голос Пустоши, но...

– Уверен?

Внутри всё похолодело. Значит, мне самой не померещилось. Какая-то неподвластная мне часть моего сознания испускала зов, на который прибежали те твари.

– Ты сам видел, что порождений было слишком много для одного раза, – подтвердил мои страхи охотник.

– Это могло быть совпадение, – к моему облегчению, высказал сомнение Хилберт. – Но Паулине способна на многое. Она полна самых разных сюрпризов. И последнее, что я хотел бы в жизни, – это жениться на ней.

– Ты не выглядишь недовольным, – поддел его Науд. – Да и как? Паулине всегда была красоткой. Прости, но я от такой не отказался бы, окажись она в моём распоряжении.

– А то, что она сделала? – слегка повысил голос йонкер. Но добавил уже тише: – Разве после этого я могу хоть как-то ей доверять?

Он мученически вздохнул.

– Люди меняются. И не в твоём положении задирать нос. Места в Пустоши хватит и тебе тоже.

– Да уж, меняются... – Йонкер, кажется усмехнулся. – Она два раза пыталась сбежать от отца.

И, возможно, ещё в день свадьбы – хоть и утверждает обратное. Она лелеет свою обиду на меня и неприязнь к отцу до сих пор.

– А то я и вижу, что виснет на тебе. – Так и представилось, как прищурились глаза охотника при этих словах.

А я приложила ладонь к горячей щеке: что, и правда висну? Ещё этого не хватало!

– Она может делать всё что угодно. Но её настоящие мысли это никак не откроет, – быстро остудил его Хилберт. – Но иногда... Странно. Я замечаю в ней то, чего раньше не видел. Будто она и правда поменялась. Какие-то другие повадки... Жесты. Что-то другое во взгляде.

– Да ты тонко чувствующая натура, Хил, – короткий смешок. – И как оно?

– Я теряюсь, как на это отвечать. – Голос мужа стал и вовсе задумчивым. – Я вижу её лицо, её тело, слышу её голос. И это меня злит. Но если отбросить... всё это...

– Тебе нравится?

– Скорее интригует, – с улыбкой в голосе уклонился от прямого ответа Хилберт. – Мне хочется понять, какая за этим подоплёка.

Я закусила губу и попятилась обратно в дом. Чем дольше слушала доверительный разговор мужчин, тем более неловко себя чувствовала, хоть и было интересно до колик по всему телу. А ещё хотелось подобраться ближе и увидеть сейчас лицо Хилберта. Хотелось так жутко, что лучше было не рисковать, оставаясь здесь. Самое главное я узнала: сомнения моего так называемого мужа съедают нешуточные. И чем больше они расшатывают его уверенность в своей правоте и убеждениях, тем лучше.

На этот раз удалось уснуть почти сразу. А утром меня настойчиво, но достаточно мягко разбудил Хилберт. Я открыла глаза – и он тут же встал с моей лежанки, куда присел на самый край. На миг показалось, что он разглядывает меня внимательно. Так пристально, что даже под кожей щекочет. Но стоило уставиться на него в ответ, как его лицо снова закаменело, не выдавая ни единой эмоции.

– Нам пора выходить. Вставайте.

Кое-как я быстро оделась, глядя в спины мужчин, которые милостиво отвернулись, и присела с ними за стол. После завтрака оставшейся со вчерашнего дня кашей Хилберт не стал затягивать дальнейшие сборы, и мы покинули дом гостеприимного и загадочного Науда. Тот даже вызвался проводить нас до того места, где мы встретились вчера.

– Ну бывай, Хил. – Науд сильно хлопнул йонкера по плечу напоследок. – И жену береги. Она у тебя... Особенная.

Он подмигнул мне – и через пару мгновений пропал в том же мутном тумане, что беспрестанно струился полупрозрачными лентами над мёртвой землёй.

Всю дорогу мне хотелось расспросить Хилберта о том, что я узнала. О том, много ли Изгнанных продолжают жить в Пустоши после того, как от них отказался их собственный мир. Но смотрела в хмурое лицо мужа и понимала: лучше не стоит. Потому что в этот миг он ворочал в голове какие-то тяжёлые мысли. Может быть, о встреченном знакомом, которого осудил на изгнание его собственный отец. Наверное, они раньше были друзьями: ведь не зря между ними обнаружились такие панибратские отношения, которые Хилберта вовсе не возмущали. А возможно, он думал и о том, что случилось вчера и как появились все эти порождения вокруг нас.

И я постоянно прислушивалась к тому, что творится внутри меня, опасаясь пока говорить об этом с Хилбертом. Присматривалась к тому, что происходило кругом. Но сегодня всё и правда казалось безжизненным и пустым – можно идти так десятки километров и ни на кого не наткнуться.

– Храм близко, – разорвал мои вялые мысли голос Хилберта. – Теперь точно никого не встретим.

– Он защищён так же, как и Волнпик? На него наложил заклинания Глава Ордена? Йонкер опустил на меня взгляд, чуть приподняв брови. Наверное, я напоминала ему сейчас первоклашку, которой всё интересно.

– Вы не зря просиживали свой прелестный зад в библиотеке, вроу. – Он кивнул. – Именно так. И вся эта защита пропадёт, если Главу убить. Не сразу, но...

– А защита Волнпика?

– Её поддерживают силы всех Стражей. Поэтому длительное время он ещё будет неприступен. Пока не выберут нового Главу.

Я уже хотела было расспросить о чём-нибудь ещё, ощутив вспышку любопытства и смелости, но тут заметила, как из мути выплывает нечто огромное. Всё растёт и растёт, заполняя собой небо: тяжеловесными стенами и острыми пилястрами, точно зубочистками, торчащими в горке песка. Огромная массивная башня и круглый ажурный, словно вышитый ришелье, витраж. И только когда мы подошли ближе, стало понятно, что Храм достаточно сильно разрушен: оттого и казалось издали, что его очертания как будто размыты. Окна с обломками стёкол пропускали ненасытный ветер, что крупинка за крупинкой разбирал каменное сооружение. Чёрные провалы огромных порталов и арочных дверей словно вели в бездну. Башенки с отставшей, как чешуя, черепицей тонули в низких облаках. Но странно, вид Храма не навевал жалости. В душе всё трепетало от величия его и мрачности. От силы, с которой он стоял здесь многие сотни лет и до сих пор не рассыпался совсем.

– Вы ожидали увидеть нечто другое? – Хилберт с любопытством посмотрел на меня.

– Я думала... Он целый.

– Ага. И внутри куча служителей в ожидании прихожан? – Ехидным тоном йонкер словно укорил меня за наивность. – Нет, он, конечно же, давно заброшен. Но сила в нём осталась та же. Ведь он построен в необычном месте.

Хилберт взял меня за руку и повёл дальше быстрее, словно хотел поскорее укрыть в надёжных стенах Храма. Я едва не забежала внутрь вслед за ним и снова застыла, задрав голову к высоченному своду, под которым как будто остался накопленный когда-то давно свет. Синевато-зелёный, бледный, он тонкими сияющими нитями перетекал между колоннами – высоко-высоко, – сыпался блестящей пылью на пол и гас, обращаясь пеплом. Я даже поморгала, не веря своим глазам.

Хилберт не дал мне разглядывать чудеса Храма долго – протащил дальше, к алтарю или какому-то жертвеннику – трудно сказать. Огромный, даже не обтёсанный толком камень на двух опорах стоял у главной стены. А вблизи я увидела, что в нём, оказывается, две чаши: снова с чёрной водой – в одном, и кристально голубой – в другом. А между ними – нечто вроде выемки под тело. По крайней мере, это углубление очень напоминало человеческий силуэт. Хилберт наконец отпустил меня, давая теперь оглядеться вдоволь. А сам обошёл кругом, будто хотел убедиться, что рядом нет никакой опасности. Даже пропал из вида на время – и стало не по себе, словно я осталась здесь совсем одна. Решившись сдвинуться с места, тоже прошлась дальше, до двух изваяний богов, посеревших от времени и пыли до такой степени, что они совсем сливались со стеной. Только солнце в руке Хельда ещё едва заметно светило, но собиралось вот-вот погаснуть.

– Когда свет пропадёт, – заговорил рядом со мной Хилберт, и я вздрогнула, – Храм потеряет защиту. И Глава должен будет восполнить её.

– Похоже, это произойдёт уже очень скоро. – Я указала взглядом на тускнеющий шар.

– Поэтому мне нужно принять ранг Главы как можно скорее. – Йонкер серьёзно кивнул. Я оглянулась на алтарь и почувствовала себя потерянной. Отчего-то всегда казалось, что ритуалы – это нечто обставленное по особым правилам, в присутствии неких жрецов. С произнесением древних заклятий и обращением к богам. Но мы с Хилбертом были здесь одни: в тишине, которая нарушалась лишь тихим свистом ветра в какой-то из прорех Храма.

Йонкер вдруг поднял меня на руки и понёс к алтарю.

«Что будет?» – ударила о черепную коробку мысль, отдаваясь в ней явным резонансом. Я только ухватила за шею мужа руками, не сводя взгляда с грубого плоского булыжника, окутанного призрачным сиянием светлого источника с одной стороны, и мутным мраком тёмного – с другой.

– Не бойтесь, – шепнул Хилберт, опуская меня в ту самую выемку, в назначении которой я не ошиблась. – Что вы слышали об этом ритуале?

– Меня никто не учил... – начала я было оправдываться.

– Ничего сложного. – Йонкер отпустил меня, но взял за запястья и развёл руки в стороны. – Опустите ладони в источники. Постарайтесь не думать ни о чём важном. Откройтесь силе богов.

– Казалось, я должна открывать вас. – Я приподняла голову, глядя на Хилберта.

– Конечно, откроете. Если готовы будете войти. А на это нужна дополнительная сила. – Ладони Хилберта прошили поверх платья по моим бёдрам вверх.

Я снова откинула голову в удивительно удобную выемку. Вздохнула медленно и глубоко, закрывая глаза. Но снова открыла, когда надо мной нависла тень, загораживая сияние под сводом зала. Хилберт стоял у изголовья, склоняясь ко мне. Его перевёрнутое лицо казалось незнакомым и чуть жутковатым. Он взял мою правую руку и точным движением неглубоко разрезал ладонь – я еле удержала всхлип. А после без колебаний махнул лезвием и по своей. Окунул её в темный источник и вынул.

– Доверьтесь мне, – шепнул, вновь нависая надо мной.

Рассматривая его, словно в головоломке пытаюсь отыскать каждую знакомую черту, я опустила ладони в источники. Прохладная и тёплая вода обволокла их, заколол слегка порез, с каждым мигом всё сильнее. А перед глазами заскакали светящиеся крупинки – и Хилберта я почти перестала видеть.

Но зато почувствовала сполна, когда он накрыл мои губы своими, пронизал волосы у висков кончиками пальцев. Его поцелуй становился всё глубже, ненасытнее. Казалось, вот-вот, и он начнёт сдирать с меня одежду. И я, совершенно потеряв разум, толкалась в его горячий рот языком, будто и правда хотела войти и открыть его, слиться с ним, отыскать в его душе и теле каждую выемку, предназначенную мне, и заполнить собой. Укрепиться в нём и помочь отыскать силы, будто бы скрытые в тяжёлых сундуках – до поры.

Но вдруг йонкер оттолкнул меня, словно ему стало противно. И странно – я сделала шаг назад, хоть и не могла, кажется, ведь лежала сейчас на алтаре.

Открыла глаза, поддёргивая неожиданно спущенное с плеч платье вместе с сорочкой. Но не слишком, только слегка прикрывая обнажённую грудь. И оказалось, что стою в неуловимо знакомой комнате, пронизанной светом, который струился в окно сквозь прозрачные занавески. Исписанные тонким узором стены, резная мебель и высокая, но не слишком широкая постель за спиной йонкера – уютная спальня как раз для молодой девицы.

А Хилберт смотрел на меня яростно и зло.

– Вы с ума сошли, мейси? – Он подошёл и быстрым жестом натянул мне платье обратно на плечи. – Чего вы добиваетесь?

– Я знаю, что нравлюсь вам! Что вы хотите...

– Я сам решу, чего хочу. Вы ошиблись в своих догадках. – Хилберт отошёл снова, нервным жестом поправляя распахнутый ворот. – Если вы позвали меня сюда только затем, чтобы привязать к себе компрометирующей выходкой, то всего доброго.

– Отец всё равно прикажет вам жениться на мне! – Я качнулась было вслед за ним, прижимая руки к груди, на которой только что чувствовала прохладу.

Теперь она снова была прикрыта, нарочито ненадёжно. И стыда совсем не было. Пусть смотрит!

Пусть всё, что он видел, отпечатается в его памяти и лишит покоя. Другие мужчины желают меня и копят деньги, чтобы отдать матери за право взять в жёны старшую дочь. А он... Я не могла понять, что его не устраивает. Что отталкивает от меня настолько, что он и лишнего мгновения не может побыть рядом.

– После всех ваших выкрутасов, – Хилберт покачал головой, – я не думаю, что послушаю даже приказ отца.

– И пожертвуете Ключом?

– Ключ можно найти и другой. Если понадобится, – безразлично пожал плечами йонкер и направился к двери. – Ваша сестра и то годится на роль жены лучше. Но и без Ключей силы ван Бергов велики.

Не нуждается, значит... Ну что ж.

– Вы пожалеете об этом, – прошипела я, когда он уже взялся за ручку. – За каждый миг пренебрежения мной вы расплатитесь.

